

СОВЕТСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Голубович В. С.

ББК 68.49(2)243 Г 62

Г62 Маршал Р. Я. Малиновский. — М.: Воениздат, 1983.
— 215 с., ил.— (Советские полководцы и военачальники).

В пер.: 45 к.

В книге рассказывается о жизни и военной деятельности выдающегося советского военачальника Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

1304010000-216 ББК 68.49(2)243

Г---26-83

Q68(02)-83 355 С

© Воениздат, 1983

ГЛАВА I

СУРОВОЕ ДЕТСТВО. ИСПЫТАНИЕ ЮНОСТИ. ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ. ИСПАНИЯ. ВНОВЬ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

Р. Я. Малиновский родился в Одессе 23 ноября 1898 г. Мальчик воспитывался без отца. Отчим наотрез отказался усыновить Родиона. К тому же в семье начались ссоры из-за материальных недостатков. Кончилось тем, что Родиону пришлось уйти из дома сразу же после окончания церковноприходской школы весной 1911 г.

Мальчик ушел в близлежащий фольварк помещика Ярошинского, где работал разнорабочим под строгим надзором приказчика.

В свободное от работы время Родион жадно читал попадавшие под руку книжки. Среди них был календарь, посвященный столетию разгрома наполеоновских войск в России. Благодаря этому изданию он познакомился с образами героев сражения под Бородино: фельдмаршала Кутузова, генералов Багратиона, Ермолова, Раевского и других.

Осенью 1913 г. Родион переехал в Одессу к тете. Здесь он стал работать подручным в галантерейном магазине

купца, но через полгода заболел скарлатиной. Пока лежал в больнице, на его место был принят другой подросток.

...Стояло жаркое лето 1914 г. Началась война с Германией. Родион нередко сновал по залитым солнцем улицам, вглядываясь в лица проходивших небольшими колоннами солдат в новых шинелях. «Мобилизованные. А что, если и мне с ними...» — однажды подумал он и с тех пор пропадал на товарной станции у дяди Миши, где таскал грузы, в пакгаузах и готовился уехать на фронт.

Однажды, оставив записку на конторском столе, Родион побежал за солдатами, упрашивая их взять его с собой. Солдатам он понравился своей непосредственностью и смелостью: они приютили его и кормили из своих запасов. Когда воинский эшелон прибыл в Вильнюс на русско-германский фронт, Малиновского показали начальству, которое хотя и проявило недовольство, но все же зачислило Родиона добровольцем в пулеметную команду 256-го Елисаветградского пехотного полка. В пулеметном расчете он выполнял обязанности подносчика патронов, затем наводчика.

После непродолжительной подготовки Родион Малиновский участвовал в боях полка. В октябре под Сморгонью получил первую боевую награду — Георгия IV степени и был эвакуирован в глубокий тыл по ранению. Около двух месяцев лечился в Казани. Здесь он услышал откровенные высказывания о напрасных жертвах рабочих и крестьян, о том, что война ведется имущими классами в интересах передела мира, наживы еще больших богатств путем завоевания территорий и эксплуатации трудящихся масс.

По выздоровлении Родион служил в запасном пулеметном полку в Ораниенбауме, откуда убыл в Самару с маршевой пулеметной командой особого назначения. Стало известно, что царское правительство готовит экспедицию русских войск для участия в боях против немцев на территории Франции.

В Самаре формировался 2-й пехотный полк. В его состав и была включена прибывшая пулеметная команда.

Малиновского, как уже побывавшего в боях воина, назначили начальником пулемета. Все уже было готово к отправке.

Прямой путь во Францию отрезала вражеская подводная блокада, поэтому царское правительство по согласованию с французскими властями избрало круглой сухопутно-морской маршрут протяженностью 30 тыс. верст.

Русские солдаты сначала пересекли всю Сибирь, затем Маньчжурию и прибыли в порт Дальний. После поражения России в русско-японской войне в Дальнем хозяйничали японцы. Неподалеку покачивались на воде два французских военных транспорта — пароходы «Адмирал Латуш-Тревиль» для 1-го и «Гималаи» для 2-го пехотных полков, которые составляли 1-ю отдельную пехотную бригаду. На пароходы погрузили русских солдат. При снятых головных уборах на палубах провели общий молебен за «царя-батюшку», русского императора, и отчалили в далекий и тревожный морской путь под прощальные звуки оркестра.

Во Францию прибыли 20 апреля 1916 г. В портальных пакгаузах Марселя 2-й пехотный полк получил винтовки, карабины и боевое снаряжение. Оркестр заиграл марш. Малиновский шел, чеканя шаг, вместе с пулеметной командой, пока без оружия, и наблюдал, как полицейские сдерживали веревочным канатом ликовавшую и напиравшую публику.

Русских воинов временно поселили на окраине Марселя, а затем отвезли в лагерь Майн, недалеко от Шалона-на-Марпе, и снабдили боеприпасами и пулеметами французского образца 1907 г. Личный состав разместился в сборных деревянных бараках легкого типа. В четырех казармах-стационарах проживали французские солдаты и служащие лагеря.

Недалеко от лагеря находилось большое стрельбище, где пристреливалось оружие и отрабатывались упражнения в стрельбе. Тактические занятия проводились в поле. Родион быстро освоил устройство пулемета, названия частей запомнил по-французски, подготовил расчет для боевых действий.

Летом русские покинули лагерь Майн и через несколько дней уже сражались недалеко от Реймса — под Мурмеленом. С прибытием русской бригады фронт на этом участке заметно оживился, и это сразу же почувствовали немцы. Им досаждали активные разведывательные вылазки со стороны передовых позиций, так называемых аванпостов, хорошо оборудованных и укрепленных для круговой обороны.

Пулемет Родиона Малиновского был установлен на аванпосту №2. И вот однажды в ответ на дерзость русских немцы предприняли наступление. На аванпостах завязался гранатный бой. Дрались в окружении. Выручила контратака пехотных рот из основных траншей. Помог бесперебойный пулеметный огонь Малиновского, который заменил наводчика и стрелял до тех пор, пока его не контузило. Командующий 4-й армией генерал Гуро поблагодарил 1-ю русскую бригаду и ее солдат за беспримерную храбрость. За этот бой ефрейтор Малиновский был награжден бронзовым крестом с мечами.

Но после каждого боя молодой солдат все больше сознавал бессмысленность этой войны, уносившей человеческие жизни. Открыто говорил об этом близким друзьям и намекал своим подчиненным, помогая понять им их собственное положение. Последним особенно нравилось, как толковал он неутешительные письма солдатам из России.

Общаясь с французами, Родион старался освоить их язык, и это ему удавалось благодаря любознательности и трудолюбию.

После немецкой газовой атаки бригаду отвели на отдых: ее сменили новые русские полки. Это было в середине октября 1916 г.

Из Парижа время от времени приезжали русские эмигранты и рассказывали о неурядицах в России, о царице и старце Распутине. Известия настораживали собеседников и распространялись среди солдатских масс. Люди тянулись к правде, жадно прислушивались к любому слову о далекой, но родной России.

А тем временем немцы напирали и русское командование бросало бригаду то под Сюлери, то под Бримон на выручку французам в Шампани. После каждого

большого боя многие уже не откликнулись на поверке, а на родину шли бумажки, извещавшие жен, матерей, отцов и детей о гибели близких.

Весной во Францию прибыли подарки от царицы для русских солдат — маленькие молитвенники. Но вместе с ними пришел слух, что царь свергнут, и молиться, в сущности, было не за кого. Появились ораторы. Все, о чем думалось за годы войны, что накопело здесь, на чужой стороне, прорывалось в речах. Смысл их был прост: «Назад — на родину! Назад — к раскрепощенным деревням! Назад — на помощь революции!..»

Вскоре в 1-м полку возник совет. Его примеру последовали во 2-м полку, где состав полкового совета и комитетов в подразделениях был объявлен приказом № 1. Малиновского избрали председателем ротного комитета. Так хорошо законспирированная работа большевиков-марксистов среди солдат дала свои результаты.

Тем временем на французском фронте готовилось апрельское наступление союзников, рассчитанное на участие русских войск. Встревоженное командование экспедиционного корпуса во главе с генералом Занкевичем не могло мириться с создавшимся положением в войсках и предпринимало всевозможные меры, прибегая к угрозам и запугиваниям.

После долгих дебатов на собраниях и делегатских совещаниях 14 апреля 1917 г. 1-я бригада все же приняла решение участвовать в общем наступлении союзников.

Сражение у замка Курси и форта Бримон началось с утра 16 апреля. Одна за другой следовали атаки за шквальным огнем артиллерии. Подавить все огневые точки противника не удалось. Уцелевшие пулеметные гнезда на обратных скатах высот прижимали наступающих к земле и наносили им огромные потери. И все же сопротивление немцев на этом участке было сломлено. Успешные действия русских бригад отмечались французской прессой. Наступление прозвали «бойней Нивеля». В нем французскими армиями не были достигнуты поставленные цели, и вместо Нивеля главнокомандующим стал Петэн.

Свыше 5 тыс. русских погибло там. Наскоро вырытые могилы заполнили поля Шампани. Под фортом Бримон Родиону Малиновскому разрывной пулей раздробило кость левой руки, и он длительное время лечился в русских госпиталях в Бордо, Сен-Серване и Сен-Мальо.

Бессмысленные потери окончательно вывели многих из заблуждения. Пламенные слова комитетчиков все больше доходили до сердец солдат, и уже в мае стало ясно, что после победы Февральской революции в России и провала апрельского наступления французской армии они больше сражаться не будут. Их отвели в глубь Франции, в департамент Крез, в лагерь Жа-Куртин.

Малиновский узнал, что в лагере каждое утро проходили митинги. Вверх выбрасывались транспаранты с лозунгами «Свобода, равенство, братство!». Эмиссары уговаривали солдатских представителей смириться и выполнить свой «долг» до конца. Солдатские массы отвечали непокорностью, отказывались идти на фронт и требовали отправки домой.

После продолжительных переговоров в верхах — «Как быть с русскими бригадами?» — министр иностранных дел Временного правительства Терещенко уведомил французское правительство и начальника французского генерального штаба Фоша, что генералу Заякевичу поручено занять пост главноначальствующего над русскими войсками во Франции и всеми мерами восстановить в них порядок.

К концу июля генерал Занкевич изолировал бригады для психологической обработки порознь. Солдаты общались лишь зрительно, через колючее проволочное ограждение. Но обстановка накалялась с каждым днем.

После госпиталя Родион прибыл в свой полк. Его опять избрали членом ротного и делегатом отрядного (бригадного) комитета. Примерно через две недели открылась недолеченная рана, и он опять был направлен в госпиталь в Сеп-Серван.

А в конце августа поступил приказ о разоружении. 1-я бригада была объявлена взбунтовавшейся из-за отказа сдать оружие. Не желая доводить дело до вооруженного конфликта, отрядный комитет вынес решение о

добровольном разоружении. С этим, однако, не согласились солдаты бригады и избрали новый состав отрядного комитета. К ним присоединились солдаты полков 3-й бригады, и 10 тыс. человек окопались в Ла-Куртине, требуя одного — отправки на родину.

В Петроград последовал доклад с вопросом: «Как быть?» Ответ был кратким: «Немедленно привести восставших к повиновению силой оружия».

И в лагере Ла-Куртин разыгралась страшная трагедия. Лагерь был оцеплен 2-й Особой артиллерийской бригадой генерала Беляева, двигавшейся через Францию в Салоники по воле Антанты. Солдатам, окопавшимся в Ла-Куртиве, был предъявлен ультиматум. Реакционерье ожидало вооруженного сопротивления, но этого не случилось. Русские воины построились на плацу, и оркестры заиграли похоронный марш. Солдаты предпочли умереть стоя.

Начался артиллерийский обстрел. Три дня в упор расстреливали русских крестьян и рабочих, вся вина которых заключалась в том, что они не хотели больше сражаться за «демократию» банкиров и политических шулеров и требовали отправить их на родину.

На третий день лагерь сдался. Часть сдавшихся была разбита на рабочие команды и расселена по департаментам Франции. Три тысячи непокорных и упорствовавших были отправлены в ссылку во Французскую Африку.

Расстрел лагеря закончился 13 сентября, а 15-го Малиновский прибыл из госпиталя и был направлен в лагерь Курно, где размещалась реакционная часть русских войск. Последовал его арест. Пока шло следствие, в России произошла Октябрьская революция.

После ленинского воззвания «К гражданам России», принятия II съездом Советов Декретов о мире и земле французское правительство издало приказ о разоружении всех, без исключения, русских войск и отправке их на работы в каменоломни за проволочное ограждение. Так Малиновский оказался в Бельфоре на каменоломных работах. Труд был не под силу — ныла раненая рука.

Французское правительство вербовало добровольцев для продолжения войны с Германией. Зная, что немцы оккупировали Советскую Украину и издеваются над народом, сотни русских, в том числе и Малиновский, согласились пойти на фронт. В иностранный легион 1-й марокканской дивизии французской армии они прибыли в январе 1918 г., а уже в марте их бросили навстречу прорыву немцев в Пикардии. С того дня дивизия не знала передышки: ее безжалостно кидали на самые трудные участки, особенно в последнем осеннем общем наступлении союзных войск под командованием генерала Фоша, которое продолжалось вплоть до капитуляции Германии.

Глубокой осенью войска Антанты окончательно сломили сопротивление германской армии. Теперь империалисты Антанты получили возможность использовать свои армии против Советской республики. Они предложили Германии оставить войска в оккупированных районах России, на что германские империалисты согласились. Началась иностранная интервенция. На юге России Антанта добилась объединения Донской и Добровольческой армий под командованием генерала Деникина. На помощь ему пришла и Франция. Ее военное командование вспомнило про русских, вывело их из иностранного легиона, где Малиновский воевал наводчиком, а затем начальником пулемета.

Русских разместили в деревне Плёр, недалеко от города Сюзанна. Сначала было решено направить всех к Деникину, но оставшиеся в живых комитетчики, в том числе Малиновский, призвали солдат отказаться помогать Деникину. В июле стали записывать желающих ехать в Россию. Малиновский и еще человек двадцать пожелали отправиться в Одессу. Никому не верилось, что тревогам и лишениям на чужой земле скоро придет конец. Месяц ожидания показался вечностью.

Группа русских солдат погрузилась на пароход «Поль-Лека» и в конце лета 1919 г. покинула берег Южной Франции. Русских поместили в темном трюме. Французским морякам было запрещено всякое общение с ними. На палубе находились люди в штатском. По всему чувствовалось, что

отправка русских солдат была тщательно подготовлена и обеспечена соответствующими инструкциями.

Малиновский пытался представить, что происходит в его родном городе и с чего начнет он там свою жизнь. Это никак не удавалось: слишком противоречива и непонятна была обстановка. Но он твердо решил остаться на стороне революции и не боялся об этом говорить расположившимся рядом солдатам.

В середине октября пароход прибыл во Владивосток, где хозяйничали японцы. В порту было безлюдно. Потом неожиданно появились белые офицеры, обступили солдат и хотели сразу же забрать их в контрреволюционную армию.

Малиновский и группа одесситов стали просить, чтобы их отпустили по домам, что-де, мол, они заслужили такое право в боях за старую Россию во Франции. Разрешение ехать домой на побывку с трудом удалось получить в комитете Пленбеж.

Солдаты-одесситы и из центральных губерний России сели в поезд, который направлялся в Омск. Суровое время давало о себе знать. Эшелоны охранялись от нападения партизан и почти не останавливались на станциях и полустанках. При проверке поезда в Иркутске колчаковцы стали задерживать отпускников, появившихся в такую тревожную пору. Кое-кого они задержали. Малиновский с группой решили бежать, чтобы не попасть в руки белогвардейцев. До Омска добирались разными способами. В городе ютились где придется.

В первых числах ноября 1919 г. Малиновский пересек Иртыш. Где-то рядом должны были переходить реку по льду его товарищи: движением поодиночке достигалась большая гарантия добраться до своих.

С трудом переставляя ноги по снежной целине, Родион шел по полю, ориентируясь по телеграфным столбам. Он знал, что вдоль железной дороги и линии связи тянется шоссейная дорога, по которой в беспорядке отступают белогвардейцы, поэтому часто оглядывался, стараясь первым увидеть человека, чтобы вовремя от него скрыться. Так он прошел день, ночь и еще день... К вечеру шум со

стороны шоссе стих. Малиновский повернул к дороге. Укатанная и промерзшая, она позволяла ускорить шаг. Его остановил резкий окрик:

— Стой! Кто идет? Руки вверх!

Подняв руки, Родион ответил:

— Свой!

Люди подошли вплотную. Родион Малиновский увидел шлемы с красными звездочками, и у него от радости захватило дух. Один из них стал обыскивать Малиновского, другие стояли наготове. Вдруг он вспомнил, что на нем форма царского солдата и в кармане лежат французские награды. До этого они выручали его, а теперь могут подвести. Так и случилось. Особенно подозрительными оказались бронзовые кресты с мечами «Круа де Гер», полученные за бои во Франции. Все зло заключалось именно в них, поскольку задержавшие посчитали, что такие награды получали только офицеры. Все попытки Родиона доказать, что это не так, что он не офицер и идет к красным, были бесполезны. Задержавшие его красноармейцы были неумолимы.

— Тащи его в кусты — и крышка! — слышались голоса.

Родион разозлился и оттолкнул красноармейца, схватившего его за рукав. Все кинулись к Малиновскому. Наперерез выскочил стоявший сбоку старший и, закрыв собою «лазутчика», громко сказал:

— Мы доведем его до штаба, пусть командир разберется, кто он.

Красноармеец взял винтовку наперевес и сопровождал Малиновского в ближайшее село, в котором расположился на ночлег штаб батальона. Встретившие его красноармейцы оказались разведчиками 240-го Тверского стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, гнавшей колчаковцев на Омск.

Наутро в село подошел штаб полка, а с ним товарищи Родиона — Василий Ермаченко, Сергей Трифонов, Иван Цыб, перешедшие линию фронта на других участках полка. Слезы радости, крепкие объятия. На глазах у всех друзья сорвали с себя папахи царской армии и втоптали их в снег.

Затем, обнявшись, подошли к красноармейцам и командирам. Позже состоялась теплая встреча в политотделе дивизии. Им предлагали поехать домой отдохнуть после столь продолжительных и необычных путешествий и скитаний, но они изъявили желание служить в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Их зачислили в армию и сердечно поздравили. Это произошло 10 ноября 1919 г. С запиской от командира они отправились к коменданту штаба дивизии, а оттуда — с назначением в 240-й Тверской стрелковый полк. Так четверо бывших царских солдат, ставших красноармейцами, попали в полковую пулеметную команду и со всем полком выступили на Омск. Преследование противника шло неотступно.

В начале февраля Малиновский заболел тифом. Лечился и мариинском военном госпитале. Болезнь протекала очень тяжело. Его перевели в Томск, где размещался более благоустроенный госпиталь.

В апреле 1920 г. благодаря усилиям врачей болезнь отступила. Родион Малиновский выписался из госпиталя, но был еще очень слаб. В таком состоянии он добрал до городской комендатуры, а оттуда направился в свою часть.

В мае Родион прибыл в Канск-Енисейский, в 137-й отдельный батальон 35-й отдельной стрелковой бригады для охраны железной дороги от Нижне-Удинска до Верхне-Удинска. Здесь узнал, что, пока он болел, 27-я дивизия из Мариинска передислоцировалась в Минусинск и оттуда убыла на Западный фронт. Так Родион расстался со своей первой советской воинской частью, к которой успел привыкнуть, и ему было очень досадно, что стал тыловиком.

За время службы в охранных войсках Родион Малиновский окончил школу младшего комсостава при бригаде и вновь вернулся в свой батальон, но уже начальником пулемета: в его жизни это было третьим назначением на одну и ту же должность. За период пребывания в 1-й Сибирской стрелковой дивизии, которая была сформирована на базе 35-й отдельной стрелковой бригады и переброшена в Забайкалье на охрану туннелей и советско-монгольской границы, Малиновский был повышен в должности. Он участвовал в ликвидации банды Унгерна в

Монголии уже начальником пулеметной команды полка, состоявшей из восьми пулеметов. Последний бой произошел в декабре 1921 г. Малиновский вновь попал в строевые войска — сначала в 309-й, а затем в 104-й стрелковый полк 35-й стрелковой дивизии на ту же должность — начальника пулеметной команды. Здесь впервые на него писалась аттестация в 1922 г.: «Дисциплинированный, энергичный, настойчивый. Пользуется уважением среди подчиненных. Имеет большой практический опыт по пулеметному делу. Будучи беспартийным, является вполне благонадежным и преданным Советской власти. Занимаемой должности начальника пулеметной команды 104-го стрелкового полка вполне соответствует».

В августе 1922 г. дивизия прибыла в Иркутск, где Родион Яковлевич стал помощником командира 1-го стрелкового батальона 104-го стрелкового полка 35-й стрелковой дивизии. К тому времени ему исполнилось 24 года.

В конце 1923 г. Малиновский был направлен в Калугу на должность командира батальона 243-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии. Служба у Родиона Малиновского проходила напряженно. Поначалу пришлось решать различные хозяйственные вопросы для обеспечения только что сформированного подразделения. Затем началась боевая и политическая подготовка, которой он уделял много внимания, умело опираясь на штаб и командиров подразделений.

Бойцам и командирам нравились в комбате собранность, подтянутость, неторопливая и уверенная походка, спокойная манера разговаривать с людьми и умение их выслушивать. Присутствие Малиновского в батальоне, его непринужденная беседа вызывали доверие у подчиненных к своему командиру.

Командуя батальоном, Малиновский совершенствовал методы работы, обогащался духовно и становился все более авторитетным командиром. Он уже так врос в армейскую жизнь, что и не мыслил своей судьбы без военного дела.

В 1926 г. командование отметило качества Малиновского в аттестации: «Обладает твердой и резко

выраженной нолей и энергией. Дисциплинированный и решительный. С твердостью и строгостью к подчиненным умело сочетаются элементы товарищеского подхода и выдержанности».

В те годы Малиновский был практически готов занять более высокую должность, но для этого ему не хватало теоретических знаний. «Военного образования не имеет, является в этой области талантом-самоучкой. Благодаря своему упорству и настойчивости приобрел необходимые познания в военном деле путем самоподготовки. В моральном отношении безупречен. Должности командира батальона соответствует. Заслуживает командирования в военную академию», — писал командир полка в аттестации.

В 1926 г. Малиновский был принят в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. На следующий год перед молодым коммунистом и опытным командиром распахнулись двери Военной академии имени М. В. Фрунзе. Став слушателем академии, Малиновский прежде всего заинтересовался ее историей, полководческой деятельностью Михаила Васильевича Фрунзе, внесшего большой вклад в советское военное строительство. Осуществленные под руководством М. В. Фрунзе военные реформы: принятие Закона о всеобщей воинской обязанности, создание территориальных частей и национальных формирований, реорганизация управления Вооруженными Силами СССР, введение единоначалия, коренное изменение системы подготовки командных кадров и методики обучения — лежали в основе учебных программ академии. Над изучением существа реформ Малиновский работал упорно и много. Он читал литературу, посвященную характеру будущей войны, роли экономики в войне, перспективам развития различных средств вооруженной борьбы, соотношению техники и человека, единой военной доктрине Красной Армии. Это расширяло его общевойсковой кругозор, помогало в решении оперативно-тактических задач. Здесь он впервые научился клеивать листы больших топографических карт, правильно их читать, наносить обстановку, оценивать ее и принимать по ней соответствующие решения. Вначале штабная служба

давалась ему нелегко, но, понимая ее значимость в системе военных знаний, Малиновский с упорством преодолевал эту трудность. Засиживаясь допоздна в кабинете тактики, он изучал формы документов, организацию войск, производил расчеты сил и средств сторон по условиям задания, тренировался на картах. Благодаря трудолюбию и исполнительности Малиновский скоро освоил штабную службу.

Во время двусторонней курсовой игры на тему «Прорыв стрелковым корпусом позиционной обороны противника с ходу» Родион Яковлевич в должности начальника штаба корпуса быстро нанес на карту данные обстановки, выработал грамотное решение и умело обеспечил его силами и средствами, за что получил хорошую оценку руководителей занятий. На последнем курсе ему было поручено самостоятельно разработать оперативно-тактическое задание на встречный бой дивизии и провести групповое занятие со слушателями. И он с этим поручением успешно справился.

В 1930 г. Родион Яковлевич окончил академию в числе лучших слушателей, «общеакадемический курс усвоил хорошо. На стажировке в кавалерийской дивизии проявил особую активность в работе. Аккуратный, добросовестный и старательный. Дисциплинирован, скромн, выдержан» — таковы были оценки в характеристике тех лет.

После окончания академии Родион Яковлевич около года служил в 10-й кавалерийской дивизии Северо-Кавказского военного округа в должности начальника штаба 67-го кавалерийского полка, затем он — помначсектора оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, с 1933 г.— начсектора. В январе 1935 г. Малиновского назначили начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса. С, введением в 1935 г. персональных воинских званий ему было присвоено звание полковника. В июне 1936 г. его вновь перевели в Минск на должность помощника кавинспектора округа.

За годы оперативно-штабной работы в Белорусском военном округе Родион Яковлевич много раз участвовал в различных учениях, которые проводились под руководством

командующего войсками И. П. Уборевича. У него Малиновский многому научился, особенно выработке решений в управлении войсками. Это был очень строгий, но умный и деятельный человек. По его указаниям Малиновский готовил разного рода справки и разработки. Обычно Уборевич, давая задание, устанавливал жесткие сроки его исполнения. Малиновский, имея всего лишь двух помощников, обеспечивал своевременную подготовку нужных документов.

На учениях Малиновский участвовал в роли играющего или посредника. На одном из них обстановка сложилась таким образом, что войска «противника» выступили из занимаемого района и начали двигаться в определенном направлении. Получив эти данные, командир кавалерийского корпуса «красных» не смог принять нужного решения, и дивизии продолжали стоять на месте. Малиновский был посредником и понял, что корпус может проиграть из-за медлительности командира. Понимал это и начальник штаба корпуса.

— Как мне поступить, товарищ полковник? — спросил он у Малиновского.

— Советую, чтобы не терять время, просить у командира корпуса разрешения дать приказ дивизиям на движение и предупредить их командиров, что приказ на боевые действия они получают на марше.

Начальник штаба корпуса так и поступил.

— Правильно, давай двигать дивизии, — согласился командир корпуса.

Этот случай помог Малиновскому глубже уяснить роль командира, лучше понять, как он должен действовать, распоряжаясь судьбами десятков тысяч людей.

Вскоре в жизни Малиновского наступили важные события. В феврале 1936 г. после длительной борьбы Народный фронт Испании одержал победу на выборах в кортесы. Фашисты и реакционная часть правящих кругов не скрывали своих намерений свергнуть республиканский режим. Началом вооруженной борьбы явилось восстание в Испанском Марокко наиболее зажиточной и реакционной

военщины во главе с генералом Франко. Мятеж распространился на материк и в конце июня был поддержан военными Мадрида. Соппротивление последних было сломлено в течение месяца отрядами народной милиции и верными республике воинскими частями. Вместе с ними на защиту свободы и независимости выступили рабочие, крестьяне, служащие и студенты во главе с Коммунистической партией Испании.

Однако угроза столице с юга, со стороны ударных сил старой армии, частей марокканской пехоты и кавалерии и иностранного легиона, сразу же поддержанных германоитальянской военщиной, продолжала возрастать. Благодаря обеспеченности транспортными средствами и вооруженности войск мятежники имели возможность быстро передвигаться и мощно атаковать.

У республиканцев не было военной организации, единого командования, должной дисциплины. Было лишь одно --желание победить. Но для этого необходимо было как можно скорее создать регулярную Народную армию, вооружить и обучить ее военному делу.

На помощь патриотам пришли добровольцы-интернационалисты других стран. Командование Белорусского военного округа для посылки в Испанию считало наиболее подходящей кандидатурой полковника Малиновского и рекомендовало его военным советником. Он охотно согласился и в декабре 1936 г. пробрался в революционную Испанию.

Прибыв в мадридскую зону военных действий, где происходили основные события, Родион Яковлевич начал с изучения обстановки, которая была очень сложной. В это время главные силы мятежников атаковали южные пригороды столицы, имея серьезное превосходство над республиканцами в силах и средствах. Революционные командиры вновь и вновь вводили в бой все прибывавшие батальоны патриотов, но они несли тяжелые потери.

В это же время согласно декрету правительства об организации регулярной Народной армии заканчивалось создание первых шести смешанных бригад на базе 5-го

мадридского полка, в котором насчитывалось 70 тыс. человек. В выполнении первоочередных задач Родиону Яковлевичу пригодился его опыт формирования частей и подразделений 81-й стрелковой дивизии.

Уже в ноябре 1936 г. на мадридский фронт прибыло подкрепление в составе пяти бригад, в том числе двух интернациональных. Позже в Испании появилось еще пять интернациональных бригад. В остальных районах республиканской зоны пока существовали разрозненные колонны. Однако процесс создания Народной армии шел быстро. В декабре 1936 г. — январе 1937 г. все колонны были преобразованы в бригады, мадридский гарнизон сведен в особый армейский корпус. Устанавливался порядок в тылу центрального фронта. Был создан резерв автомобильного транспорта.

В ходе боевых действий сформированных частей и соединений Народной армии Родион Яковлевич изучал тактику и оперативное искусство противника, который сосредоточивал большое количество сил, огневых средств и боеприпасов на главных направлениях. Боевые возможности противника увеличивались с каждой операцией за счет притока новых сторонников Франко, интервентов и наемников.

Находясь на передовых линиях боевых действий, Малиновский видел, что вражеские атаки обычно начинались после четырех-пятичасовой артиллерийской и авиационной подготовки по укрепленным рубежам, артиллерийским позициям и наблюдательным пунктам республиканских войск. Одновременно истребительная авиация обстреливала вторую линию обороны и резервы. Когда атака пехоты успешно отражалась пулеметным огнем республиканцев, начиналась повторная обработка обороны патриотов, которые уходили в укрытия, чтобы выйти из них по прекращении огня противника и вновь занять свои позиции. Нередко происходили жестокие рукопашные схватки.

Убедившись в большой огневой мощи станковых пулеметов и обнаружив недостаточную подготовленность бойцов-пулеметчиков к боям, Родион Яковлевич решил обучить их боевым приемам. В республиканских армейских,

корпусных, дивизионных пехотных школах, созданных в конце 1936 г., а иногда прямо в окопах он рассказывал и показывал, как нужно выбирать и оборудовать огневые позиции, обозначать ориентирами сектора обстрелов, маневрировать пулеметами и их огнем, учил не бояться противника и подпускать его поближе к себе. Как-то во время такого занятия воинов под Мадридом мятежники неожиданно перешли в атаку без артиллерийской подготовки, и Малиновский продемонстрировал, как следует уничтожать врага. Узнав об опасности, грозившей советнику, командир испанской бригады выслал подкрепление, но оно не потребовалось. Атака противника была отражена с большими для него потерями.

Одной из причин слабости Народной армии была недостаточная оперативно-тактическая подготовка командных кадров. Используя знания, полученные в академии, и опыт работы в Белорусском военном округе, Родион Яковлевич разработал программу проведения штабных тренировок командиров на фоне реальной боевой обстановки. В ходе их он предвидел возможные варианты наступления противника и способы отражения его в обороне, при этом особое внимание уделял взаимодействию пехоты с артиллерией и тапками по времени, рубежам и целям в обороне и наступлении.

Противник чаще всего стремился прорвать оборону республиканцев на стыках, и это ему удавалось ввиду отсутствия связи между частями и соединениями и должного боевого обеспечения войск. Не лучшим образом у патриотов решались вопросы разведки противника, осуществления внезапности, которые нередко становились причинами неудач, как, например, на р. Харама, где наступление республиканцев было упреждено франкистами. Эти недостатки устранялись революционным командованием с помощью советских военных советников в штабах и на переднем крае боевых действий.

Хуже всего в штабах республиканской Испании обстояло дело с планированием операций. Стратегия высшего командования была в основном оборонительная и базировалась на неверии в силы революции. Характер же

войны требовал смелой, наступательной стратегии. В связи с этим главная задача советнического аппарата заключалась в том, чтобы переломить нерешительность высшего командования.

Полтора года длилось участие Родиона Яковлевича в национально-революционной войне испанского народа против агрессии фашистских государств — Германии, Италии, Португалии и внутренних заговорщиков — мятежников генерала Франко. Это была школа мужества, испытаний и поражений перед вооруженным до зубов и озверевшим противником. Там Малиновский был удостоен воинского звания «комбриг».

Родион Яковлевич вынес из Испании большой практический опыт по организации и ведению боевых действий войск, особенно в обороне населенных пунктов, крупных водных рубежей и господствующих высот, а также приобрел навыки планирования наступательных операций. Были изучены возможности родов войск и военной техники вероятных противников.

Советское командование учло боевой опыт и педагогические данные Малиновского и направило его в Военную академию имени М. В. Фрунзе на кафедру службы штабов. Это было время, когда в связи с усилившейся опасностью для Родины расширялись учебные базы академий, увеличивалось число преподавателей. Страна нуждалась в большом количестве подготовленных военных кадров.

Неузнаваемой для Родиона Яковлевича стала сама академия по сравнению с тем периодом, когда он в ней учился. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» в академии был перестроен учебный процесс, уточнен профиль и характер подготовки слушателей на базе организационного усовершенствования и технического оснащения родов войск, а также новых данных из опыта боевых действий.

Родион Яковлевич принес с собой в академию большой запас практических знаний и быстро привлек к себе внимание

слушателей и преподавателей живыми рассказами и убедительными примерами. Каждый раз появление Малиновского в аудиториях вызывало оживление слушателей. Его лекции отличались содержательностью и доходчивостью. Командование охотно привлекало Малиновского на учения и штабные игры в качестве посредника, где он так же умело передавал свои знания.

Несмотря на высокую военно-политическую подготовку, солидный опыт боевой, строевой и штабной работы, Малиновскому нелегко было привыкнуть к новым условиям академической деятельности. Лекции, семинары, консультации, партийные мероприятия и общественные нагрузки заполняли все рабочее время, а по вечерам приходилось упорно работать над собой. Вскоре прибавилась забота по написанию диссертации на соискание ученой степени кандидата военных наук. Приобщился он и к военно-научным исследованиям, выступал с методическими разработками перед профессорско-преподавательским составом по организации учебного процесса.

Летом 1940 г. Родиону Яковлевичу было присвоено звание генерал-майора, а за проделанную педагогическую работу он был удостоен звания «Отличник академии». Начальник кафедры службы штабов писал в аттестации в конце 1940 г.: «В войсках может быть использован на должностях командира дивизии, начальника штаба корпуса или начальника оперативного отдела штаба армейской группы».

ГЛАВА II

КОМАНДИР КОРПУСА. НАКАНУНЕ. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СРАЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ МОЛДАВИИ. ГОРЕЧЬ ОТСТУПЛЕНИЯ

В один из мартовских дней 1941 г. Родиона Яковлевич вызвали в Генеральный штаб для беседы. Встретил его корпусной комиссар С. К. Кожевников по поручению начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова. В непринужденной обстановке генерал-майор Малиновский был информирован о подготовке Вооруженных Сил СССР к отражению возможной агрессии со стороны

Германии и формировании в связи с этим свыше десятка стрелковых корпусов.

— Руководство считает возможным назначить Вас командиром корпуса, — сказал С. К. Кожевников. — Корпус дислоцируется в Кировограде.

Поздним вечером 13 марта Малиновский прибыл в Одессу, где его встретил начальник штаба округа генерал М. В. Захаров.

М. В. Захарова Родион Яковлевич знал еще по службе в Белорусском военном округе, куда Малиновский прибыл в феврале 1931 г. Работали в 1-м отделе штаба округа. В последний год совместной работы М. В. Захаров был начальником отдела, а Малиновский — его помощником. Сначала перевели в войска Родиона Яковлевича, а через год убыл и Матвей Васильевич — командовать 22-м стрелковым полком 8-й стрелковой дивизии. Затем Захаров уехал в Военную академию Генерального штаба, а Малиновский — в декабре 1936 г. в Испанию. Матвей Васильевич за это время прошел должности начальника штаба Ленинградского военного округа, помощника начальника Генерального штаба и прибыл в Одессу в июле 1940 г. Тогда же ему было присвоено звание генерал-майора. И вот они опять вместе.

...Машина остановилась перед зданием штаба округа. Генералы вошли в просторный уютный кабинет. Захаров подошел к Малиновскому, положил руки на его плечи и, глядя в глаза, сказал:

— Малость подобрел и возмужал. Виски тронула седина. Знать, досталось в Испании?

— Было немного. Я вижу, ты тоже не молодеешь. Как-никак, мы одногодки.

— Да, брат, заботы да годы следы оставляют. Ордена оттуда?

— За Испанию.

На груди генерала Малиновского сияли ордена Ленина и Красного Знамени.

— И у тебя появились ордена, — сказал Малиновский.

— Орден Красного Знамени получил в тридцать восьмом, через год — Красной Звезды, еще за гражданскую войну.

— Как командующий? — поинтересовался Малиновский.

— Думаю, что сработаетесь, — сказал Захаров. — Округ наш молодой: образован в конце тридцать девятого. Войск мало. Обстановка тревожная. Приступаем к формированию новых дивизий и корпусов. Ставим вопрос перед Жуковым, чтобы на случай войны в полосе Одесского округа можно было развернуть две армии, а управление округа иметь в качестве фронтового.

Они вошли в кабинет командующего. Из-за стола навстречу вышел генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Здесь же находился член Военного совета корпусной комиссар Л. Ф. Колобяков. Обращаясь к Малиновскому, командующий сказал:

— Наслышаны о Вас от Матвея Васильевича. В какой мере осведомили генерала? — спросил командующий Захарова.

— В самом общем плане, товарищ командующий, то есть дана ориентация об обстановке.

— В округе имеются три стрелковых корпуса. Мы обязаны сформировать к июню Ваш корпус в Кировограде в составе дивизий: доукомплектовывающейся 74-й стрелковой (командир-полковник Шевердин Федор Ефимович), 30-й горнострелковой (командир — генерал Галактионов Сергей Гаврилович), 176-й стрелковой (командир — полковник Марцинкевич Владимир Николаевич) и 150-й стрелковой (командир — генерал Хорун Иосиф Иванович)¹. Запомните, Родион Яковлевич, Вам формировать и Вам в случае войны с этим корпусом воевать. Обстановка не терпит проволочек, поэтому приступайте к делу, что называется, с ходу. Примите все меры маскировки войск. Передвижения осуществлять только ночью. Завтра вылетите моим самолетом в Кировоград.

¹ *Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 16А, оп. 2956, д. 5 (карта).*

Прилетев в Кировоград, Малиновский в тот же день отдал приказ о своем вступлении в должность, познакомился

с размещением корпусных частей и подразделений в городке, побеседовал с начальниками отделов и служб. Полковник Шевердин доложил о ходе укомплектования 74-й стрелковой дивизии, особенно личным составом.

Заслушав доклад начальника штаба комбрига А. Г. Батюни о состоянии войск, Родион Яковлевич пришел к выводу, что необходимо срочно заняться подготовкой и сколачиванием корпуса, особенно его штаба. Необходимость эта все больше ощущалась. Малиновский почувствовал это во время беседы не только в Генштабе, но и в штабе округа, где узнал от Захарова, что начинается эвакуация в глубь страны военных училищ с Украины и из Белоруссии.

Начальнику штаба корпуса Малиновский приказал провести провешивание маршрута от Кировограда через Первомайск, Балту, Рыбницу, Бельцы к государственной границе на р. Прут. Он считал, что это необходимо закончить в первых числах апреля.

— Воспользуйтесь данными округа. Я позвоню генералу Захарову. Одновременно произведите расчеты выдвижения штаба и корпусного артиллерийского полка из Кировограда с подключением в Балте 74-й и в Рыбнице 30-й горнострелковой дивизий, — распорядился командир корпуса.

Через неделю на должность заместителя командира корпуса по политической части прибыл полковой комиссар И. И. Ларин. Илларион Иванович энергично взялся за дело и сразу же оживил партийно-политическую работу. Большое внимание уделялось воспитанию патриотизма, повышению дисциплины и усилению бдительности. Эти вопросы обсуждались на партийных собраниях. Им посвящались политзанятия, политинформации, собеседования. Малиновский увидел в Ларине активного и деятельного помощника, и между ними с первых же дней установилось полное взаимопонимание.

В марте участились нарушения границы на территории Одесского военного округа румынскими самолетами. Многократные облеты местности вдоль границы, о которых докладывали Малиновскому, давали основание

предполагать, что ведется разведка советских военных объектов, а также уточнение ранее выполненных съемок.

Суровая действительность взывала к ответным мерам. Генеральный штаб решил выдвинуть на запад со второй половины мая крупные резервы из внутренних округов. Командующим приграничными округами, в том числе и Одесским военным округом, были даны указания передислоцировать ряд дивизий и корпусов поближе к государственной границе.

6 июня командование округа получило согласие Наркома обороны о выдвигании на бельцевское направление 48-го стрелкового корпуса с целью обеспечения стыка с Киевским Особым военным округом ². В состав корпуса были включены 74, 30 и 176-я дивизии. Нарком потребовал осуществлять передвижение войск скрытно, в ночное время. Необходимо было срочно обговорить ряд организационных вопросов с командиром корпуса, и Захаров отправил самолет за Малиновским (командующий округом в это время находился в Крыму).

² ЦАМО, ф. 48А, он. 1, д. 46, л. 110, 136.

В штабе округа Захаров и Малиновский, стоя над раскрытой картой, намечали маршруты и районы учений, в том числе учения по форсированию Днестра, с таким расчетом, чтобы скрыть от противника замысел советского командования по подтягиванию войск к границе. Перевозки должны были осуществляться без изменения графика работы железной дороги. Был рассмотрен план подъема частей по тревоге, порядок поддержания связи и пр.

Во время пребывания в штабе округа Малиновский узнал от Захарова, что приграничные соединения усилили бдительность по охране границы. Командиры стали чаще проверять боевую готовность войск. В авиационных частях и соединениях проводились боевые тревоги, тренировки в перебазировании самолетов с постоянных аэродромов на оперативные. Летчики ночью готовили самолеты и перелетали с таким расчетом, чтобы к рассвету сесть на оперативные аэродромы, где создавались запасы горючего и боеприпасов.

Итак, явно надвигалась война. И Родиону Яковлевичу особенно запали в душу слова Захарова: «Судя по всему, мы стоим на пороге тяжелых испытаний. И что бы ни случилось с тобой — держи связь, всегда помогу. Ведь ты будешь на главном направлении округа».

В ночь на 8 июня Родион Яковлевич объявил боевую тревогу штабу, корпусным частям в Кировограде и включенным в боевой состав корпуса 74-й стрелковой и 30-й горнострелковой дивизиям. К 15 июня 74-я и 30-я дивизии сосредоточились северо-восточнее Бельцев. 176-я дивизия находилась на прежнем рубеже: р. Прут от Липкан до Петрешт у Скулян. За несколько часов до начала войны Захаров вновь подчинил ее командиру 35-го стрелкового корпуса комбригу И. Ф. Дашичеву. Он считал, что руководство обороной стыка между правофланговой 176-й дивизией и 95-й, которой предстояло прикрывать границу южнее, должно осуществляться одним командиром. Однако расстояние между штабом дивизии в Бельцах и штабом 35-го корпуса в Кишиневе составляло 180 км, и Малиновского беспокоило такое решение, поскольку дивизия, прикрывая границу на 150-километровом фронте, заслоняла собой бельцевское направление, на котором сосредоточились две другие его дивизии. Управлять приграничной дивизией из штаба 48-го стрелкового корпуса, разместившегося во Флорештах, было куда удобнее, чем Дашичеву из Кишинева.

Усомнившись в надежности обороны малыми силами на столь широком фронте и в эффективности управления частями на больших расстояниях, Родион Яковлевич стал настаивать перед М. В. Захаровым на возвращении ему дивизии В. Н. Марцинкевича и на разрешении выдвигаться 30-й дивизией в сторону Скулян. Однако начальник штаба округа не согласился на это. Оставалось надеяться на большой боевой опыт комбрига И. Ф. Дашичева и готовиться к встречным боям.

Услышав от Захарова слово «война», Родион Яковлевич только и успел сказать в трубку: «Ночью будем выдвигаться». Он знал, что командно-начальствующий состав штаба ждет только сигнала. В войсках корпуса была объявлена тревога, приказано рассредоточиться и замаскироваться до особых

распоряжений. По указанию Дашичева от Марцинкевича поступила первая информация: «Вражеская авиация бомбила Бельцы, над городом произошел воздушный бой, на границе идет перестрелка, отмечается оживление противника за Прутом в районе Скулян, на дорогах появились первые беженцы».

В середине дня 22 июня Родион Яковлевич, заслушав доклады подчиненных о готовности к маршу, выехал в дивизии. Штаб 30-й располагался рядом со штабом корпуса в Багринештах. Ее командиру надлежало к утру 23 июня вывести части на рубеж Стурзовка, Пырлица (10—12 км юго-западнее Бельцев) и не допустить прорыва противника. За ней должна была выдвигаться к Бельцам 74-я дивизия Ф. Е. Швердина.

Трудное положение сложилось в 30-й дивизии. Боеприпасы не были подвезены, а впереди ее ждал 50-километровый марш. Посланные в Рыбницу автомашины за оставшимися боекомплектами и материальными средствами еще не вернулись, а дороги уже контролировались вражескими самолетами. И тогда командир корпуса распорядился помочь командиру 30-й дивизии С. Г. Галактионову автотранспортом, чтобы быстрее вывезти боеприпасы из Рыбницы.

К утру 23 июня генерал С. Г. Галактионов переместил свой штаб в Пырлицу. Части дивизии опоздали занять оборону на намеченных рубежах. Прибывший вскоре в дивизию Р. Я. Малиновский указал на недостатки марша и потребовал с наступлением ночи ускорить выдвижение войск на заданный рубеж.

Осуществляя сближение с противником, командование 48-го корпуса не забывало и об обстановке на фронте, особенно по своему направлению. Связь с действовавшим впереди корпусом Дашичева поддерживалась всеми доступными средствами.

Малиновскому и его штабу стало известно, что, несмотря на героическое сопротивление пограничников и воинских подразделений, гитлеровцы форсировали р. Прут у Скулян на полуторакилометровом фронте. К вечеру на

занятый ими плацдарм переправились 2 полка, 20 танков и до 200 мотоциклистов. Этот прорыв был ликвидирован полком второго эшелона 95-й стрелковой дивизии 35-го корпуса совместно с подоспевшим кавполком 9-й дивизии 2-го кавалерийского корпуса П. А. Белова. При этом было захвачено в плен 50 солдат и офицеров.

На рассвете 24 июня 30-я дивизия прошла Бельцы и заняла оборону в тылу сражавшейся 176-й дивизии. 74-я дивизия сосредоточилась за ней северо-восточнее Бельцев в Александренах. Части окопались и замаскировались. Местность была открытая. Господствовала вражеская авиация. Противник подходил все ближе и ближе. Впереди мужественно дрались полки 176-й стрелковой дивизии полковника В. Н. Марцинкевича.

В тот же день войска Малиновского получили задачу выдвинуться еще ближе к государственной границе. В ночь на 25 июня они совершили 30-километровый марш-бросок: 30-я дивизия — в сторону Скулян, заняв 30-километровый рубеж в полосе действий 176-й дивизии, а 74-я — из-за правого фланга 30-й в сторону наметившегося прорыва противника у Костешт. Соответственно переместились и их штабы: 30-й дивизии — в Албинец, 74-й стрелковой дивизии — в Бельцы. Штаб 176-й дивизии находился в Фалештах, а 48-го стрелкового корпуса — в Бельцах.

На рассвете четвертого дня войны дивизия Галактионова подошла к Скулянам и попала под огонь артиллерийских батарей и танков. Под дружное «ура!» бойцы с ходу пошли в атаку. В танки полетели гранаты и бутылки с зажигательной смесью, били прямой наводкой сорокапятки, загорелось несколько вражеских машин. Скуляны были отбиты.

Тогда в воздухе появились вражеские самолеты. На бреющем полете они штурмовали второй эшелон дивизии. Усилила огонь и вражеская артиллерия. Противник перешел в атаку большой группой войск на не успевшие окопаться части и вновь потеснил их. В это время форсировали Прут свежие силы 198-й и 210-й немецких, 8, 13 и 14-й румынских пехотных дивизий, которые вводились в бой разрозненно. Борьба с ними не утихала целый день. Части 30-й дивизии во

второй раз выбили противника из Скулян, но удержаться там не смогли из-за непрекращавшегося натиска немецко-румынских войск. После того как бои утихли, Галактионов получил приказ командира корпуса о начале нового наступления дивизии утром 27 июня после часовой артподготовки.

Раненый лейтенант-пограничник, доставленный к Родиону Яковлевичу на командный пункт, подробно рассказал, какими силами и средствами гитлеровцы форсировали Прут в трех местах у Скулян. И хотя массированное применение противником артиллерии, танков и авиации было хорошо знакомо Р. Я. Малиновскому по опыту боев в республиканской Испании, он тем не менее не отменил запланированного наступления, зная, что врага могут остановить только решительные действия.

После 30-минутной артподготовки части 30-й дивизии вновь ворвались в Скуляны, но откатились. Накопив за ночь силы, противник перешел в контрнаступление, пытаясь форсировать реку на других участках. К полудню в район боев выдвинулась танковая дивизия 2-го механизированного корпуса генерала Ю. В. Новосельского, которая во взаимодействии с частями 30-й стрелковой дивизии и штурмовой авиацией остановила дальнейшее продвижение 198-й немецкой пехотной дивизии и танков. В результате сильных боев советским войскам удалось удержать рубеж на восточном берегу р. Прут, за исключением района Скулян. Здесь, а также в районе Костешты, Стефанешты противник приступил к дальнейшему накапливанию сил, чтобы перейти к более мощному наступлению.

Несколько дней передышки Малиновский использовал для укрепления рубежей и пополнения частей. В эти дни генерал Захаров передал штаб 9-й армии¹ генерал-майору П. И. Бодину и 29 июня вылетел в Москву. Матвей Васильевич хорошо знал театр военных действий, силы и средства на нем, быстро ориентировался в обстановке, поэтому его отъезд отозвался болью для Малиновского, потерявшего непосредственную опору и поддержку близкого человека. 30 июня Родион Яковлевич получил приказ о смене 30-й дивизии и передаче ее Дашичеву. Решение командующего 9-

й армией вызывалось необходимостью уплотнения войск на унгено-кишинёвском направлении.

Однако вывести из боя дивизию в тех условиях Малиновскому было непросто. Назначенный для смены 360-й полк 74-й дивизии не прибыл к 2 часам 1 июля из-за ночного Ливия. Тревога командира корпуса особенно возросла, когда он узнал, что начальник штаба 30-й дивизии без ведома ее командира свернул 120 км телефонного кабеля и отправил с аппаратурой для развертывания связи на новом месте, а гаубичный артполк снялся с огневых позиций преждевременно.

Опасения Родиона Яковлевича были не напрасны. Враг как будто бы ждал такой ситуации и в 8 часов утра 1 июля начал артподготовку на флангах 30-й дивизии, а затем обрушил на нее главные силы со скулянского плацдарма. Ни о какой смене частей теперь уже не могло быть и речи.

К этому времени ослабленный в боях 591-й полк 176-й дивизии не выдержал удара противника и начал отходить к Чоропканам, оголив левый фланг 30-й дивизии. Хотя она подчинялась Дашичеву, Родион Яковлевич приказал Галактионову остановить противника силами своего резерва. Все денные в бой четыре стрелковых батальона с танковой ротой и броневзводом спасли положение. К исходу дня враг был не только остановлен: часть его сил оказалась прижатой к Пруту западнее. Таксобен и высоты 164,3 35-м стрелковым полком, а танковая рота уничтожала огневые точки противника в 1 км восточнее Германа.

Днем 2 июля противник перешел в наступление тремя пехотными и кавалерийской дивизиями с танками 11-й немецкой и 3-й румынской армий. Главные удары наносились со скулянского и костештского плацдармов на Бельцы с целью обеспечения южного фланга крупной немецко-фашистской группировки из группы армий «Юг», продвигавшейся севернее Молдавии на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. На юге Молдавии 4-я румынская и часть сил 11-й армий наступали южнее Кишинева в общем направлении на Бендеры, Одессу. В сражение в районе Бельцев вступил весь правый фланг 9-й армии. Обескровленный 404-й полк 176-й дивизии, оборонявший

Петрушаны возле Костешт на правом фланге корпуса, с боями начал отходить в сторону Рышкан. К ночи бои утихли, и Малиновский, получив разрешение, отвел главные силы на рубеж Пынзарены, Калугэр, Скумпия, Бушиллы, который находился в 17—20 км от границы.

Утром 3 июля враг возобновил наступление. Израсходовав резервы в предыдущих боях, дивизия Галактионова, которая неоднократно прижимала противника к Пруту у Скулян, на этот раз не выдержала. Несколько солдат из нового пополнения обратились в бегство перед тремя вражескими танками, увлекая за собой молодых бойцов еще не успевшего закрепиться 35-го стрелкового полка. Артиллеристы двух противотанковых пушек решили сражаться до конца. После первых выстрелов прямой наводкой один вражеский танк задымил, но и пушка вместе с расчетом была выведена из строя. Другая пушка продолжала вести огонь. Еще один танк завертелся на месте и вспыхнул: кто-то ударил со стороны. «Есть еще наши! Ура!» — оживился расчет оставшейся пушки и произвел несколько выстрелов, подбив две машины. Однако в это время из глубины показалось еще несколько танков. Наступление противника продолжалось. Рушилась оборона левого фланга 30-й дивизии. Нависла угроза прорыва немецко-фашистских войск в северо-восточном направлении.

Неделю спустя, разбирая факт отступления 30-й дивизии, командующий 9-й армией генерал-полковник Я. Т. Черевиченко спросил мнение Р. Я. Малиновского о ее командире.

Родион Яковлевич, зная С. Г. Галактионова как отважного боевого генерала, командовавшего дивизией, героически сражавшейся у границы с первых ягг дней войны, дал правдивую оценку Сергею Гавриловичу и указал на объективные причины этого факта:

— Товарищ командующий! Случай сам по себе из ряда воп выходящий, но дело не столько в Галактионове, сколько в том, что кадровый состав был уничтожен в предыдущих боях. Противник имел четырехкратное превосходство, инициативу, танки, пушки, самолеты. Перед такой силой способны стоять насмерть только подготовленные к этому

воины. Сделать таким новое пополнение у Галактионова не было времени. То, что случилось с ним, — это наша общая беда, а не его одного. Я в этом твердо убежден.

Это было смелое, принципиальное суждение командира, отлично знавшего своих подчиненных.

Еще в конце июня во время выдвижения войск к государственной границе на скулянском направлении Малиновский не случайно держал 74-ю стрелковую дивизию полковника Шевердина во втором эшелоне, расположив ее накануне мощного наступления противника в целях обороны стыка между 176-й и 30-й дивизиями. По опыту он знал, что противник будет стремиться прорваться в глубь обороны корпуса на стыках и флангах частей и соединений. Узнав, что противник потеснил части 30-й дивизии на оборонительные позиции 74-й стрелковой дивизии, Малиновский приказал начальнику штаба корпуса срочно создать заставы на всех маршрутах, где бы принимали отступавших бойцов и направляли их в боевые порядки дивизии Шевердина, вывести с запасных на основные огневые позиции противотанковую артиллерию для стрельбы прямой наводкой.

176-я дивизия вела кровопролитные сдерживающие бои. Особую активность противник проявлял в районе Кобань, Болотино. И хотя дивизия нанесла врагу большой урон, однако попытки остановить наступление лишь замедлили продвижение противника.

В боевые порядки дивизии Шевердина влились правофланговые части 30-й дивизии, и враг был остановлен организованным огнем из всех видов оружия. Такой жесткий заслон вынудил врага остановиться и ждать подхода основных сил. Воспользовавшись замешательством противника, дивизия Шевердина решительно контратаковала его и разгромила пехоту, но из-за несогласованности действий с соседями и большого некомплекта не смогла развить успех.

Примеры героизма бойцов все более убеждали советских солдат, что они способны бить врага. Политработники призывали воинов не проявлять ни

малейшей паники, так как спасти корпус в тяжелой обстановке могли только высокая организованность и беззаветное мужество личного состава.

В связи с возросшей опасностью глубокого прорыва противника командующий 9-й армией решил контратаковать 2-м механизированным корпусом со стороны Ямполь, Сороки в направлении Стефанешт, затем совместно с корпусом Малиновского нанести удар с севера на юг, чтобы выйти навстречу 95-й дивизии 35-го стрелкового корпуса при содействии кавдивизии 2-го кавалерийского корпуса с фронта и разгромить противника в районе Скуляны, Пырлица.

Однако из-за недостаточного количества сил и средств, отсутствия должного взаимодействия между соединениями, а также резервов контрудар успеха не принес. Положение советских войск восстановлено не было. Тем самым гитлеровское командование получило возможность вводить новые силы для расширения плацдарма в Молдавии на бельцевско-каменском направлении *.

¹ ЦАМО, ф. 516, ол. 8220, д. 6, л. 18-19.

Части 48-го корпуса проводили разрозненные контратаки и еле сдерживали противника, а в ночь на 7 июля по приказу командующего армией оставили Бельцы и отошли на реки Куболта и Реут восточнее города, заняв по гребню высот оборону в районе Пеления, Александрены, Радоая. В состав корпуса вновь была включена 30-я дивизия, которая вела интенсивные бои на левом фланге—южнее Радоаи. Правым флангом корпус взаимодействовал со 2-м механизированным корпусом генерала Ю. В. Новосельского, который сражался в районе Сороки фронтом на северо-запад, но тоже отходил, спасая свои тылы от удара могилев-подольской группировки противника, распространявшейся вплоть до Ямполья Винницкой области.

7 июля Г. К. Жуков в переговорах с командующим Южным фронтом генералом армии И. В. Тюленевым потребовал активизировать действия войск со стороны Кишинева, а также привести в порядок части, находившиеся северо-западнее Бельцев, и не допустить прорыва врага через Днестр.

— В противном случае Южный фронт не справится со своей задачей, а прорыв приведет к катастрофе, — закончил разговор Георгий Константинович.

Командующий Южным фронтом приказал 35-му стрелковому и 2-му кавалерийскому корпусам нанести контрудар со стороны Кишинева на Фалешты по прорвавшимся вражеским войскам. Хотя контрудар и оказался решительным (было пленено свыше 80 солдат и офицеров, захвачено 20 орудий, 68 грузовых машин, 400 повозок, 600 лошадей 67-го пехотного и 63-го артиллерийского полков румынской армии), однако изменить положение он не смог, так как противник уже захватил территорию севернее Бельцев.

10 июля войска правого фланга 48-го корпуса закончили отход к Днестру и готовились к переправе на восточный берег в районе Каменки, а центром и левым флангом обороняли Дубно, Флорешты, Цыра, Радоая и южнее на значительном удалении от Днестра.

Обсуждая организацию переправы частей корпуса через Днестр, командир потребовал от начальника штаба:

— Александр Григорьевич! Пошли опытного оператора к Галактионову для помощи в организации переправы дивизии через Днестр и сам следи за ней повнимательнее. Товарищ Ларин возьмет на себя Марцинкевича и Шевердина. Связь во что бы то ни стало держать со мной. Усилить внимание флангам.

Родион Яковлевич распорядился переправить гаубичную артиллерию двух дивизий на восточный берег реки с тем расчетом, чтобы она была готова с утра вести огонь.

— Для обеспечения переправы атакуем противника ночью и, где можно, улучшим позиции, — уточнил он.

Войска правого фланга корпуса переправились через Днестр в районе Каменки, а войска левого фланга оставили ранее обороняемый рубеж Дубно, Флорешты, Цыра, Радоая.

Здесь противник уменьшил активность и основные усилия перенес на кишиневское направление. 14 июля он нанес главный удар на стыке дивизий 2-го кавалерийского корпуса и 35-го стрелкового корпуса. В результате 16 июля

пал Кишинев. Около семи пехотных и танковых дивизий немецко-фашистских войск поставили под угрозу рассечения войска 9-й армии. По приказу И. В. Сталина Генеральный штаб затребовал от главкома Юго-Западным направлением С. М. Буденного и командующего Южным фронтом И. В. Тюленева объяснения, на каком основании город сдан противнику без санкции Ставки, и от его имени потребовал восстановления положения¹.

¹ ЦАМО, ф. 16Л, оп. 995, д. 1, л. 8-10; д. 7, л. 41—43.

Командующий 9-й армией решил возвратиться Кишинев мощными контратаками на фронте прорвавшегося противника. Корпусу Малиновского было приказано частью сил совместно с 15-й мотострелковой дивизией 2-го механизированного корпуса контратаковать врага из района Флорешт.

Времени для организации контратаки оставалось менее суток. Противник прекратил атаки перед фронтом корпуса, и Малиновский решил этим воспользоваться. Вместе с Батюней и Лариным он разработал план смены частей в обороне, маршруты и время выдвижения их на рубежи атаки, а артиллерии — на огневые позиции, увязав вопросы с соседней 15-й мотострелковой дивизией мехкорпуса. Решение было доведено только до командиров дивизий и полков. Ларин получил задачу возглавить оборону корпуса, а Батюня — осуществить контроль за перегруппировкой войск и подготовкой внезапного удара по противнику. Выполняя план, командир корпуса растянул фронт обороны 176-й и 74-й стрелковых дивизий и приблизил имевшуюся у них полковую артиллерию к переднему краю для стрельбы прямой наводкой на случай вражеской атаки. Благодаря этому был обеспечен вывод левофланговой 30-й дивизии из боевого соприкосновения с противником и осуществлен поворот ее на

юго-запад. Дивизия сосредоточилась в исходном районе для контратаки при поддержке дивизионной и корпусной артиллерии.

Прибыв на наблюдательный пункт для управления боем и убедившись в готовности двух дивизий, Малиновский утром 17 июля доложил об этом командующему армией. Контратака

началась после мощного огневого налета артиллерии корпуса по живой силе противника, который в панике бежал. 30-я стрелковая и 15-я мотострелковая дивизии заняли Дубно, Флорешты, Котюжаны, перерезав железную дорогу Бельцы — Рыбница на большом участке, о чем по команде было доложено И. В. Сталину и Г. К. Жукову. На других направлениях 9-й армии контратаки успеха не имели. В разгар сражений на Днестре в штаб корпуса поступил приказ Народного комиссара обороны от 17 июля 1941 г. с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в РККА». Начавшаяся война потребовала, чтобы политработники наряду с пропагандой взяли на себя ответственность за боевые действия войск наравне с их командирами. Все приказы по полку, дивизии, корпусу стали подписываться командиром и военным комиссаром. В ротах, батареях, эскадронах вводились политруки.

Коммунисты корпуса восприняли Указ как новую заботу партии об укреплении партийных рядов на фронте. Малиновский и Ларин непосредственно участвовали в реорганизации отделов политической пропаганды в политотделы. Во время затишья в подразделениях и частях проводились митинги и партийные собрания, на которых зачитывался приказ, разъяснялись требования о повышении роли и ответственности политработников в бою, о строгом выполнении всех приказов высшего командования. На митингах выступали воины, призывавшие к проявлению мужества и бесстрашия, к защите родной земли до последней капли крови.

Удар противника по центру 9-й армии предусматривал обеспечение выхода войск к Днестру на всем протяжении реки в целях более успешного наступления 4-й румынской армии на одесском направлении. Главным же направлением в общем стратегическом замысле гитлеровского командования на юге продолжало оставаться первомайское на стыке 18-й и 9-й армий, которое проходило южнее Каменец-Подольского. Там действовали 11-я немецкая и 3-я

румынская армии группы армий «Юг», усиленные итальянским корпусом.

В конце июля противник активизировал свои действия со стороны Ямполья, Сороки четырьмя дивизиями 30-го армейского корпуса на правом фланге 48-го стрелкового корпуса—в районе Каменки, где сражалась 74-я дивизия корпуса. Главными силами он возобновил наступление на Кодыму, имея задачу окружить 18-ю и 9-ю армии Южного фронта в междуречье Днестра и Южного Буга. Разрозненные войска 18-й армии с тяжелыми боями отходили в юго-восточном направлении, обнажив правый фланг 9-й армии. Выйдя в глубокий тыл корпуса в районе Первомайска 1-й танковой группой с севера и 17-й армией с запада, противник окружил 6-ю и 12-ю армии Южного фронта, а правым флангом 11-й армии вышел к Балте, поставив 48-й стрелковый корпус под угрозу окружения в районе Балта, Рыбница, Котовск.

Малиновскому не раз приходилось оказываться в подобной ситуации, и потому он действовал без суеты и предельно собранно. Однако в данном случае он испытывал острую потребность в информации о намерениях противника, особенно на флангах его войск. Зная об этом, Батюня принимал все меры к получению сведений о противнике. Данные о действиях немецко-фашистских войск в оперативном плане Родион Яковлевич получал из Тирасполя от командующего 9-й армией.

Исходя из обстановки, Родион Яковлевич стянул основные силы корпуса на правый фланг и непрерывно контратаковал врага ночью частями 74-й и 176-й дивизий совместно с кавдивизией 2-го кавалерийского корпуса, действовавшей также на правом фланге армии. Ожесточенные бои проходили с переменным успехом. В ходе их систематически прерывалась связь, нередко создавалась угроза флангам дивизий, сокращалась численность корпуса. За это время вышедшую из боевого состава 30-ю дивизию сменила 150-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Хоруна, прибывшая из резерва фронта.

Резервов у Я. Т. Черевиченко уже давно не было. Неравенство сил угнетало, вызывало тревогу. Несмотря на

это, Малиновский снова ввел корпус в бой, держал себя под огнем мужественно и спокойно, вдохновляя людей на подвиги.

Общее положение фронта и армий ухудшалось с каждым днем. 3 августа враг захватил Первомайск и начал распространяться вдоль Южного Буга. 5 августа войска Южного фронта оставили Констаитиновку и Кировоград. Рядом с корпусом Малиновского, в районе Котовска, действовала дубоссарская группировка противника, пытавшаяся рассечь 9-ю армию и перерезать железную дорогу Котовск—Одесса. В тот же день Ставка Верховного Главнокомандования дала указание И. В. Тюленеву об отводе армий и обороне Одессы до последней возможности.

Днем 5 августа начал отход и 48-й стрелковый корпус. В ночь на 6 августа его штаб переместился в Тимково, в 10 км юго-восточнее Ананьева, где оборонялась 74-я дивизия с трех сторон. Левее закрепились 176-я и вновь введенная в состав корпуса 30-я дивизии, а во втором эшелоне находилась 150-я. 30-й дивизии было приказано войти в состав Приморской группы войск Южного фронта. Дивизия готовилась оторваться от корпуса следующей ночью и уйти на оборону Одессы. Конница Белова охватила Вознесенск и вела бой за его удержание. С другими соседями связи не было. Штаб 18-й армии переместился в Новую Одессу — на наиболее опасное направление со стороны Вознесенска, а 9-й армии — в Нечаянное, в 30 км западнее Николаева.

— Мы прямо должны выходить на город, — сказал генерал Малиновский Ларину и Батюне. — О том, что над корпусом нависла угроза окружения, должны знать только командиры дивизий и полков. Необходимо продолжать контратаки для создания видимости прочной обороны, если мы хотим осуществить отход организованно. Сейчас для нас это главное.

— Чтобы покрыть расстояние в 170 километров, одних почей будет мало. Они слишком короткие, — заметил Батюня, — а события развиваются очень быстро.

— Я предлагаю отходить днем, где можно, — добавил Ларин.

— Товарищ Первый! Нас атакуют справа, — неожиданно прозвучал голос Шевердина в телефонную трубку.

— Навалитесь всей артиллерией. Хорун поможет. Контратакуйте! Ананьев должен быть наш. Держите связь, — распорядился Малиновский.

Совещание было прервано. Через несколько минут вошел Батюня и доложил, что отданы необходимые указания на поддержку Шевердина. А спустя несколько минут командир 74-й дивизии сообщил, что атака отбита.

— Проверяет нас, — заключил Родион Яковлевич и продолжил: — В связи с тем что противник только что напомнил

о себе, думаю, что мы не все учитываем. Безусловно, наше положение он хорошо знает и стремится держать нас в постоянном напряжении. Зачем ему наступать с фронта, когда до полного окружения осталось лишь перерезать коридор в глубоком тылу? Вот почему он всю ночь не беспокоил корпус.

— В таком случае дневной отход крайне необходим, тем более враг убежден, что мы на это не пойдём. Его нужно перехитрить маскировкой и предосторожностью, — заявил Батюня.

Малиновский согласился с доводами своих заместителей и решил выводить корпус к Николаеву полковыми колоннами и днем и ночью, имея впереди сильную разведку, а на открытых флангах — боковое охранение. Дивизиям, оборонявшимся в первом эшелоне, было приказано прикрыться от противника арьергардными полками. Родион Яковлевич потребовал от командиров дивизий и штаба корпуса непрерывной связи, постоянной разведки, дисциплины и организованности на марше.

150-я стрелковая дивизия начала отход в тот же день, 5 августа. В ночь на 6 августа дивизии первого эшелона обороны корпуса оторвались от противника без активных боевых действий, которыми обычно предварялись ночные отходы, чем враг вводился в заблуждение, а войска успевали уйти далеко, прежде чем обнаруживали себя. Планомерный отход корпуса осуществлялся в основном по двум маршрутам

— вдоль балок рек Тилигул и Куяльник. Во время появления вражеских самолетов по сигналу «Воздух!» войска рассредоточивались, развернувшись фронтом в сторону противника, чтобы создать видимость выдвижения их к линии боев. Делать это приходилось нечасто, поскольку вражеская авиация действовала в основном на главных направлениях своих войск.

Корпус Малиновского выходил к Николаеву семь дней и ночей, уничтожая на своем пути просочившиеся в тыл мелкие группы противника и его разведку.

30-й дивизии добраться до Одессы не удалось, так как враг перерезал пути выхода к Одессе. Тогда Родион Яковлевич получил приказ командующего армией присоединить ее к корпусу.

К исходу дня 12 августа фашисты заняли Нечаянное. К тому времени вся артиллерия корпуса была переправлена на восточный берег Южного Буга, а в ночь на 13 августа последними отошли за реку, сдерживая противника, все четыре сильно ослабленные дивизии 48-го стрелкового корпуса.

В Николаеве Родион Яковлевич получил сведения, что до четырех танковых и моторизованных дивизий из группы Клейста стремятся выйти к Днепру на участке Кременчуг, Днепропетровск со стороны Александрии, Кривого Рога. Другая группировка Клейста охватывала Николаев с востока, чтобы во взаимодействии с Вознесенской группировкой, наступавшей вдоль западного берега Южного Буга, окружить части 18-й и 9-й армий в районе Николаева.

Город горел. Оглушительные взрывы отдавались зловещим гулом. Жители готовились к эвакуации.

По приказу командующего 9-й армией корпус Малиновского с ходу вступил в бой против 16-й танковой дивизии. Противник должен был вот-вот ворваться на Херсонскую улицу, разделявшую Николаев на северную и южную части. Ударив вдоль железной дороги на Снигиревку, части корпуса отрезали вражеские танки. Севернее Николаева контратаковали войска 18-й армии и конница

Белова, которая несколько дней упорно сдерживала Вознесенскую группировку противника.

Северо-восточнее города ожесточенный бой продолжался трое суток, нередко он переходил в рукопашные схватки. Советские войска оказались в котле — противник превосходил в силах в три-четыре раза. Несмотря на это, они не только вырвались из окружения, но и нанесли значительные потери четырем вражеским дивизиям.

Однако силы были слишком неравными, и войска 18-й и 9-й армий с утра 18 августа начали переправу за Днепр. Противник сдерживался арьергардными боями под прикрытием авиации и заранее переправившейся тяжелой артиллерии. Штаб корпуса, 74-я и 176-я дивизии отошли за реку у Берислава близ Каховки, а 30-я дивизия — у Отрада Каменки.

ГЛАВА III

КОМАНДУЮЩИЙ 6-Й АРМИЕЙ. НА СТЫКЕ ФРОНТОВ. ВО ГЛАВЕ КОНТРУДАРА ДВУХ АРМИЙ В ДОНБАССЕ

Родион Яковлевич считал, что теперь у него есть возможность привести соединения в порядок, но в Генеральном штабе решили иначе. Руководство знало всех командиров дивизий и корпусов, внимательно следило за их действиями. Стабилизировалась связь. Налаживалась информация. Накапливался опыт вооруженной борьбы. В Генштабе помнили бои в районах Костешт и Скулян на р. Прут, где корпус Малиновского проявил высокую боевую стойкость. Словом, командирский почерк Малиновского был замечен, и его рекомендовали на должность командарма.

Но сам Малиновский пока об этом не знал. Ему позвонил командующий 9-й армией генерал-полковник Черевиченко и сообщил, чтобы он со штабом корпуса срочно снялся с места и выехал в Мелитополь, где их должен был встретить военный комендант города. Дивизии 48-го стрелкового корпуса перешли в непосредственное подчинение Черевиченко.

Попрощавшись со своими боевыми друзьями, с которыми два месяца разделял беды страшной войны, горечь поражения в неравных боях, Родион Яковлевич вместе со

штабом на машинах выехали в Мелитополь. Потоки беженцев, интенсивное движение транспорта, пробки на дороге, местами разрушенной снарядами и авиабомбами, препятствовали езде.

После 75-километрового пути их машины были остановлены на окраине Мелитополя комендантским патрулем. Проверив документы, он направил их к военному коменданту города. Здесь Малиновский прочитал телеграмму: «...срочно вылетайте в Павлоград. Встретит Чибисов. Примите армию. Ларина и Батюню направьте во фронт. Тюленев». Не хотелось расставаться с боевыми друзьями и помощниками...

25 августа Родион Яковлевич прибыл на место. Здесь ему вручили директиву Ставки о формировании новой, 6-й армии на базе Резервной армии и управления 48-го стрелкового корпуса и о назначении его командующим. Это дало право Родиону Яковлевичу на вызов в армию своих бывших заместителей по корпусу. В конце августа А. Г. Батюня был назначен начальником штаба, а И. И. Ларин — членом Военного совета 6-й армии.

Резервная армия (командующий—генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, член Военного совета — бригадный комиссар К. В. Крайнюков) имела в своем составе 230, 255 и 275-ю стрелковые, 26-ю и 28-ю кавалерийские, 8-ю танковую и 44-ю истребительно-авиационную дивизии, стрелковый полк дивизии НКВД. Она вступила в сражение в начале августа с задачей ликвидировать разрыв между Южным и Юго-Западным фронтами, в который устремились 13-я и 14-я танковые, 60-я и 11-я моторизованные дивизии 1-й танковой группы Клейста на днепропетровском направлении.

Утром 23 августа 26-я дивизия полковника А. А. Носкова попала в окружение в районе Днепродзержинска; 230-я дивизия полковника Ф. В. Захарова подверглась атаке 100 танков с мотопехотой и отошла на западную и юго-западную окраины Днепропетровска; 275-я дивизия генерал-майора М. И. Дратвина обороняла Краснополье, Селецкую;

28-я кавалерийская и 8-я танковая дивизии полковников Л. И. Саковича и П. С. Фотченкова — Сурско-Покровское; 255-я дивизия полковника И. Т. Замерцева — Ямбург.

К исходу 24 августа дивизия полковника Носкова с полком 230-й стрелковой дивизии вырвалась из окружения и переправилась через Днепр на восточный берег, понеся большие потери. На других участках враг овладел южной окраиной Днепропетровска, Краснопольем и южной окраиной Лоц-Каменки.

Не успел новый командарм ознакомиться с обстановкой, как с переднего края оборонявшихся войск поступила тревожная информация: оставлен Днепропетровск. Рассмотрев план города и проанализировав последние данные о действиях войск армии, Родион Яковлевич пришел к выводу — здесь оказалась слабая организация обороны.

В качестве первой меры Родион Яковлевич решил прервать подготовку Днепропетровского артиллерийского училища к перебазированию в Томск и бросить его в бой вместе с Полтавским тракторным училищем для разгрома врага в левобережной части Днепропетровска.

Он позвонил командиру 230-й стрелковой дивизии.

— Доложите, какими силами противник прорвался па наш берег? — спросил командующий.

— Немногим больше батальона. Противник переходит к закреплению плацдарма в Ломовке, ведет сильный о/онь артиллерией и минометами и пытается наступать, но мы пока отбиваем его, — доложил Захаров.

— Товарищ Захаров! Я надеюсь, что вы не отойдете дальше. На помощь идет Днепропетровское артиллерийское училище. Особое внимание уделите флангам, — распорядился Малиновский. — Разрушены ли мосты через Днепр?

— Да, за исключением железнодорожного, по которому гитлеровцы ворвались в Ломовку.

— Это сделает авиация, доложите потом результат, — сказал Малиновский.

Весть об оставлении Днепропетровска дошла до Москвы в тот же день в 16 часов. Начальник штаба Юго-Западного

направления генерал-майор А. И. Покровский сообщил в Генштаб: «По донесению генерала армии Тюленева Днепропетровск в 12.30 25.8.41 г. после ожесточенных боев оставлен нашими войсками. Переправа на левый берег производилась с боями. Понтонная переправа и центральный комбинированный мост взорваны, железнодорожный мост подготовлен к взрыву. Утром 25 августа в район действий войск Резервной армии прибыл командующий 6-й армией генерал-майор Малиновский со штабом и приступил к организации 6-й армии».

На следующий день Ставка освободила от должности командующего Южным фронтом И. В. Тюленева и начальника штаба этого фронта Ф. Н. Романова. Вместо них были назначены генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, хорошо зарекомендовавший себя на должности командира мехкорпуса в Западной Украине, а затем командующего 38-й армией, и генерал-майор А. И. Антонов, который занимал должность замначштаба Киевского Особого военного округа.

Новый командующий фронтом приказал Малиновскому выбить противника из Ломовки — центрального района Днепропетровска на северном берегу Днепра. 2580 курсантов и командиров Днепропетровского артиллерийского училища вступили в бой. В первых рядах шли курсанты-комсомольцы. Когда атакующие воины залегли под внезапным огнем вражеского пулемета, курсант Синагаев подполз к огневой позиции и забросал пулеметный расчет гранатами, обеспечив продвижение своего подразделения. А курсантов 3-й минометной батареи воодушевлял только что назначенный командиром батареи лейтенант Мишечкин, который на ходу расстреливал противника из пулемета у Нижнеднепровска — восточной части левобережного Днепропетровска. В ходе боев к курсантам примкнули подростки из Нижнеднепровска, которые подносили патроны, выносили раненых, собирали оружие и добывали данные о противнике. Молодые патриоты Подлубный и Каминский 26 августа выследили в Мануйловке, расположенной между Ломовкой и Нижнеднепровском, группу фашистов в 30 человек и полностью ее уничтожили. Подлубный вынес с поля боя тяжелораненого политрука Комашко и убитого

лейтенанта Смирнова. Среди раненых курсантов находилась санитарка-доброволец 16-лотня Мария Панченко — дочь железнодорожника из поселка Верный (Днепропетровск). Бесстрашная патриотка, сама раненная, не ушла с поля боя, а быстро и умело окапывала помощь раненым.

Во второй половине дня 26 августа удалось прижать врага к берегу Днепра, но ненадолго. Чтобы отрезать и уничтожить 92-й полк 60-й мотодивизии противника, 275-я дивизия в ночь на 27 августа нанесла удар вдоль реки с северо-запада навстречу артиллерийскому училищу, которое к этому времени потеряло до 50 процентов своего состава. Однако выбить гитлеровцев из железобетонных зданий двух заводов дивизии не удалось. Более того, фашисты за ночь ввели на плацдарм еще один полк с артиллерией. Отдельные их группы просочились вдоль берега южнее Каменки — северо-западная часть Днепропетровска — и начали обстреливать ее из минометов. Одна группа продвинулась на 2 км северо-западнее Ломовки. К этому плацдарму привлекалось все больше и больше сил с обеих сторон. Над ним происходили непрерывные воздушные бои. Не утихала артиллерийская канонада. Несмотря на это, гитлеровцы наводили переправу. Полки 6-й армии разрушали ее артиллерийским огнем, но фашисты вновь и вновь наводили мосты, не считаясь с потерями.

В этих условиях Родион Яковлевич принял решение временно перейти к обороне, с тем чтобы подтянуть новые и пополнить старые части и приступить к уничтожению врага с максимальным использованием авиации и артиллерии. В Новомосковске сосредоточивались 226-я и 169-я стрелковые дивизии. На помощь спешил сводный полк Полтавского тракторного училища.

В целях поддержания надежной проводной и живой связи с дивизиями, которая часто нарушалась, прибывший на должность начальника штаба армии комбриг А. Г. Батюня предложил Малиновскому переместить штаб армии поближе к фронту, в Новомосковск.

— На узел дорог, под самый огонь?! — удивился Малиновский.

— Вот именно. С военной точки зрения эта мысль кажется невероятной. Немцы так же будут рассуждать и не поверят данным, что штаб в Новомосковске. А подчиненные войска и их командиры пусть знают, что штаб находится на направлении главного удара противника: это придаст им больше уверенности в боях, — старался доказать Батюня.

Малиновский не мог не согласиться с его доводами, и штаб армии был переведен из Павлограда в Новомосковск, а командный пункт командующего оборудован в Подгородное на р. Кильчен.

Новое наступление на Ломовку было назначено на 29 августа. Готовилась двухчасовая авиационная и артиллерийская подготовка. Ожидался приезд И. В. Тюленева — он еще не сдал фронта — и маршала С. М. Буденного. По одному этому можно было судить о важности района боевых действий.

Первая атака с утра 29 августа захлебнулась. Малиновский приказал подключить к разгрому противника в Ломовке артиллерию с соседних с 275-й дивизией участков. После кратковременной артиллерийской и авиационной подготовки по узлу сопротивления фашистов в Ломовке войска снова перешли в наступление. Сводный батальон 230-й стрелковой дивизии продвигался к переправе со стороны юго-восточного берега городского озера. В его боевых порядках шел в атаку и генерал армии Тюленев. 26-я кавалерийская дивизия с полком 275-й стрелковой дивизии наносили удар вдоль северного берега озера на южную окраину Ломовки. С юго-западной окраины Каменки действовали два полка 275-й дивизии, которые вышли на юго-восточный берег озера. Курсанты Полтавского тракторного училища овладели северной частью Ломовки и совместно с подоспевшими танками продвигались к переправе. Малиновский приказал разбомбить переправу авиацией. Над ней завязался воздушный бой. На глазах у всех сражавшихся воинов Полтавского тракторного училища советский самолет ДБ-3 (летчик — младший лейтенант И. Т. Вдовенко, штурман — младший лейтенант Н. В. Гоманенко, стрелок-радист — младший сержант В. П. Карпов, стрелок —

младший сержант М. Купатов), сбросив бомбы на цель, набрал высоту, перешел в пике и протаранил переправу.

К 18 часам Ломовка вместе с заводом была очищена от противника сводным батальоном. В районе завода им. Коминтерна противник даже попал в окружение. В довершение его разгрома Родион Яковлевич поставил войскам задачу — очистить к вечеру весь берег от гитлеровцев, а авиации — всю ночь бомбить переправы и городские парки, где скапливались вражеские силы. Из Новомосковска на автомашинах выдвигались два полка артиллерии и стрелковый полк 169-й стрелковой дивизии подполковника Н. Н. Зеленского.

К рассвету 30 августа противник восстановил переправу у Ломовки, скопил пехоту, танки и артиллерию у Каменки, подготовил десантную переправу со стороны парка им. Шевченко на восьми баржах с пехотой и артиллерией. Неоднократные попытки частей и подразделений 6-й армии сбросить в Днепр введенные на плацдарм полки 198-й пехотной и 60-й моторизованной дивизий гитлеровцев не увенчались успехом. В ответ на ночную атаку фашисты на рассвете 31 августа перешли в контрнаступление и потеснили советские части на северо-восток, овладев Мануйловкой. Родион Яковлевич ввел в бой свой резерв, который вновь оттеснил врага². Ожесточенные бои в полосе 6-й армии шли с переменным успехом еще несколько дней.

Военный совет армии подвел итоги 20-дневного сражения за Днепропетровск и 13 сентября издал приказ, в котором говорилось о подвигах частей и воинов п объявлялась благодарность всему личному составу армии. Военный совет выразил уверенность, что 6-я армия не допустит ни одного фашиста на Левобережную Украину. Содержание приказа было положено в основу партийно-политической работы в ротах, батареях и эскадронах.

Так благодаря решительным действиям командования и войск 6-й армии противнику не удалось прорваться в глубину обороны армии, несмотря на то, что были использованы все ударные возможности дивизий Клейста. Убедившись в бесполезности атак на днепровском направлении, противник приступил к перегруппировке войск в район

Кременчуга, для чего вывел из района Днепропетровска три танковые и моторизованную дивизии, оставив там 60-ю моторизованную, 198-ю пехотную дивизии и вновь прибывшую дивизию СС «Викинг».

Обобщив данные всех видов армейской разведки, Родион Яковлевич пришел к выводу, что немецко-фашистское командование переносит основные усилия на кременчугское направление, в полосу обороны соседней 38-й армии (командующий — генерал-майор танковых войск Н. В. Фекленко) Юго-Западного фронта (командующий — генерал-полковник М. П. Кирпонос). Малиновский связался по телеграфу с Фекленко. Тот разделял его точку зрения.

— Наблюдаю перегруппировку войск противника из-под Днепропетровска в сторону Кременчуга. Думаю, что там будет наноситься главный удар, — доложил Малиновский Рябышеву.

— Не торопитесь с выводом, Родион Яковлевич. Усильте внимание. Не исключен обман, поэтому будьте готовы отразить удар у себя, — ответил командующий Южным фронтом.

Примерно через сутки фашистам ночью удалось форсировать Днепр выше Кременчуга. До пяти полков атаковали город с северо-востока.

— Как связь с Фекленко, товарищ Малиновский? — спросил Рябышев.

— Связаться не удастся. Выслал разведку с рацией в сторону Кременчуга и нарочных для связи с соседней дивили ой, — ответил Малиновский.

— Так и должно быть.

— Не понимаю Вас, товарищ командующий.

— Это подтверждает, что там плохи наши дела. Есть данные, что пал Кременчуг. Группировка Клейста расширяет прорыв на восток, свертывая оборону левого крыла Юго-Западного фронта вдоль Днепра в нашу сторону. Главный удар наносится на севере от Кременчуга. На правом крыле Юго-Западного фронта противник наступает с севера на Ромны, — сообщил Рябышев и потребовал подтянуть резервы к правому флангу армии.

Родион Яковлевич понял, что ударные группировки Гудериана и Клейста продвигаются навстречу друг другу, чтобы соединиться. Значит, фашисты намереваются выйти в глубокие тылы Юго-Западного фронта.

Ожесточенные бои 38-й армии с южной группировкой немецко-фашистских войск у Кременчуга постепенно втягивали в сражение 6-ю армию, которая своими дивизиями все больше и больше смещалась севернее Днепропетровска, воспрещая противнику расширение прорыва у его основания. Соответственно ей растянула оборону до Куриловки, то есть до бывшего правого фланга 6-й армии, и 12-я армия (командующий — генерал-майор И. В. Галанин). 14 сентября Малиновский направил в Полтаву 169-ю, 226-ю стрелковые дивизии и Полтавское тракторное училище для прикрытия города со стороны Кобеляк, куда предварительно была выброшена рекогносцировочная группа со средствами связи во главе с начальником оперативного отдела армии. Из Царичанки, расположенной на р. Орель в 50 км северо-западнее Днепродзержинска, Родион Яковлевич выдвинул 28-ю кавдивизию для обороны р. Ворскла на фронте Кобеляки — Кишеньки. Армия Малиновского по условиям обстановки была включена в состав Юго-Западного фронта.

Завершив окружение советских войск восточнее Киева, немецко-фашистское командование перенесло главный удар на Павлоград, в полосу 12-й армии И. В. Галанина Южного фронта. Наступление здесь было усилено дополнительно переправившейся у Днепропетровска группой немецко-фашистских войск.

Прорваться на стыке Юго-Западного и Южного фронтов — на смежных флангах 6-й и 12-й армий — противнику не удалось, и 27 сентября новомосковская группировка перенацелила основные усилия южнее павлоградского направления, то есть на левый фланг обороны 12-й армии, начав наступать на Синельниково с целью окружения войск левого крыла (18-й и 9-й армий) Южного фронта.

Во время тяжелых оборонительных боев Южного фронта войска Малиновского отражали непрерывные атаки па правом фланге армии, где оборонялась 270-я стрелковая дивизия полковника З. Ю. Кутлина, и в центре, где сражалась

275-я стрелковая дивизия генерал-майора М. И. Дратвина. В первых числах октября враг стремился, исходя из выгодной для него конфигурации линии фронта, ударом с севера па юг в направлении Красноград, Сахновщина отрезать и окружить 6-ю армию севернее Павлограда. Боевой порядок войск армии был неглубокий, дивизии имели большой некомплект в людях и вооружении, дороги стали труднопроходимыми после первых осенних дождей.

В этих условиях Малиновскому было приказано отвести полки за р. Богатая, для того чтобы занять естественно выгодный рубеж. Но сделать это было чрезвычайно трудно, поскольку противник мог на плечах отходящих подразделений переправиться через реку. Кутлин непрерывно просил помощи артиллерийским огнем. Для того чтобы оторваться от наседавшего противника, Малиновский решил контратаковать его своим резервом в составе 13-й танковой бригады майора А. И. Казакова после мощного огневого налета 274-го корпусного артполка.

Отдав приказ, Родион Яковлевич оставил за себя Батюню и выехал в штаб 270-й дивизии. Разорванная на несколько частей, дивизия откатывалась от Чернолозки на Сахновщину. Лишь в центре ее, у разъезда железной и шоссейной дорог перед р. Богатая, недалеко от населенного пункта Вольный, стояли насмерть подразделения 972-го стрелкового полка с группой курсантов артучилища, вышедшей из окружения.

Заслушав краткий доклад Кутлина об обстановке и уточнив исходный рубеж и направление контратаки танковой бригады, Малиновский посоветовал полковнику Кутлину обеспечить 972-й полк резервным батальоном и подвижным заградительным артиллерийским огнем перед его фронтом.

— Немедленно разошлите в полки офицеров штаба с разведчиками и автоматчиками для сбора людей и организации обороны по реке Богатая. После отхода всех подразделений за реку взорвать мосты, — распорядился командующий.

Всю ночь шел бой на разъезде. Отойдя всего лишь на 4 км, 972-й полк занял оборону на рубеже Германовка, Тамакеевка северо-западнее Сахновщины.

В центре армии, где находился член Военного совета армии бригадный комиссар И. И. Ларин, бой утих несколько раньше. На рассвете раздался звонок.

— Родион Яковлевич! Найдена карта у убитого немецкого офицера. Как быть? — спросил Ларин.

— Что она собой представляет? — в свою очередь спросил Малиновский.

— Содержит важные сведения.

— Немедленно отправляйся с ней к Батюпе и ждите меня там, — распорядился Малиновский.

По карте было установлено, что на армию наступали шесть пехотных дивизий противника (295, 57, 257, 94, 76-я и одна — во втором эшелоне), нанося главный удар от Краснограда на Сахновщину, те есть по правому флангу армии.

Родион Яковлевич решил перепроверить данные и приказал это сделать авиации. Энергичные разведывательные полеты самолетов над конкретными объектами подтвердили данные и установили местонахождение гитлеровских колонн. Малиновский тут же бросил на вражеские колоши всю свою авиацию, которая нанесла им поражение и в определенное время задержала продвижение противника.

Это было 8 и 9 октября, когда командующий Южным фронтом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, сменивший Д. И. Рябышева, просил Ставку разрешить отвод соседней с армией Малиновского 12-й армии.

...Приближалась 24-я годовщина Великого Октября. Готовились встретить ее все советские люди как в тылу страны, так и на фронте. В огромном потоке боевой информации шли сообщения о представлении к правительственным наградам лучших из лучших. Среди них оказались и те, кто на много дней локализовал вражеский плацдарм у Днепропетровска, нарушил задуманные темпы продвижения, планы гитлеровского командования на юге.

Военный совет Юго-Западного направления (в сентябре главком С. К. Тимошенко стал одновременно командующим Юго-Западным фронтом) ходатайствовал о награждении орденом Красного Знамени Днепропетровского артучилища за мужество и отвагу, проявленные личным составом в боях за Днепропетровск и оборону левого берега Днепра. Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Ленина Р. Я. Малиновского, И. И. Ларина; орденом Красного Знамени — А. Г. Батюню, Ф. К. Корженевича (заместителя начальника штаба 6-й армии).

В этот день в расположении штаба 6-й армии готовился митинг. Ожидался приезд члена Военного совета Юго-Западного направления. Были приняты меры боевого обеспечения переднего края, усилена охрана штаба. Митинг предстояло проводить под открытым небом, в соседней рощице. В назначенное время собралось управление армии, за исключением дежурной и боевой служб. Все были при оружии, в полной готовности к действиям.

Родион Яковлевич открыл праздничный митинг краткой речью о том, какое тяжкое испытание выпало Родине, о том, что фронт восстановлен и врагу нанесены огромные потери, что Красная Армия мужает, а страна накапливает силы, что предстоят еще тяжелые бои, в которых враг будет непременно разбит. Он поставил перед воинами очередные задачи и призвал их к новым подвигам. Затем представитель направления зачитал приветствие Главного командования, приказ о награждении и вручил награжденным ордена и медали.

Через два дня было объявлено, что за отличное руководство боевыми действиями войск в борьбе с фашистскими захватчиками звание генерал-лейтенанта присваивается Р. Я. Малиновскому; генерал-майора — А. Г. Батюне, Ф. К. Корженевичу; генерал-майора артиллерии — начальнику артиллерии 6-й армии И. Я. Жук.

Отойдя с боями через Лозовую, Барвенково, Изюм по приказу Ставки, 6-я армия закрепились по Сев. Донцу на рубеже Балаклея, Изюм, Красный Лиман, оборудовав штаб в Макеевке, в 25 км юго-западнее Сватово. При поддержке авиации она в течение ноября обеспечивала левым флангом

борьбу 12-й армии (командующий — генерал-майор К. А. Коротеев) Южного фронта против группы Шведлера, сосредоточившейся в районе Артемовен, Лисичанск, Первомайск. Немецко-фашистские дивизии стремились выйти на этом участке к Сев. Донцу с последующим развитием успеха вдоль реки на юго-восток. 1-я танковая армия Клейста (переименована из 1-й танковой группы 6 октября 1941 г.) действовала против левого крыла Южного фронта на ростовском направлении. Обе группировки имели приказ Гитлера соединиться в тылу советских войск, уничтожить соединения фронта по частям и пробиться на Кавказ.

Однако разорвать линию обороны, разгромить советские дивизии и выйти на оперативный простор, как это было раньше, немецко-фашистским войскам не удалось. Армии Южного фронта оказывали организованное сопротивление, часто отбрасывая врага и нередко переходя в контрнаступление, как это было под Ростовом. После падения Ростова задача советского командования заключалась в том, чтобы не пропустить врага в Южное Задонье через Батайск. Для этого войска левого крыла Южного фронта продолжали начавшееся 17 ноября контрнаступление во фланги и тыл танковой армии Клейста. Этой операции придавал большое значение Генеральный штаб. В Каменск, в штаб фронта, прибыл маршал С. К. Тимошенко и совместно с Я. Т. Черевиченко руководил контрнаступлением, которое закончилось освобождением 29 ноября Ростова от немецко-фашистских захватчиков и выходом войск левого крыла Южного фронта на р. Миус.

В начале декабря 1941 г. Ставка приказала командующему Юго-Западным направлением создать группировку советских войск на стыке Юго-Западного и Южного фронтов в районе Красный Лиман, Лисичанск, а сама приступила к выдвиганию в Старобельск из стратегических резервов 57-й армии генерала Д. И. Рябышева, передав ее в подчинение главкома Юго-Западным направлением. Задача ударной группировки под командованием командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Малиновского заключалась в

том, чтобы ударом в южном направлении выйти на р. Бахмут с последующим овладением центром Донбасса.

Родион Яковлевич собрал Военный совет армии, с его помощью оценил обстановку и воспринял задачу как самую ответственную в своей жизни, поскольку предстояло впервые возглавить наступательную операцию двух армий. Малиновского беспокоили не только отсутствие опыта в организации наступления в таких масштабах, но и условия суровой зимы, необычно глубокий снежный покров, а также очевидная помощь группировке Шведлера со стороны 1-й танковой армии, остановившей наступление войск левого крыла Южного фронта на р. Миус. Противник применил здесь необычный тактический прием: зарыв танки в обледеневший берег реки, сделал его неприступным.

Ударная группа 12-й армии усиливалась тремя стрелковыми, тремя кавалерийскими дивизиями и двумя танковыми бригадами за счет левого крыла фронта. 6-я армия должна была нанести удар на Артемовск, охватить группу Шведлера с северо-запада и запада и совместно с 12-й армией занять рубеж Яма, Артемовск, Дебальцево. 18-я и 37-я армии готовились для наступления в центре фронта.

22 декабря выдался ясный день. Мороз был до 15 градусов. Наступление началось в 11 часов мощной атакой первого эшелона после соответствующей обработки обороны противника авиацией и артиллерией. Сражение протекало с переменным успехом. Противник оградил оборону скрытыми под снегом минами, которые явились для наступавших неожиданностью и замедлили темпы продвижения. Потребовалось большое количество саперных подразделений, а их не хватало. Сказались отсутствие внезапности, широкий фронт наступления ударных групп при низкой плотности артиллерии и танков, слабая противотанковая оборона на флангах и стыках. Все это привело к тому, что за первый день борьбы правое крыло фронта продвинулось только на 2 км.

Операция продолжалась до Нового года. Весь декабрь по всему фронту происходили ожесточенные бои. Воодушевленные успехами под Ростовом, Москвой и Тихвином, советские воины переходили в атаки, улучшая

свои позиции, укрепляя оборону рубежей и населенных пунктов. Оперативная группа Малиновского прогрызла полосу вражеской обороны лишь на глубину 15 км, тем не менее группе Шведлера на артемовском направлении были нанесены значительные потери.

Бои войск под командованием Малиновского показали, как возросли упорство и натиск советской пехоты в поединках с вражескими танками. Исчезла боязнь попасть в окружение. Вместе с тем были вскрыты недостатки в организации и ведении операции в зимних условиях, в непогоду. Итоги месячного противоборства свидетельствовали о временном равновесии сил: несмотря на многочисленные попытки, ни одна из сторон не была способна прорвать оборону на оперативную глубину.

Г Л А В А IV

КОМАНДУЮЩИЙ ЮЖНЫМ ФРОНТОМ. НАСТУПЛЕНИЕ В ДОНБАССЕ. ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ ХАРЬКОВА. ОБОРОНА В ВЫСТУПЕ СЕВЕРНЕЕ РЕКИ ДОН

В декабрьских боях 1941 г. командование Южного фронта не сумело скрыть от противника подготовку к наступлению на своем правом крыле. Оно также несвоевременно обнаружило перегруппировку немецко-фашистских войск: противник заменил обескровленные в боях итальянские дивизии гитлеровскими (76-я и 94-я) и свежими итальянскими, чем значительно укрепил обороноспособность своих войск против группы Малиновского.

В конце декабря, когда бои на юге утихли и стороны перешли к обороне, Ставка назначила командующим Южным фронтом генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского. Ему было приказано немедленно передать 6-ю армию генерал-лейтенанту А.М. Городнянскому и вылететь в Каменск, в штаб Южного фронта, для вступления в должность 25 декабря.

Из состава Военного совета Южного фронта остался только начальник штаба А.И. Антонов, которому перед Новым годом было присвоено звание генерал-лейтенанта. К этому времени генерал Антонов сумел наладить работу

штаба фронта, поставить информацию, обеспечить связью управление и взаимодействие войск. Алексей Иннокентьевич отличался глубоким и широким оперативным кругозором, и Родион Яковлевич, будучи наслышан об этом, остался доволен, что у него такой подготовленный начальник штаба. К тому же по просьбе Малиновского через некоторое время членом Военного совета был назначен И.И. Ларин. Генерал А.Г. Батюня оставался в 6-й армии до апреля 1942 г.

Многих командиров соединений и объединений, входивших во фронт, Родион Яковлевич знал по предыдущим боям. Об остальных узнал в ходе ознакомления с размещением полевого управления фронта и с соединениями. Ему было приятно сознавать, что в составе фронта сражаются стрелковые дивизии, некогда входившие в состав 48-го стрелкового корпуса: 30, 74, 176 и 150-я, которые имели богатый боевой опыт, считались лучшими соединениями фронта и использовались предыдущим командованием на самых ответственных участках. В 12-й армии воевали 176-я и 74-я стрелковые дивизии с бессменными командирами В. Н. Марцинкевичем и Ф. Е. Швердиным, которые уже стали генералами. 150-й дивизией из 37-й армии с конца октября командовал генерал-майор Д. Г. Егоров.

Командующий фронтом решил побывать в этих дивизиях при первой же возможности, побеседовать с солдатами, командирами, вспомнить о пережитом, когда все были ошеломлены внезапными и мощными ударами врага, не имели нужного боевого опыта.

Из всех командующих армиями генерал-майоров (9-й — Ф. М. Харитонов, 12-й — К. А. Коротеев, 18-й — Ф. В. Камков, 37-й — А. И. Лопатин, 56-й — В. В. Цыганов) самым молодым по опыту работы во фронте был Цыганов, который прибыл из 38-й армии и еще не успел вступить в должность. И самым «старым» (со стажем четыре месяца) являлся командующий 9-й армией Харитонов. Остальные командармы имели стаж от 1 до 2,5 месяца. Примерно так же обстояло дело и с начальниками штабов армий. Так что армейское руководство по стажу работы было очень молодым. Это создавало для

Малиновского дополнительные трудности по организации управления войсками и контролю за исполнением решений.

Южный фронт оборонялся в 255-километровой полосе от Ямполья до Таганрога у Азовского моря. В его состав входили 39 дивизий и 10 бригад. Ему противостояли на линии Балаклея, Таганрог с тыловой оборонительной полосой по Днепру 17-я армия, группа Шведлера, итальянский экспедиционный, 49-й горнострелковый корпус, 1-я танковая, 3-я румынская армии: всего 17 пехотных, 7 моторизованных, 3 танковые дивизии и 2 кавалерийские бригады.

На основании разведывательных данных генерал Антонов подробно доложил о группировке вражеских войск и новом командующем группой армий «Юг» Рейхенау. Прибыв из-под Харькова и приняв группу в начале декабря от фон Рундштедта Герда, смещенного Гитлером за поражение под Ростовом, Рейхенау сразу же издал приказ «О поведении войск на Восточном фронте». В нем содержался призыв беспощадно расправляться с советскими гражданами и военнопленными.

Военный совет Южного фронта пришел к выводу, что основную силу группы армий «Юг» составляли пехотные дивизии СС «Викинг» и «Адольф Гитлер», 13-я и 16-я танковые, 60-я немецкая и 1-я словацкая моторизованные дивизии 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста, которые располагались перед войсками левого крыла фронта в районе Таганрог, Куйбышево. Такое расположение основных сил противника отвечало интересам Военного совета фронта, поскольку планировалось нанесение главного удара войсками правого крыла фронта. В связи с этим Родион Яковлевич приказал начальнику штаба генералу Антонову внимательно следить за южной группой армии Клейста, которая могла быстро передвинуться в район Павлограда.

В это время Ставка планировала разгром донбасско-таганрогской группировки противника. Для этого намечалось смежными крыльями Юго-Западного и Южного фронтов прорвать вражескую оборону между Балаклеей и Артемовском и выйти на рубеж Днепра в его нижнем течении,

отрезав гитлеровцам пути отхода на запад, чтобы затем уничтожить их во взаимодействии с войсками левого крыла Южного фронта.

Ставка приказала Южному фронту разгромить 17-ю армию и группу Шведлера, наступая войсками правого крыла фронта в общем направлении на Павлоград. Для этой цели с 3 января в состав фронта включалась 57-я армия генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева, которая растянула линию расположения войск до Изюма. На подготовку наступления было отведено 15—18 дней.

Малиновский решил провести операцию в два этапа. На первом этапе, обороняясь войсками левого крыла, с рубежа Изюм, Нырково нанести главный удар 57-й и 37-й армиями, прорвать оборону, ввести в прорыв 1-й и 5-й кавалерийские корпуса (фронтной резерв); развивая наступление в общем направлении на Павлоград, разгромить 17-ю армию и группу Шведлера и выйти во фланг и глубокий тыл армии Клейста. Задача 12-й армии заключалась в том, чтобы обеспечить левый фланг ударной группировки. На втором этапе операции ввести в сражение 9-ю армию (находилась западнее Старобельска в резерве главного командования Юго-Западного направления) и 2-й кавалерийский корпус для удара в направлении Запорожья с одновременным переходом в наступление левого крыла фронта (18-й и 56-й армий). Задача — захватить переправы на Днепре и, наступая главными силами на Б. Токмак, выйти к морю и отрезать армии Клейста и другие войска с их последующим уничтожением. До перехода в наступление на 18-ю и 56-ю армии возлагалась задача — прочно прикрыть каменское и ростовское направления.

В ходе подготовки наступательной операции, в которой Южному фронту предстояло сыграть решающую роль, Родиону Яковлевичу впервые пришлось осуществлять большую перегруппировку войск. Стояла сложная задача — скрыть ее от противника и организованно провести в условиях низких температур воздуха и труднопроходимых дорог. При обсуждении этого вопросу начальник штаба генерал

Антонов предложил: сообщить об операции лишь узкому кругу лиц, запретить какую бы то ни было переписку, касающуюся подготовки наступления, а тем более переговоры по проводам; имитировать переброску войск и техники на юг днем, где демонстрировать ложное сосредоточение войск макетами; фактическую перегруппировку на север осуществлять комбинированными средствами и способами только ночью, усилив охрану станций и узлов дорог. Эти соображения были приняты Военным советом, и Малиновский утвердил их, приказав срочно сообщить замысел операции и перегруппировки главному командованию направления.

— Заготовьте по этим вопросам боевые распоряжения для каждой армии, дайте как можно скорее на подпись и будьте готовы отправить их нарочными офицерами па самолетах. Приступайте к разработке детального плана, — сказал он в заключение начальнику штаба.

Успешной перегруппировке войск препятствовали большие снежные наносы. В районе погрузки 37-й армии вьюга бушевала семь дней. Станции Ровеньки, Щетово, Колпаково, Штеровка круглые сутки расчищались от снега мобилизованным населением, железнодорожными бригадами и предназначенными к погрузке частями. Поезда следовали крайне медленно: вместо 10 шли 38—50 часов. Их тянули двойной тягой или вытаскивали с перегонов вспомогательными паровозами. Участки, узлы и станции были забиты вагонами. Нарушились управление движением и оборот вагонов. Систематические налеты вражеской авиации на станции Купянск, Валуйки и другие вынуждали временно закрывать их.

Родион Яковлевич видел во всем этом угрозу своевременной перегруппировке войск и снабжению их. Он срочно принимал меры: часть поездов направлялась в обход основного маршрута, в первую очередь пропускались поезда с двойными составами и военно-санитарные.

Несмотря на невероятные трудности, к 18 января, дню напала наступления, многое было подготовлено. В соответствии с замыслом операции 57-я армия была выдвинута с тыла и заняла исходное положение на рубеже

Изюм, Красный Лиман. На левом крыле фронта 9-я и 37-я армии передали свои полосы обороны 56-й армии и были переброшены на правое крыло для образования главной ударной группировки. 37-я армия заняла рубеж между 57-й и 12-й армиями, а 9-я армия, поступив в резерв главного командования Юго-Западного направления, сосредоточилась за 57-й армией южнее Сватово для развития успеха войск правого крыла Южного фронта. Штаб фронта переместился из Каменска в Старобельск, на направление главного удара войск.

При всех мерах Родиону Яковлевичу удалось достичь на направлении главной удара незначительной оперативной плотности: одна стрелковая дивизия — на 6 км; семь орудий, около четырех танков и два самолета — на 1 км фронта. Это создавало лишь полуторное или двойное превосходство в пехоте, абсолютное в коннице и незначительное в артиллерии, танках и авиации. 630 орудий, 368 танков, до 200 самолетов на направлении главного удара — этого было совершенно недостаточно для выполнения столь широкого замысла. Кроме того, затянулась переброска артиллерии. Значительная часть ее не была сосредоточена к началу действий. По этой причине фактическая плотность была меньше запланированной.

Противостоявшие фронту гитлеровские войска группы армий «Юг», которой с середины января командовал фон Бек, превосходили советские войска в танках, артиллерии и особенно в противотанковой артиллерии. Тем не менее советское командование вынуждено было нош и на организацию наступления в южных районах страны в силу благоприятного развития событий на западном и северо-запад-ном направлениях, что вызывало большой морально-патриотический подъем в войсках.

Накануне операции в частях состоялись партийные и комсомольские собрания, а в подразделениях — короткие митинги личного состава. Они проходили при высокой активности бойцов и командиров, которые клялись сражаться до последней капли крови. Готовились специальные номера дивизионных, армейских и фронтовой газет. И. И. Ларин командировал две группы работников политуправления

фронта в 57-ю и 37-ю армии для оказания помощи политорганам в проведении партийно-политической работы.

В ночь на 18 января температура значительно понизилась. Дороги были заполнены людьми и машинами. Все двигалось к фронту, чтобы своевременно вступить в бой, который должен был начаться через несколько часов. Малиновский и Ларин ехали к Рябышеву, командующему войсками 57-й армии, которым предстояло действовать на самом ответственном направлении.

— Как думаешь, Илларион Иванович, оправдывает наши надежды Рябышев? — спросил Малиновский Ларина.

— Командующий опытный. Фронтом командовал, и его армии дано больше сил и средств, чем другим, — ответил Ларин.

— Но это немного для полной гарантии успеха. К тому же часть артиллерии еще в пути, — заметил командующий.

— У Харитонова, командующего 9-й армией, около 50 воинских эшелонов тоже пока в пути. Успеют ли? — выразил тревогу Ларин.

— Думаю, что к вводу в прорыв успеют. Как только приедем, нужно связаться с начштаба и поторопить... Должно быть, Макеевка, — заметил Малиновский, когда машина подъехала к станции.

Остановились у контрольно-пропускного пункта.

— Товарищ командующий фронтом! В Макеевке расположена 349-я стрелковая дивизия — второй эшелон 57-й армии. Личный состав готов выступить в Коровин на правый фланг армии, — доложил командир дивизии полковник Брайлян.

— Как настроение людей, товарищ Брайлян?

— Хорошее, товарищ командующий фронтом. Рады, что будет наступление.

— Что с морозом будем делать, товарищ Рябышев? — протягивая руку, задал вопрос Малиновский, едва переступив порог землянки.

— Распорядился выдать всем положенную норму, а там движение будет греть. Другого выхода нет.

— Все ли готово? — спросил Малиновский, желая уточнить положение армейской артиллерии.

— Почти все, только три артиллерийских полка не успевают занять огневые позиции, — доложил Рябышев.

— Где они сейчас? — недовольно спросил Малиновский.

— В местах выгрузки без горючего, — виновато ответил Рябышев.

— Почему не доложили? Какие приняты меры?

— Приказано командиру 22-го артиллерийского полка, ближайшего к месту выгрузки артиллерии, помочь тракторами вывезти орудия на огневые позиции, — доложил Рябышев.

Родион Яковлевич связался с начальником штаба фронта, командующим артиллерией генерал-майором артиллерии И. Я. Жук и поручил проконтролировать выдвижение на огневые позиции остатков артиллерии 57-й армии и сосредоточение воинских частей 9-й армии, которые еще находились в пути следования. Это его сильно беспокоило. Вместе с И. И. Лариным они обсуждали вопрос о переносе начала операции. Генерал Д. И. Рябышев, вмешавшись в разговор, попросил ничего не менять, поскольку на главном участке прорыва он сосредоточил 345 орудий и минометов, а отставшую артиллерию обещал подтянуть в самое ближайшее время. Взвесив все «за» и «против», Малиновский решил не менять сроки начала операции.

...Истекали последние минуты, шли запоздалые уточнения, сверялись часы, все волновались. Родион Яковлевич задумчиво прохаживался по земляному полу, усыпанному мелкой галькой, и время от времени поглядывал на часы.

Начали! Мощный артиллерийский огневой налет был произведен по вражеским траншеям, узлам обороны, огневым точкам. Через 10 минут был открыт редкий методичный огонь. Гитлеровцы выбрались из укрытий и заняли окопы в ожидании атаки, но в это время вновь последовал мощный огневой налет по переднему краю обороны противника. Так повторялось в течение 40 минут с

промежутками разной продолжительности. Последние 10 минут в артподготовке приняла участие артиллерия соседних с участком прорыва районов для обеспечения прорыва на флангах ударной группировки.

Под прикрытием артогня пехота, имея в боевых порядках полковые пушки и противотанковые орудия, выдвинулась к переднему краю противника. Атака началась ровно в 5 часов утра 18 января. Одновременно был перенесен артиллерийско-минометный огонь в глубину обороны и над боевыми порядками появилась авиация Южного фронта. Советские воины устремились на вражеские позиции. Они шли, бежали, местами ползли. Саперы рвали уцелевшую проволоку, расширяли проходы в минных полях. Орудия катили вручную по снежной целине. Завязывались рукопашные схватки. Однако за 7 часов боя пехота продвинулась меньше, чем требовалось. При прорыве главной полосы вражеской обороны выяснилось, что продвижению пехоты мешает подкрепление, подоспевшее к третьей линии траншей. Командующий фронтом привлек дополнительно артиллерию и авиацию для разгрома очагов сопротивления. В результате наступление пехоты оживилось, враг дрогнул и начал оставлять позиции.

На исходе дня Малиновского вызвал к аппарату главнокомандующий Юго-Западным стратегическим направлением Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и спросил, прибыла ли артиллерия 57-й армии, которая к началу операции находилась в пути.

— Опоздавшие три полка артиллерии прибыли и занимают огневые позиции. Завтра вступят в бой. Устранена заминка в наступлении первого эшелона армии. Люди сражаются храбро, хотя многие бойцы впервые в бою, — доложил Родион Яковлевич.

— Что предпринимает противник?

— До дивизии гитлеровцев выдвигается из Барвенково против левого фланга армии Рябышева. Думаю, что с утра следует ввести навстречу противнику второй эшелон 57-й армии — 349-ю стрелковую дивизию, которая готова к выдвиганию на Сулиговку.

— Когда лучше? До начала вражеской контратаки или после?

— По-моему, товарищ маршал, лучше после того, как две танковые бригады, перерезав дорогу и заняв выгодный рубеж, с места отразят контратаку вражеской дивизии в районе Сулиговки. Они уже переправились через Северский Донец и к утру будут там. Я нахожусь в 341-й дивизии, которая с одной танковой бригадой продолжает действовать в направлении Великой Камышевахи. Так что мы нависаем над Барвенково. Кавалерийские корпуса Пархоменко и Гречко в готовности к вводу в прорыв в общем направлении на Барвенково, — доложил Малиновский.

— Правильно, сначала надо отразить контратаку врага с места, а затем добить атаками. Смотрите не опоздайте с бригадами и вторым эшелоном армии, а то все может покатиться назад, — предупредил Тимошенко.

— У нас нет ясности в действиях 6-й армии Городнянского. Его левофланговая дивизия не пошла так, как он указывал в своем приказе, а ввязалась в уличные бои в Гончаровке и Песках, — сказал Малиновский, беспокоясь о правом фланге главной ударной группировки.

— Армия Городнянского к вечеру окружила противника в Глинском и успешно продвигается. Войска Вашего правого крыла обеспечиваются надежно, и можно не волноваться, — успокоил Тимошенко.

Наступление Южного фронта продолжалось не так успешно, как хотелось бы Родиону Яковлевичу. Противник с боем отошел лишь на отдельных участках в западном и юго-западном направлениях и отвел свои тылы за р. Сухой Торец, продолжая подтягивать силы в Барвенково. Мороз до 25 градусов создал чрезвычайные трудности для наступавших войск. Населенные пункты приобрели особое значение в системе обороны: в них сидел враг, а советским войскам пришлось оставаться в открытом поле на сильном морозе по несколько суток подряд, атакуя эти населенные пункты и блокируя их. Метели и снежные заносы до предела затруднили подвоз боеприпасов и продовольствия войскам, которые с продвижением в глубину противника все больше

отрывались от своих баз снабжения. Это, безусловно, ослабило силу удара Южного фронта и снизило темп развития операции. Оборонявшийся противник объективно оказался в более выгодном положении.

С утра 21 января в прорыв на Барвенково были введены 1-й и 5-й кавкорпуса генералов Ф. А. Пархоменко и А. А. Гречко — резерв фронта, а поздно вечером Антонов доложил главному С. К. Тимошенко:

— ...За сегодняшний день у 37-й армии Лопатина и 12-й армии Коротеева результаты небольшие. Восточнее Славянска в Рай-Александровке разгромлен штаб полка 295-й пехотной дивизии: полковое знамя доставлено командиру 96-й стрелковой дивизии. От Лопатина Военный совет потребовал выполнения поставленной задачи. Он объясняет медлительность продвижения сильным сопротивлением резервов противника. С начала наступления его войсками освобождено 14 населенных пунктов. Армия Коротеева овладела высотами...

— Коротееву надо занимать не высоты, а населенные пункты. На высотах теперь никто не живет, и мы не рекомендуем увлекаться ими, — заметил Тимошенко.

В ночь на 24 января корпус Гречко овладел Барвенково, захватил большие трофеи и продолжал наступление на юг. Гитлеровцы потеряли убитыми в городе около 400 солдат и офицеров. Корпус Пархоменко действовал рядом. Следом продвигалась 351-я стрелковая дивизия. В тот же день 9-я армия Харитонова была передана в резерв командующего Южным фронтом и по приказу Малиновского начала выдвигаться к р. Сев. Донец, в район Красного Лимана.

Еще через сутки С. К. Тимошенко и начальник штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант И. Х. Баграмян, зная, что Родион Яковлевич находится в Ямполье, в 275-й стрелковой дивизии, и принимает меры для развития ее наступления на правом фланге 37-й армии генерала Лопатина, запросили у Антонова материалы об итогах первого этапа операции.

В подготовленном штабом Южного фронта докладе говорилось, что 6-я армия Юго-Западного фронта разгромила

298-ю и 68-ю пехотные дивизии и продвинулась на 60 км; 57-я армия на барвенковском направлении — 257-ю пехотную дивизию и правым флангом ушла вперед на 40—50 км, а передовыми отрядами Гречко пройдено 50—65 км; 37-я армия на краматорском направлении нанесла поражение 295-й и 76-й пехотным дивизиям, но продвинулась только на 15—20 км; 12-я армия, имея перед собой до семи-восьми дивизий, нисколько не продвинулась. Командующим фронтом введены в сражение подвижные средства — два кавалерийских корпуса в прорыве 57-й армии Рябышева. Один кавалерийский корпус вступил в сражение в полосе соседней с Южным фронтом 6-й армии Городнянского. Во фронте остались неиспользованными 9-я армия и 2-й кавалерийский корпус да несколько отдельных дивизий.

На флангах прорыва советских войск противник упорно удерживал Балаклею и Славянск подоспевшими подкреплениями. Одновременно он начал перебрасывать в район прорыва дивизии с южного участка фронта и резервы из глубокого тыла.

Исходя из доклада, главком направления вместе с Малиновским внесли коррективы в первоначальный план операции по смещению направления главного удара с Павлограда на Красноармейское с целью принудить противника отойти перед фронтом 12, 18 и 56-й армий. Для этого намечалось цвести в сражение 9-ю армию генерала Харитонов в стыке между 57-й и 37-й армиями.

Такое решение обуславливалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, наступление советских войск на юге сильно ограничивалось глубоким снежным покровом (до 80 сантиметров) и понижением температуры, яростным сопротивлением гитлеровцев, которым генералы внушили, что лучше умереть в населенном пункте от пуль и снарядов, чем неминуемо замерзнуть в открытом поле в случае отхода. В результате темп продвижения советских войск, в особенности на участках с большой плотностью обороны противника, резко снизился. Танки Т-60 с трудом преодолевали снежный покров, часто останавливались на поле боя, неся потери. Во-вторых, нужно было под угрозой окружения вынудить противника покинуть укрепленные

позиции в районах Славянска, Горловки, Сталино, Чистяково, для того чтобы разбить его на не защищенных оборонительными сооружениями рубежах, начав наступление левым крылом фронта.

26 января Ставка утвердила решение, и через сутки 9-я армия вошла в прорыв в стыке между 57-й и 37-й армиями генералов Рябышева и Лопатина. Одновременно с ней перешли в наступление все армии фронта, за исключением 56-й. В чрезвычайно трудных условиях бойцы, командиры и политработники фронта показали изумительную стойкость и мужество в стремлении разгромить противника.

Прикрывшись со стороны Лозовой, войска 57-й армии перенесли усилия в центр и на левый фланг оперативного построения и сломили сопротивление противника. Взаимодействуя с 37-й армией и кавалерийскими корпусами по обходу Славянска и Краматорска с запада, 9-я армия втянулась в бои по отражению вражеских контрударов из района Славянска. Кавкорпус Гречко со 130-й танковой бригадой подошел к району Гришино, Красноармейское. Навстречу ему из Сталино снялась 100-я пехотная дивизия противника. Она успела раньше войск Гречко войти в Гришино и Красноармейское и организовать их оборону. Сюда устремились и другие резервы противника, которые оказали упорное сопротивление Южному фронту и даже несколько потеснили его части.

Барвенково-Лозовская операция закончилась 31 января. В пей не были достигнуты цели, которые ставились перед войсками фронта. Главными причинами явились отсутствие общего превосходства над противником в силах и средствах, неглубокое оперативное построение армий на главном направлении. Однако войска фронта нанесли поражение 17-й армии противника и вовлекли в сражение глубокие вражеские резервы. Враг потерял около 31 тыс. солдат и офицеров. В результате немецко-фашистское командование вынуждено было свести 1-ю танковую и 17-ю армии в армейскую группу «Клейст». Но и потери советских войск убитыми, ранеными и обмороженными были большие. Соединения Южного фронта стали малочисленными, поэтому его правофланговые 57-я и 9-я армии совместно с 6-й армией Юго-Западного фронта

перешли к обороне в образовавшемся в сторону Павлограда между Балаклеей, Лозовой и Славянском выступе в 90 км в глубину и 110 км по фронту, повиснув над Красноармейское, Краматорском. Соответственно в обороне Южного фронта образовался выступ немецко-фашистских войск со стороны Славянска, Краматорска до Маяков на глубину 30 км. И над выступом советских войск с севера — от Змиева, Чугуева до Балаклеи — глубиной 40 км также нависала вражеская группировка. Вот почему С. К. Тимошенко решил еще 24 января остановить наступление левого крыла Юго-Западного фронта в Барвенково-Лозовской операции и прикрыть наступление правого крыла Южного фронта на Красноармейское.

Январский удар двух советских фронтов в центре группы армий «Юг» и глубокий прорыв в Барвенково и Лозовую нарушили общий план действий гитлеровского командования и вынудили противника занять жесткую оборону на всём фронте. В сложившейся обстановке было бы желательным наступление Южного фронта с выступа, которое разорвало бы 6-ю и 17-ю немецкие армии и поставило бы войска Клейста под угрозу оперативного окружения. Но для такого наступления не было ни сил, ни средств. Малиновский не мог ничего противопоставить противнику, кроме того, что приказал 9-й армии овладеть Маяками с высотами для улучшения позиций. Противник также придавал им большое значение и упорно оборонялся. В результате взаимных атак и контратак обе стороны несли большие потери. Затем фронту было приказано прочной обороной на южном фесе выступа силами 57-й и 9-й армий под командованием генералов К. П. Подласа (вступил в должность 12 февраля) и Ф. М. Харитонова обеспечить операцию Юго-Западного фронта на харьковском направлении.

Немецко-фашистское командование приступило к созданию группировки войск в Славянске, Красноармейское, Сталино, Артемовске за счет действовавших на фронте и прибывавших из глубокого тыла сил и средств. Оно готовило мощный контрудар из районов Балаклеи и Славянска в общем направлении на Изюм, чтобы срезать барвенковский

выступ советских войск. Подготовка к операции продолжалась даже тогда, когда 12 мая войска северного фаса барвенковского выступа (6-я армия генерала А. М. Городнянского и армейская оперативная группа генерала Л. В. Бобкина), 28-й армии генерала Д. И. Рябышева (вступил в должность 8 мая 1942 г.) с примыкавшими к ней фланговыми соединениями 21-й и 38-й армий перешли в наступление на харьковском направлении и поначалу имели успех.

В 4 часа утра 17 мая последовал мощный залп вражеской артиллерии по переднему краю 9-й армии Харитонова из двух районов: Славянск, Былбасовка и Александровка, Андреевка, южнее Барвенково. В небе ревели моторы фашистских самолетов. Группы по двадцать и более самолетов нанесли удары по огневым позициям артиллерия, штабам, узлам связи и переправам через Сев. Донец у Изюма и Богородичное. Через час сплошного грохота и гула показались танки, позади них — пехота на машинах. За первым эшелоном в таком же порядке выдвигались второй и третий. Как только фашисты приблизились к переднему краю обороны 9-й армии, вражеские бомбардировщики нанесли по нему бомбовый удар, за которым последовала мощная атака на двух подвергшихся особо интенсивной огневой обработке участках фронта. В общей сложности на фронте 9-й армии атаковали 11 дивизий и до 360 танков армейской группы «Клейст».

Обходя опорные пункты и заграждения, гитлеровцы угрожали флангам и тылам частей армии, оставляя их последующим эшелонам. Наступавшая группировка с юга в полдень подошла к Барвенково. Наибольшую опасность представляла славянская группа противника, которая продвигалась навстречу балаклеевской, поставив войска левого фланга 9-й армии в тяжелое положение. Перед угрозой разгрома оказался вспомогательный пункт управления штаба армии в Долгенькой. Едва не погиб начальник штаба армии генерал Ф. К. Корженевич, который получил ранение во время сильной бомбардировки штаба. Прекратилась связь со штабом фронта, потеряно управление дивизиями, и командующий генерал Харитонов вынужден был под огнем перемещаться в Каменку, а затем в лес

западнее Изюма. Армия оказалась в критическом положении, и ее соединения с боями начали отходить за Сев. Донец и па Барвенково.

Для штаба Южного фронта наступление немецко-фашистских войск не явилось неожиданностью. Однако командование фронта не в состоянии было что-либо предпринять из-за малочисленности сил и средств.

После того как противник прорвал оборону 9-й армии на южном фланге барвенковского выступа, главная задача Южного фронта заключалась в том, чтобы занять оборону по р. Сев. Донец до подхода резервов. Для этой цели главным передатком Малиновскому одну дивизию для обороны рубежа южнее Изюма в полосе 9-й армии, а для усиления 57-й армии — 2-й кавалерийский корпус полковника Г. А. Ковалева. Родион Яковлевич приказал командующему 57-й армией генералу К. П. Подласу выдвинуть 2-й кавалерийский корпус и 14-ю гвардейскую стрелковую дивизию из резерва в район в 25 км северо-западнее Барвенково и с утра 18 мая контратаковать во фланг прорвавшегося противника. Генералу Харитонову было приказано немедленно возвратиться в войска и взять управление армией в свои руки.

Одновременно Малиновский распорядился перебросить на машинах дивизию из 37-й армии в район прорыва гитлеровцев севернее Славянска. Но железной дороге следовала танковая бригада. Ожидались еще две стрелковые дивизии и две танковые бригады. По приказу Малиновского выдвинулся из фронтового резерва и в районе Голый Долины сдерживал расширение вражеского прорыва на северо-восток 5-й кавалерийский корпус генерал-майора И. А. Плиева, сменившего А. А. Гречко, который еще в апреле заменил К. А. Коротева из 12-й армии.

Но было поздно. К концу первого дня наступления гитлеровцы заняли Барвенково, упредив ударную группу 57-й армии в развертывании, и она была вынуждена в невыгодных условиях перейти к обороне севернее Барвенково. За двое суток наступления, преодолев сопротивление разрозненных войск 9-й армии и подтянув к прорыву резервы со стороны

Днепропетровска, Горловки, Макеевки, Сталино, гитлеровцы подошли к Изюму.

Главком С. К. Тимошенко решил разгромить прорвавшегося противника на изюмском направлении силами 57, 6 и 9-й армий с двумя кавалерийскими корпусами и обеспечить дальнейшее развитие наступления на Харьков, которое началось 12 мая. Но осуществить этот план не удалось. Остановить гитлеровцев, будучи сбитыми со своих оборонительных рубежей, оказалось весьма трудно. Успешный контрудар могли осуществить только свежие и не скованные противником силы.

С 20 мая главком подчинил Юго-Западному фронту 57-ю армию. Это ослабило Южный фронт. В командование 9-й армией вступил генерал-майор П. М. Козлов.

Перед правым крылом Южного фронта 21 мая противник перешел к обороне по Сев. Донцу тремя пехотными дивизиями, а танковой группировкой продолжал действовать в северном и северо-западном направлениях до соединения 23 мая с балаклеевской группировкой.

В окружении оказались десятки тысяч воинов, много орудий, танков, тысячи машин, лошадей и масса разного орунам и военного имущества. Окруженные испытывали острый недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия. Бои по прорыву из окружения носили разрозненный и неуправляемый характер. Господство в воздухе авиации противника сковывало действия частей. Днем все было прижато к земле, и только ночью советские части просачивались через кольцо окружения без техники и тяжелого вооружения. С утра 26 мая с окруженными была окончательно потеряна радиосвязь...

Родион Яковлевич тяжело переживал харьковскую трагедию. Перестала существовать 6-я армия второго формирования, которой он командовал и хорошо знал. Не стало А. М. Городнянского, принявшего от него командование. Только начальник штаба 6-й армии А. Г. Батюня вместе с членом Военного совета Юго-Западного фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым сумели выйти из окружения с 22-тысячной группой бойцов и

командиров. Немецко-фашистские войска добились перевеса сил и вновь овладели стратегической инициативой.

Становилось ясным, что гитлеровское командование будет пытаться сделать то, чего не могло достигнуть в летне-осенней кампании 1941 г. Главным станет Юго-Западное стратегическое направление. Поэтому войскам Малиновского было приказано перейти к упорной обороне, надежно обеспечить стыки, вскрыть вражеские группировки и определить начало их действий.

Обстановка накалялась с каждым днем. Под сильным прикрытием авиации противник производил интенсивные переброски войск вдоль фронта, в том числе демаскировочные.

В начале июля всеми видами разведки было установлено, что на р. Оскол от Купянска до Красного Оскола фашистское командование заменило 3-й танковый, 52-й и 11-й армейские корпуса частями 51-го и 6-го румынского армейских корпусов. Первые были переброшены в район Славянск, Краматорск, Артемовск, где кроме дивизий на переднем крае было сосредоточено до восьми новых пехотных и танковых дивизий. По данным разведки Южного фронта, они готовились нанести главный удар в стыке Юго-Западного и Южного фронтов в направлении Артемовск, Лисичанск. Кроме того, в районе Орджоникидзе, Сталино, Чистякове сосредоточились две танковые и две моторизованные дивизии 1-й танковой армии Клейста в готовности развить успех наступления. За короткое время они перегруппировались с южного участка советско-германского фронта на северный для проведения операции по ликвидации барвенковского выступа советских войск. Оценив обстановку, Р. Я. Малиновский предположил, что враг будет наступать в общем направлении на Каменск во взаимодействии с войсками, наносившими удар со стороны Старого Оскола на Россошань, Миллерово. Так оно и произошло. Враг нанес удар из района Воронеж, Острогожск силами 6-й армии и из района Артемовска 1-й танковой армией по сходящимся направлениям на Кантемировку. 6 июля в 16 часов 35 минут Малиновского вызвал к аппарату

начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский:

— Создавшаяся обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта вынудила Ставку принять решение на отвод армий на тыловой рубеж. 9-я армия Юго-Западного фронта к утру 7 июля отойдет... Ставка приказывает Вам одновременно с отходом 9-й армии отвести правый фланг 37-й армии на реку Боровая, Лисичанск к утру 8 июля, где прочно закрепиться. При отходе надо как можно шире использовать заграждения, как можно больше разбросать противотанковых и противопехотных мин. Все эвакуировать. Мужское население, способное носить оружие, забрать в запасные части фронта. Какие имеете соображения по этому вопросу?

— Ваши указания вывезти все оборудование заводов невыполнимы потому, что 17 паровозов и 500 вагонов находятся в Лисичанске, куда нет железной дороги. Для постройки ее требуется 7—9 дней. Нельзя ли задержать отход левого крыла Юго-Западного фронта и моего правого до 12—15 июля? Если нельзя, то, по-видимому, все придется уничтожить, — ответил Малиновский.

Ставка не разрешила задержку отхода войск, и части правого фланга 37-й армии снялись с рубежа под прикрытием заслонов.

В 6 часов 9 июля танковая и три пехотные дивизии противника (около 100 танков) при поддержке авиации атаковали левый фланг 37-й армии из Берестовой на Лисичанск, Атака в основном была отбита, но 27 танкам удалось прорваться на Мессарош. Три раза бой доходил до рукопашного, и советские воины удерживали положение из последних сил. Однако прорвавшиеся в Мессарош танки противника, маневрируя и просачиваясь в балки отдельными группами с автоматчиками, увлекли за собой подкрепления и расширили прорыв.

В 7 часов началось наступление противника в полосе 12-й армии. В тот же день Василевский тревожно информировал Малиновского о том, что на правом крыле Юго-Западного фронта обстановка резко ухудшилась. Противник занял

Митрофановну и устремился на Богучар и Кантемировку, создав угрозу 28, 38 и 9-й армиям левого крыла Юго-Западного фронта. Возникла необходимость отвода этих армий за Дон до Казанской, Чертково и правого фланга Южного фронта — на линию Чертково, Ворошиловградский обвод, Новопавлонка южнее Красного Луча. Ставка спрашивала мнение Малиновского и просила его выделить пять стрелковых дивизий для того, чтобы укрепить стык между фронтами и обеспечить миллеровское и сталинградское направления.

— Считаю необходимым согласиться с Вами, — ответил Малиновский. — Полагал бы на первом этапе отвести правое крыло на рубеж Новая Астрахань, Трехизбенка, Черкасское, Штеровка, Новопавлонка. Этот рубеж сильный и занят уровскими батальонами. Левое крыло соседа целесообразно расположить на рубеже Казанская, Чертково, Беловодск, Шульгинка и здесь его стабилизировать всеми мерами. Потом мое правое крыло можно отвести на рубеж Чертково, Ворошиловградский обвод, чтобы уплотнить силы Юго-Западного фронта. Это мероприятие необходимо начать проводить в жизнь немедленно, иначе противник окажется в Чертково раньше, чем мы. Усилить миллеровское направление я смогу 24-й армией, но это будет за счет ослабления фронта.

Ставка согласилась с предложением Малиновского об очередности отвода войск. 12 июля она упразднила Юго-Западный фронт и создала новый — Сталинградский фронт. Четыре армии Юго-Западного фронта (28, 38, 57 и 9-я) были переданы в подчинение Малиновского в весьма тяжелой ситуации: враг вбивал клин на юго-востоке в междуречье Сев. Донца и Дона, где действовали эти армии, и отбрасывал их за Дон в районы Казанской, Вешенской. Одновременно на миллеровском направлении противник вклинился между 9-й армией и правым крылом Южного фронта. События развивались с катастрофической быстротой. Разрывы все время увеличивались. Фронт Малиновского обтекался с северо-востока. У Малиновского не хватало сил и времени, чтобы закрыть брешь от Красноярского до Чертково.

Войска отступали, происходили перемены в командовании. 14 июля командующим 9-й армией был назначен Ф. Л. Пархоменко, но армией продолжал командовать Лопатин до вывода войск из-под угрозы окружения. Организационные мероприятия коснулись и Южного фронта. В то время как по приказу Родиона Яковлевича заканчивалось развертывание 24-й армии для прикрытия Миллерово, ее командующий И. К. Смирнов был заменен В. Н. Марцинкевичем.

Тем временем гитлеровское командование расширяло и углубляло прорыв подвижными частями. Колонны немецко-фашистских войск все более проникали в большую излучину Дона.

Бои не утихали ни днем ни ночью. Южный фронт Малиновского держал оборону в центре и на своем левом крыло, загибая правый фланг на юго-восток и оттягивая тылы 24-й и 9-й армий на западный берег Сев. Донца. Объединениями фронта отбивались атаки противника, в том числе па подступах к Лисичанску, где стойко и упорно дрались войска 37-й армии. Чтобы быть в курсе обстановки и управлять войсками, Малиновский все время следил за состоянием связи с ними и принимал неотложные меры в случаях ее нарушения.

Ставка требовала своевременной информации от Малиновского, а он, пренебрегая личной безопасностью, находился там, где было особенно тяжело, и не всегда успевал па переговоры. 14 июля Р. Я. Малиновский сообщил Станке:

— ...По наблюдениям наших офицеров, Лопатин сохранил управление войсками. Войска 28, 57 и 38-й армий пробираются группами между наступающими немецкими танковыми колоннами в общем направлении на Миллерово, Каменск. Москаленко радирует, что собирает свои войска на Дону между Калачом и Вешенской... Остатки этих армий будут собираться нами и вольтуются в существующие соединения. Я со штабом в эту ночь переехал в район Красного Сулика.

Далее Родион Яковлевич доложил, что, поскольку не существует 28, 57 и 38-й армий как боевых организмов, отпала возможность сомкнуть с ними правый фланг Южного фронта в районе Серафимовича или Вешенской на Дону.

— Теперь нужно принимать меры, чтобы остановить противника севернее железной дороги от Суровикино до Тацинской, — продолжал Малиновский. — Если этого не произойдет, то придется считаться с необходимостью обороны по реке Северский Донец и далее на восток по Дону. В этом случае исключительно важное значение приобретает клин Константиновская, Ворошиловград, Таганрог.

Соображения Малиновского выходили за рамки Южного фронта, который мог своими силами удерживать только упомянутый клин с обороной на северо-востоке по правому берегу Сев. Донца до впадения в Дон.

Ставка обнаружила слабость левого крыла Сталинградского фронта и 16 июля предложила Малиновскому не отводить 9-ю армию за р. Сев. Донец, а выдвинуть на восток в сторону Морозовска, усилив ее хотя бы одним танковым корпусом.

— Это должно сорвать продвижение противника на юг к Дону на одном из наших наиболее слабых участков обороны и усилить Сталинградский фронт, — сказал Василевский.

— Вывести армию Лопатина в район Морозовска в данной обстановке не представляется возможным, — ответил Малиновский. — Учитывая, что из Верхнетарасовки до Морозовска по прямой почти 150 километров (для пехоты это 6—8 тяжелых переходов с боями и днем и ночью, а для немецкой мотопехоты — максимум два перехода), ее нужно выводить к югу в общем направлении на Каменск за Северский Донец.

Родион Яковлевич видел, как передний край подвижной обороны Южного фронта все больше походил на подкову, которая левым концом упиралась в берег Азовского моря. Он понимал, что противник направит все свои усилия на ликвидацию клина. Поэтому Малиновский ставил перед собой задачу — отстоять идею отвода 9-й армии за Сев. Донец, удержать клин и не дать противнику прижать войска

фронта к Дону от устья Сев. Донца до Ростова. Он приводил отходившие части в порядок и укреплял правое и левое основания клина, в котором оказался Южный фронт. Для этого еще оставались кое-какие армейские резервы

Пока шли переговоры, на стыке 12-й и 18-й армий Южного фронта резко ухудшилась обстановка: окружалась героически сражавшаяся на вершине выступа 176-я стрелковая дивизия. Родион Яковлевич согласился на отвод левого фланга 12-й армии и тут же доложил Василевскому. Тот прорвал переговоры для доклада Ставке и через несколько минут продолжил разговор:

— Ставка требует, чтобы Вы твердо и прямо сказали ей: в состоянии ли вы имеющимися силами и средствами удержать занимаемый выступ и выделить кроме отряда Коротеева, который брошен сейчас на погибель восточнее реки Северский Донец, дополнительно какие-либо части для прикрытия участка между реками Северский Донец и Цимла, ответственность за который Вы несете перед ней?

Напряжение командующего фронтом было на пределе. Наступил самый критический момент: решалась судьба фронта и его людей. И он ответил:

— Нет, не в состоянии, учитывая положение 12-й и правого фланга 18-й армий, а также то, что группа Лопатина еще не отошла на Северский Донец.

Начальник Генерального штаба запросил последние данные о Лопатине и предположения на дальнейший ход событий. Малиновский ответил:

— Военный совет Южного фронта, обсудив создавшееся положение, предлагает отвести войска фронта за Дон с одновременным удержанием Ростовского укрепленного района по обводу. Последующими рубежами отхода иметь...

Это было на исходе 16 июля. Через несколько минут последовало согласие Ставки, которого ждали Малиновский, Ларин, Антонов. И опять рушились мосты, перепахивались аэродромы, горели и взрывались склады с топливом и боеприпасами.

Через сутки враг приступил к форсированию Сев. Донца восточнее Каменска. Свыше 100 танков и 700 автомашин с

эсэсовскими солдатами в черных куртках продвигались па юг от Тацинской к Дону в огромном разрыве между советскими войсками. К Калитвенской и Белокалитвенской подтягивались до 300 танков и 1000 автомашин: создавалась угроза центру обороны в направлении Лихая, Шахты, Новочеркасск

В район севернее Шахт выдвигалась прославленная в боях на границе, верная своим боевым традициям 74-я стрелковая дивизия, входившая когда-то в корпус Малиновского, а ныне — резерв фронта. Ее называли во фронте Шевердинской в честь первого командира Ф. Е. Шевердина. Это ему принадлежали первые ночные атаки на врага восточнее Прута. Теперь дивизия получила задачу прикрыть на вершине выступа отход советских частей, который решил осуществить Родион Яковлевич во избежание флангового удара по ним противника со стороны Калитвенской и Тацинской, то есть с восточной стороны. К тому же наметились признаки подготовки форсирования противником Сев. Донца от его устья до Красно-Донецкой, а это у самого основания выступа.

Горела переправа у Калитвенской, через которую рвались фашисты. Вокруг нее дымились застывшие вражеские танки, авто- и бронемашины, валялись орудия и трупы солдат и офицеров. Это были результаты действий авиации и артиллерии Южного фронта. Однако, как только огонь стих, заговорили уцелевшие вражеские точки. Из-за реки донесся шум моторов. Это, буксуя колесами и танковыми траками на мокрых полях и разбитых дорогах, под дождем ползли к плацдарму машины со свежими силами солдат-эсэсовцев. Приблизившись к реке, они высыпали из кузовов машин и устремились к переправам.

В район ожесточенного боя спешила группа 14-го танкового корпуса, которую возглавил командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал А. Д. Штевнев, спешила на помощь погибавшим воинам. Здесь находились И. И. Ларин и заместитель начальника штаба фронта генерал Я. С. Дашевский, которые личным примером увлекали воинов на разгром прорвавшейся мотогруппы гитлеровцев на участке 3-го гвардейского стрелкового корпуса.

Через каждые четыре часа Генеральный штаб требовал сведения об обстановке. Из штаба передали — И. В. Сталин приказал выбросить на машинах к прорыву орудия ПТО. Операторы спрашивали:

— Где главные силы Лопатина?

— Установить не удалось, хотя авиация все время ищет их. По докладу Лопатина, они должны быть где-то в районе Верхнетарасовки. По крайней мере, Лопатин там их оставил, — ответил Малиновский.

— Сталин интересуется действиями Штевнева и 3-го гвардейского стрелкового корпуса, — сообщал Генштаб.

— Данных о них нет. Принимаются меры по связи нарочными, самолетами, по радио, но пока безуспешно, — доложил Малиновский.

К утру 21 июля фашистам удалось форсировать Сев. Донец и оттеснить советские части на шахтинском направлении. Успешно действовал противник и со стороны Калитвенской, Белокалитвенской, тоже в шахтинском направлении. Здесь сдерживала вражеские танки 37-я армия. С тяжелыми боями начался отход частей 18, 12 и 56-й армий за обвод Ростовского укрепленного района. Контрудара не получилось, и «подкова» стала быстро уменьшаться в размерах. Внутри неё буквально горела и дыбилась земля. Враг напирал отовсюду, превосходя обескровленный фронт в несколько раз. Наземные части противника поддерживала мощная авиация. Армадам вражеских самолетов, которые непрерывно бомбили и штурмовали пехоту Южного фронта, противостояли лишь 43 истребителя, 20 штурмовиков и 9 бомбардировщиков 4-й воздушной армии генерала К. А. Вершинина.

Остатки армий Малиновского откатывались за Дон еще в течение семи дней. Под вражеским огнем авиации и артиллерии оказались штабы войск фронта, которые нередко оставались без связи, особенно после того, как ростовский и шахтинский узлы связи были уничтожены противником. Терялось управление войсками. Многие командиры штаба фронта направлялись в соединения для связи нарочными. Разыскивались выдвигавшиеся для занятия Ростовского

укрепленного района части и потерявшаяся группа операторов и шифровальщиков.

Военный совет Южного фронта в сложной обстановке не терял самообладания, правильно прогнозировал действия врага, докладывал о них в Генштаб и принимал посильные контрмеры. Войска отходили в основном организованно, дрались мужественно, нанося большой урон противнику. Во фронте чувствовалась сильная воля командующего и начальника штаба. Их доклады, информации были объективными и грамотными.

Особенно ожесточенные бои разгорелись за Ростов, уже побывавший однажды в руках оккупантов. На ростовском направлении от устья р. Керчик до Азовского моря наступали в двух линиях 4 танковые, 3 моторизованные и 22 пехотные дивизии противника. Часть из них нанесла главный удар па направлении Султан Салы, Ростов и вспомогательный — на Каменный Брод, Аксайскую, Александровскую с целью захватить Ростов и отрезать новочеркасскую группировку Южного фронта.

К исходу 25 июля мощным тараном противнику удалось выйти на рубеж Новочеркасск, правый берег р. Аксай, северная и западная окраины города. При этом в Аксайскую, Александровскую и Ростов проникли группы автоматчиков и завязали уличные бои. На следующий день бои шли уже за Батайск и Койсуг в тылу Ростова с 18-й армией Ф. В. Камкова.

Для Ростова сложилась крайне опасная обстановка. По приказу Малиновского армия совместно с подоспевшей на помощь из 56-й армии 30-й стрелковой дивизией полковника Б. Н. Аршинцева контратаковала врага по всему фронту.

Стремительный прорыв в тыл Ростова частей 1-й танковой и 17-й полевой армий противника не дезорганизовал его защитников. Они сражались до последнего. Дравшиеся в самом Ростове окруженные два полка НКВД и полк ополчения проявляли чудеса героизма. Малиновский спешил помочь им, в крайнем случае вывести из города. Предпринятая контратака у Ватайска и Койсуга ошеломила и приостановила гитлеровцев, но ненадолго. Последовавшие штурмовка и бомбежка авиацией, а также

сильный наземный огонь противника вынудили залечь войска Малиновского. А свежих резервов не было.

Отходившие за Дон малочисленные войска Южного фронта едва отбивались от наседавшего врага, слабели с каждым днем. Растянутые на широком фронте части несли потери, были измотаны многодневными боями и, особенно, безнаказанными ударами авиации. Остатки танковых средств были сведены в отдельные группы по десять танков. Во фронте отсутствовали какие-либо автосредства. В результате пехота передвигалась только пешком, опаздывало и не поспевала за маневренным противником. Его 1, 2 и 4-я танковые, 17-я полевая армии и армейская группа к 28 июля создали угрозу прорыва, как и предполагали Малиновский с Антоновым, на трех направлениях через р. Дон: Николаевская, Пролетарская; Раздорская, Веселый; Батайск, Новобатайск.

Кончилось тем, что под мощным нажимом гитлеровцев войска Южного фронта переправились за Дон и влились в Северо-Кавказский фронт. Чтобы избежать неразберихи в управлении, Ставка 28 июля объединила оба фронта в один — Северо-Кавказский — под командованием С. М. Буденного. Малиновский на короткое время стал его заместителем. Для Родиона Яковлевича закончилось отступление, на которое ушло четыреста бессонных ночей и тревожных дней, полных драматизма.

ГЛАВА V

ФОРМИРОВАНИЕ 2-Й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ. БОРЬБА С МАНШТЕЙНОМ. ВНОВЬ ВО ГЛАВЕ ФРОНТА. ШТУРМ ЗАПОРОЖЬЯ

После месячных боев на Северном Кавказе генерал-лейтенант Малиновский вылетел для вступления в должность командующего 8-й Резервной армией, ставшей через четыре дня 66-й армией с включением ее в состав Сталинградского фронта А. И. Еременко а затем, через месяц, в состав Донского фронта К. К. Рокоссовского. Впоследствии, перед Курской битвой, эта армия стала 5-й гвардейской и прославила себя на главных направлениях

войны, а первое боевое крещение получила при Малиновском.

Почти одновременно с Малиновским на должность начальника штаба армии прибыл генерал Ф. К. Корженевич. Генерал-лейтенант А. И. Антонов стал начальником штаба при С. М. Буденном. Вскоре он был отозван на должность первого заместителя начальника Генерального штаба и начальника Оперативного управления Генштаба.

Когда враг достиг стен Сталинграда, армия Родиона Яковлевича была брошена на опасный участок для обороны 20-километрового рубежа между Волгой и Доном. Обороняясь севернее Сталинграда в районе Ерзовки, 66-я армия уперлась левым флангом в Волгу и нависла над левых) крылом ударной группировки Паулюса, проникшей к реке. 5 сентября 1942 г. она перешла в наступление с целью улучшения своих позиций и затем, при другом командующем, нанесла главный удар правым флангом в общем контрнаступлении советских войск под Сталинградом.

Наступил ноябрь 1942 г. Малиновский прибыл в Тамбов. Здесь он встретил боевого друга и товарища И. И. Ларина. Их всегда отличало глубокое взаимопонимание. Тогда, за Доном, Малиновскому пришлось расстаться с Лариным, который убыл на должность члена Военного совета 1-й Резервной армии Ставки ВГК, ставшей с 25 ноября 1942 г. 2-й гвардейской, куда и прибыл Малиновский командующим. Увидев Ларина все тем же дивизионным комиссаром, Родион Яковлевич вспомнил свой долг перед ним. Он написал представление и передал его Ставке по прямому проводу. Вскоре боевые товарищи поздравили И. И. Ларина с генеральским званием. Вместе со всеми радовался и генерал-майор С. С. Бирюзов, только что прибывший на должность начальника штаба армии. 38-летний генерал был уже трижды ранен в 1941 г., когда командовал дивизией на Юго-Западном фронте. «Смелый, решительный, не знающий страха командир» — так характеризовал его весной 1942 г. генерал Н. П. Пухов — командующий 13-й армией. Бирюзов прибыл из 48-й армии Брянского фронта, где получил большой опыт армейского штабиста. Ни командарм, ни начштаб не знали тогда, что в 60-е годы они станут

ведущими руководителями Вооруженных Сил СССР, Маршалами Советского Союза, известными полководцами. Начавшись во 2-й гвардейской, крепкая дружба надолго связала их.

Ставка торопила с формированием армии и перебросила на Тамбовщину боевые дивизии из ряда фронтов, присвоив некоторым наименование гвардейских. Нескончаемым потоком шла техника, вооружение, боеприпасы. На базе 22-й гвардейской стрелковой дивизии создавался 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К. В. Свиридова. Армия обещала стать мощным объединением стратегических резервов.

Одновременно с ее формированием проводилась оперативно-тактическая подготовка войск и штабов методом командно-штабных игр с учений частей в поле с боевой стрельбой. Военный совет армии неустанно занимался политическим и военно-патриотическим воспитанием солдат и командиров, опираясь на партийные и комсомольские организации и используя боевой опыт.

В ходе формирования и обучения соединения армии были подтянуты к железнодорожным станциям Тригуляй, Рада, Платоновка в готовности к перевозкам в район Сталинграда. Оттуда шли радостные вести об окружении 6-й армии Паулюса, а в начале декабря — о подготовке фронтов сталинградского направления к одновременному решению трех задач: разгрому противника на Среднем Дону, ликвидации окруженной группировки в районе Сталинграда и отражению готовившегося контрудара группы армий «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом Манштейном, сформированной для деблокады армии Паулюса.

Ставка ВГК решила расцечь окруженную группировку противника на дне части с последующим уничтожением. Для этой цели армия Малиновского включалась в Донской фронт. 5 декабря отправились на фронт дивизии Миссана, за ними — соединения Чанчибадзе и Свиридова. Через 5—10 дней 1-й гвардейский стрелковый корпус выгрузился из эшелонов на станциях Лог, Иловля в 95—75 км северо-западнее Сталинграда.

Пока армия перебрасывалась на Донской фронт, в районе боевых действий ситуация изменилась. Противник по-прежнему сопротивлялся в окружении, особенно у Мариновки, Карповки — в западном выступе котла, но и нанес контрудар 4-й танковой армией генерала Гота, входившей в котельниковскую группировку группы армий «Дон», в сторону того же выступа. Информация о поведении противника в котле и извне обусловила изменение характера и очередности действий советских войск. Советскому командованию на сталинградском направлении Ставка предложила сосредоточить внимание на отражении удара деблокирующей группировки противника. Необходимо было решительными действиями на тормосинском и котельниковском направлениях ликвидировать попытку деблокады и отодвинуть дальше советский внешний фронт, разрушить надежду противника на коридор, по которому он мог выйти из окружения.

...Село Заварыкино раскинулось у речушки Тишанки, впадавшей на юго-западе в широкий Дон. К нему примкнул совхоз «Пролетарий», образуя единый массив строений. Родион Яковлевич прилетел сюда из Панышино, где оставил оперативную группу штаба армии во главе с С. С. Бирюзовым для руководства выгрузкой и выдвиганием войск в район сосредоточения.

Это было 12 декабря. Здесь он встретился с А. М. Василевским — представителем Ставки, К. К. Рокоссовским — командующим Донским фронтом и другими военачальниками.

— Хотелось бы знать, товарищ Малиновский, где сейчас Ваши корпуса? — спросил Василевский.

— Дивизии Миссана после выгрузки на станции Иловля находятся в пути к району сосредоточения Сокаревка. Передовая 98-я дивизия полковника Серегина уже там. Корпус Чанчибадзе — на подходе к станции выгрузки. За ним следует мехкорпус Свиридова. Последний эшелон отправился с Тамбовщины сегодня. Короче — из 165 железнодорожных эшелонов прибыло 60, — четко доложил Родион Яковлевич.

— Армия Гота ударила тоже сегодня. Ее и 2-ю гвардейскую отделяют 200 километров. Боюсь, что последнюю придется вводить в сражение по частям, так как время работает против нас,— задумчиво произнес Василевский и спросил у Малиновского: — Что Вам известно о положении под Сталинградом?

— Ничего, если не считать отрывочных сведений о намерениях Манштейна и Паулюса.

— Так вот, Родион Яковлевич. Гитлер очень верит Манштейну и подчинил ему все южные войска, а также и окруженные для координации действий по деблокаде. На реке Аксай, в районе Новоакеайский, Шестаков ведет тяжелый оборонительный бой 4-й механизированный корпус генерала

В. Т. Вольского. Он действует отлично, но его силы на исходе. В затылок войскам Вольского развернуты некоторые соединения 51-й армии Н. И. Труфанова, но их мало. Манштейн еще не ввел главные силы, а он их непременно введет. Тормосинское направление прикрывает 5-я ударная армия М. М. Попова с 7-м танковым корпусом П. А. Ротмистрова, а вот котельниковское направление обеспечено слабо. По нашему мнению, перелом наступит на реке Мышкова. На ее обледенелых крутых берегах мы обязаны остановить многочисленные танки Манштейна. Иначе Паулюс будет выпущен из мешка. А теперь посоветуйте нам, Родион Яковлевич, кого бить раньше в этой ситуации — Манштейна или Паулюса? — спросил Василевский.

— Лучше обоих разом,— ответил Малиновский.

Василевский сообщил об отсутствии свободных войск у Еременко и Рокоссовского и о наличии на сталинградском направлении из стратегических резервов только его, Малиновского, армии и некоторых частей. Затем он сказал:

— Стоит вопрос, где использовать Вашу армию: на внутреннем фронте окружения, как первоначально намечалось, или на внешнем?

Наступила пауза. Почувствовав, что она затянулась, Малиновский заметил:

— Опаснее не тот враг, который сидит в мешке, а тот, который хочет его развязать.

Остановить войска Манштейна в тех условиях могла лишь полнокровная 2-я гвардейская армия, и представитель Ставки Василевский на свой страх и риск принял окончательное решение. К 12 часам 18 декабря он сообщил Сталину мотивированный план действий армии с выходом на р. Мышкова и подчинением Малиновскому с 24 часов 17 декабря соединений Труфанова, которые обеспечивали развёртывание 2-й гвардейской

В невероятно суровых условиях зимы армия Малиновского покрыла расстояние в 200 км, вытягиваясь с севера на юг между внутренним и внешним фронтами окружения паулюсовской группировки, переломила войска Манштейна на р. Мышкова и обратила их в бегство на ростовском направлении. Главным в деятельности Родиона Яковлевича в это время была организация такой группировки войск, которая позволила последовательно решить три задачи: совершить марш, отразить контрнаступление, осуществить собственное наступление. Военным советом армии все было продумано до мелочей. Большая организаторская и политическая работа в войсках обеспечила дисциплинированность, сознательность и высокий наступательный порыв.

Первой вышла к реке 98-я стрелковая дивизия полковника И. Ф. Серегина. Она сменила малочисленные полки 87-й стрелковой дивизии 51-й армии и с ходу вступила в сражение, заняв оборону в станицах Кумекая, Громосланка, Ивановка. Взятые в плен в ночь на 19 декабря офицер и несколько солдат показали, что на дивизию нацелены три пехотные и 17-я танковая дивизии гитлеровцев и что генеральное наступление назначено на 22 декабря.

Родион Яковлевич понял, что Манштейн собирается ввести свои последние резервы, и поспешил к Серегину. Выслушав рапорт командира дивизии, он подошел к стереотрубе. Перед ним открылась панорама с воронками, клубящимся дымом, стальными машинами с белыми крестами и множеством солдат. Танки предназначались для атаки Громославки, от которой до окруженных войск Паулюса

оставалось 40—45 км. «Пропустить врага через реку Мышкова, сдать позиции — значит вызвать на себя встречный удар со стороны кольца», — подумал Малиновский, а комдиву сказал:

— Стоять насмерть, а я сделаю все, чтобы не допустить подхода их резервов.

22 декабря противник перешел в атаку. Удар пришелся по 98-й дивизии, которая заняла оборону у Громославки. Около 4 тыс. моряков Тихоокеанского флота составляли костяк дивизии. Это были беспримерно отважные воины. Некоторые из них даже взбирались на танки, оказывавшиеся в боевых порядках дивизии, и с них поливали огнем вражескую пехоту.

В ходе сражения советские войска героически сдерживали врага, нанося ему потери в живой силе и технике. Многие воины совершили бессмертные подвиги. Так, у хутора Нижне-Кумский комсомолец Илья Каплунов вступил в поединок с вражеским танком. После первого выстрела из противотанкового ружья машина загорелась. Из-за бугра показались еще четыре танка, которые двигались прямо на бронейщика. Илья сменил позицию и продолжал вести огонь. Но в это время ему оторвало ногу, а ружье отбросило в сторону. Собравшись с силами, Каплунов метнул гранату и остановил головную машину. Затем, преодолевая боль, дотянулся до ружья, и еще два танка задымились после его метких выстрелов... Силы покидали героя. Приближение очередных вражеских танков заставило его забыть боль. Истекая кровью, боец подбил еще три танка. Враг не прошел, но отважный бронейщик погиб'. О бессмертном подвиге Ильи Каплунова узнали все воины армии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 г. И. М. Каплунову присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя навечно зачислено в списки полка.

Весь день Военный совет 2-й гвардейской армии находился у Громославки — на наиболее горячем участке фронта, организуя контратаки войск, маневр силами и средствами, воодушевляя бойцов и командиров на ратные подвиги.

Родион Яковлевич понимал, что за гвардейцами больше войск нет, а танки его армии стоят без горючего. Эти обстоятельства накладывали на него особую ответственность, и он был строже обычного. «Горючее, во что бы то ни стало нужно горючее»,— говорил он Ларину и Бирюзову. Последние принимали все меры, а к вечеру, когда ослаб натиск противника, выехали в тылы.

До самого вечера противник пытался прорваться на северный берег р. Мышкова. Здесь и произошли решающие бои. Непреодолимое сопротивление армии Малиновского и непрерывные удары авиации 8-й воздушной армии преградили путь армейской группировке «Гот»: ее наступление захлебнулось, не достигнув ближайшей цели. Гот и командующий 4-й танковой армией просили у Манштейна резервов, но тому было не до них, так как северный участок фронта рушился в это время под мощными ударами войск Юго-Западного фронта.

Малиновский был информирован об успехе на Среднем Дону, и это вселило надежду на удержание занимаемого рубежа. Ночью он прибыл в Верхне-Царицынск — в штаб своей и 57-й армий, которые размещались вместе. Здесь он договорился с А. М. Василевским о доставке в армию горючего, чтобы начать наступление. Но его не оставляли тревожные мысли, поскольку танки Манштейна могли атаковать в любую минуту, а в случае вражеского прорыва ни о каком наступлении армии не могло быть и речи.

И тогда Родион Яковлевич пошел на риск. Он решил вывести ночью все танки на последнем горючем из укрытий, имитируя ими боевой порядок для атаки, чтобы утром устрашить врага и тем самым задержать его на месте. Около 600 стальных машин выползли из оврагов и балок на открытую местность и выстроились по всей линии фронта. Только под одной Громославкой гвардейцы насчитали более 100 танков. Эффект был потрясающим. Увидев множество танков, Гот не решился перейти своими войсками в атаку. В стане врага забеспокоились. Было отправлено донесение в ставку Гитлера: «Вся степь усеяна советскими танками». Гот получил приказание перейти к обороне.

Время было выиграно, танковые соединения и части 2-й гвардейской армии получили горячее и всей мощью обрушились па врага. Безусловно, в создании кризисной ситуации для группы армий «Дон» в целом решающее значение имело успешное наступление советских войск в районе Среднего Дона под руководством Ставки ВГК. В то же время ее поражению способствовало беспримерное упорство войск Малиновского в отражении вражеского танкового тарана па р. Мышкова с последующим переходом в контрнаступление на главном направлении.

Наступил февраль. Армия Малиновского находилась на подступах к Ростову — городу, который полгода назад пришлось оставить второй раз. Позади — от пего до Сталинграда — извилистые и трудные пути-дороги.

В конце января погиб близкий и дорогой Родиону Яковлевичу человек — И. И. Ларин, с которым командарм разделял фронтовые заботы с первых дней войны. Вместо Ларина в армию прибыл генерал-майор Н. Е. Субботин. Но Малиновскому не пришлось с ним работать — 2 февраля 1943 г. Родиона Яковлевича снова назначили командующим войсками Южного фронта.

К этому времени войска Юго-Западного и Южного фронтов вышли на нижнее течение Сев. Донца и Дона и охватили с севера и юга группу армий «Дон». Она насчитывала 22,5 дивизии, из них 10 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных, оборонялись перед 51-й и 28-й армиями Южного фронта. В целом обстановка благоприятствовала развитию наступления на всем южном участке советско-германского фронта: сопротивление противника было сломлено, в прорванной обороне образовалось много пустых участков, а правое крыло Юго-Западного фронта нависало над Донбассом — главной угольно-металлургической базой страны. В целях освобождения этого района Ставка решила осуществить операцию «Скачок» силами Юго-Западного и Южного фронтов. Войска первого фронта ударом из района Старобельска через Славянск на Мариуполь должны были отрезать пути отхода противника на запад. Войскам второго

фронта предстояло завершить разгром ростовской группировки врага, наступать на запад вдоль Азовского моря и помочь Юго-Западному фронту уничтожить донбасскую группировку.

Родион Яковлевич принял фронт в ходе наступления, когда соединения растянулись, войска устали и тылы увязли в весенней распутице. Несмотря на это, настроение воинов было боевое — гнать фашистскую нечисть как можно дальше. Соединения Южного фронта устремились к Ростову, который 14 февраля 1943 г. навсегда стал советским. А за два дня до этого Родиону Яковлевичу было присвоено очередное воинское звание — генерал-полковника. Это было признанием его военачальником, способным управлять большими войсковыми массами, оснащенными мощными средствами борьбы.

Преследуя отходившего из-под Ростова противника, войска Южного фронта через три дня вышли на р. Миус и встретили упорное сопротивление на заранее подготовленной полосе обороны группы армий «Юг», созданной на базе группы армий «Дон».

Больше двух недель войска фронта вели напряженные бои, но прорвать оборону не удалось.

За время длительных наступательных боев войска фронта сильно устали. Тылы недостаточно обеспечивали их боеприпасами, горючим и продовольствием. Из-за разрушенных при отступлении оккупантами железных дорог они не успевали за наступающими войсками.

Однако боевые действия войск фронта на Миусе сковали значительные силы противника, которые предназначались для контрнаступления против войск Юго-Западного и Воронежского фронтов.

22 марта 1943 г., когда утихли сражения в Восточном Донбассе, Родион Яковлевич передал фронт генерал-лейтенанту Ф. И. Толбухину и стал командовать вместо Н. Ф. Ватутина Юго-Западным фронтом. Здесь Малиновскому присвоили звание генерала армии. Членом Военного совета фронта остался А. С. Желтов, начальником штаба —

С. П. Иванов, а в конце мая прибыл Ф. К. Корженевич.

Юго-Западный фронт стоял в обороне на Сев. Донце. В ряде мест он располагался на небольших плацдармах, наиболее важные из них были сохранены южнее Змиева и юго-восточнее Изюма. Результаты зимней кампании 1942/43 г. не могли не радовать. Советские армии прошли от Волги до Дона огромное расстояние и достигли района неоднократных и продолжительных сражений сорок первого, когда Малиновский был командармом, и сорок второго, когда командовал Южным фронтом. А теперь по главе Юго-Западного фронта ему предстояло идти вперед по искоженным маршрутам. Все они были знакомы Родиону Яковлевичу и свежи в памяти, дотла разрушенные и сожженные, неоднократно переходившие из рук в руки донбасские города. Ему было о чем вспомнить и что рассказать своим подчиненным. Его боевой опыт, знание театра, профессиональная оценка явлений, широта оперативно-стратегического мышления и спокойно-уверенная манера общения с людьми покорили и подчинили ближайшее окружение с первых дней его работы на новом посту.

События под Курском летом 1943 г. были важнейшими событиями на всем советско-германском фронте. Р. Я. Малиновский не имел непосредственного отношения к ним в оборонительный период, тем не менее его фронт примыкал к

Курскому выступу с юга и был готов вступить в сражение и случае глубокого прорыва немецко-фашистских войск. Но этого не случилось: слишком сильная и глубокая была оборона. В глубине ее стоял Степной фронт И. С. Конева в виде мощного объединения резервов Ставки. Часть армий фронта 2 июля совместно с войсками Воронежского фронта Н. Ф. Ватутина перешли в наступление, и к 23 июля оба фронта вышли к переднему краю обороны, откуда началось наступление противника 5 июля. Вслед за тем фронты приступили к подготовке контрнаступления на белгородско-харьковском направлении.

Действия фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина увязывались одной задачей, полученной через два дня после начала наступления гитлеровцев на Курской дуге. Они должны были в соответствии со стратегическим планом

Ставки ВГК сковать противника в Донбассе и отвлечь часть его дивизий с направления главного удара под Курском.

Получив больше сил и средств, чем Южный фронт, Родион Яковлевич решил ударом 1-й и 8-й гвардейских армий в центре рассечь вражескую оборону на направлении Изюм, Барвенково, Красноармейское и окружить гитлеровцев восточнее р. Днепр, соединившись с войсками Ф. И. Толбухина западнее Сталино. Перед Юго-Западным фронтом действовали 1-я танковая армия, три дивизии 4-й танковой армии и другие соединения. Вражеская оборона имела несколько линий траншей, сотни дотов, дзотов и блиндажей, множество проволочных и минных заграждений. Основная группировка этих войск располагалась на направлении главного удара фронта. Поэтому прямой и быстрый разгром этих сил обещал успех на всем юго-западном стратегическом направлении.

На правом крыле фронта 57-я и 6-я армии должны были содействовать войскам южного фаса Курского выступа в разгроме белгородско-харьковской группировки противника, а на левом — из Лисичанска на Артемовск наносила вспомогательный удар 3-я гвардейская армия. Во втором эшелоне располагалась 12-я армия. Подвижную группу составили 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса, которые должны были замкнуть кольцо окружения.

Войскам Ф. И. Толбухина планировалось включиться в наступление с р. Миус одновременно с Юго-Западным фронтом 17 июля.

Ставка ожидала от фронтов активных действий. Родиону Яковлевичу впервые предстояло управлять мощным фронтом при прорыве сильно укрепленной обороны противника. Так, если к январю 1942 г., когда Р. Я. Малиновский стал командующим войсками Южного фронта и в этом же районе приступил к подготовке Барвенково-Лозовской наступательной операции, фронт насчитывал 5 общевойсковых армий, 520 тыс. человек, 2,7 тыс. орудий и минометов всех калибров, 150 танков, то к июлю 1943 г.— началу подготовки операции на Юго-Западном фронте, куда он только что прибыл, имелось 6 общевойсковых армий,

танковый и механизиро-иотшый корпуса, 736 тыс. человек, 15 тыс. орудий и минометов, 1355 танков.

Возросшая техническая оснащенность войск способствовала увеличению размаха операций и наращиванию огневого превосходства над противником на направлениях главных ударов. На основе накопленного боевого опыта и увеличившихся боевых возможностей войск увереннее начали действовать командиры всех степеней и их штабы. Более конкретными стали планирование боевых действий, постановка задач войскам и обеспечение их силами и средствами.

Однако при решении вопросов, возникавших при подготовке операции, Родиона Яковлевича и его штаб больше всего беспокоило обеспечение превосходства над врагом на направлении главного удара фронта против наиболее сильного участка обороны противника. Это требовало значительного сосредоточения сил и средств.

За 9—10 дней до начала боев военные советы фронта и армий уделили особое внимание разведке противника, организации артиллерийского и авиационного наступления, форсирования реки, правый берег которой господствовал над левым, оборудованию командирами и штабами сети наблюдательных пунктов, раскинувшихся на крышах строений и самых высоких деревьях прифронтового лесного массива, материально-техническому обеспечению войск и другим важным вопросам.

Под руководством военных советов в частях и соединениях фронта заканчивалась перестройка партийных и комсомольских организаций в свете Постановления ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 г. о реорганизации их структуры. В батальонах, дивизионах и им равных подразделениях были созданы первичные партийные и комсомольские организации, а в полках партбюро стали работать на правах партийных комитетов. В результате во фронте появилось более 4200 первичных партийных и 4100 первичных комсомольских организаций с общим числом около 129 тыс. коммунистов и 128 тыс. комсомольцев, то есть количество партийных и комсомольских организаций увеличилось в два раза. Это позволило резко усилить влияние партийных и

комсомольских организаций, оперативнее решать боевые задачи, эффективнее воспитывать советских воинов в духе патриотизма. Партийно-политическая работа во фронте приобрела широкий размах и сыграла важную роль в повышении морально-боевых качеств солдата и офицера.

Наступление войск фронта Р. Я. Малиновского началось после артиллерийской и авиационной подготовки. Десять дней шло сражение. Противник предпринимал до 13-18 контратак в сутки. В них нередко участвовало до трех полков пехоты и 100 танков при поддержке самолетов.

За первый день боев на изюм-барвенковском направлении войска фронта форсировали Сев. Донец, вклинились в оборону гитлеровцев до 5 км и напели деревянные мосты. Гитлеровцы выдвигали к прорыву все новые и новые резервы.

Сюда были повернуты войска, направлявшиеся в район Белгорода. Более того, Гитлер снял с белгородского направления несколько дивизий и бросил их против наступавших армий Малиновского. Это, безусловно, облегчило продвижение соседних войск па харьковском направлении. На главном направлении наступления войск Юго-Западного фронта враг потерял за три дня только убитыми до 20 тыс. человек.

Части Малиновского тоже понесли большие потери, и наступление было приостановлено. Командующий Южным фронтом получил приказ Ставки об отводе войск на левый берег Миуса. Ставка намечала перегруппировку и пополнение войск. Во фронт Р. Я. Малиновского прибыла из резерва Ставки 46-я армия генерала В. В. Глаголева.

Прерванная операция явилась прелюдией в освобождении Донбасса. Она привлекла к себе большие силы противника с белгородско-харьковского направления, что способствовало решению общей стратегической задачи группой фронтов на южном крыло советско-германского фронта. На правом берегу Сев. Донца в районе Изюма был захвачен плацдарм в 36 км по фронту и 3—5 км в глубину. Операция помогла приобрести навыки в форсировании больших водных преград с наведением наплавных и

деревянных мостов, вскрыть недостатки в организации и ведении крупной наступательной операции, полностью разведать систему мощной обороны противника.

Наступила середина августа. К этому времени Военный совет Юго-Западного фронта во главе с Р. Я. Малиновским обобщил опыт и извлек уроки из июльских боев. Степной и Воронежский фронты от контрнаступления, начавшегося 3 августа, без паузы перешли в общее наступление на Харьков, создав угрозу флангу и тылу немецко-фашистской группировки, оборонявшейся в Донбассе.

Для обхода Харькова с юга Ставка передала 57-ю армию из Юго-Западного фронта в состав Степного. Создалась обстановка для продолжения Донбасской операции войсками Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина с некоторыми уточнениями плана Ставкой. Координировать их действия Ставка приказала маршалу А. М. Василевскому.

По согласованию с ним Р. Я. Малиновский представил в Ставку соображения о нанесении главного удара на правом крыле фронта. Ставка не согласилась с этим и 6 августа приказала сосредоточить основные усилия по-прежнему в центре.

Родион Яковлевич по опыту июльского наступления отчетливо представлял, что разгромить врага будет нелегко, так как войскам придется наступать в чрезвычайно трудных условиях: наличие многочисленных водных преград, плотное оперативное построение войск противника на сильно укрепленных позициях с огромным количеством огневых средств позволяли ему упорно обороняться.

Чтобы увеличить шансы на успех фронта, Р. Я. Малиновский организовал боевую подготовку войск и днем и ночью. Были отработаны вопросы форсирования рек, прорыва главной полосы обороны, боя в траншеях, взаимодействия между родами войск. Особое внимание уделялось графику артиллерийской подготовки, который включал 5-минутный огневой налет на передний край, 60-минутный огонь на разрушение и 10-минутный удар всей артиллерией вновь по переднему краю с последующим переносом в глубину обороны перед атакой пехоты.

Была усилена партийно-политическая работа в войсках. Военный совет, начальник политуправления фронта М. В. Рудаков и его аппарат, политработники частей и подразделений разъясняли личному составу значение освобождения Донбасса для усиления ударов по врагу, рассказывали об успешном наступлении на Харьков Воронежского и Степного фронтов, которое создало угрозу флангу и тылу немецко-фашистской группировки, оборонявшейся в Донбассе.

Главный удар наносился 6-й и 12-й армиями генералов И. Т. Шлемина и А. И. Данилова в центре фронта с плацдарма в районе Изюм, Богородичное, завоеванного в июльских боях. Войска второго эшелона — 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова — имели задачу совместно с 23-м танковым корпусом генерала Е. Г. Пушкина и 1-м гвардейским механизированным корпусом генерала И. Н. Руссиянова развить успех 6-й и 12-й армий; 46-й армии генерала

В. В. Глаголева предстояло действовать в зависимости от обстановки — или на правом крыле, или в центре фронта. Общее направление наступления главной ударной группировки — Барвенково, Павлоград. Вспомогательный удар наносился войсками 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова на правом крыле фронта в направлении Змиева для содействия Степному фронту. С этой целью наступление здесь началось на три дня раньше и развивалось успешнее, чем в центре. Уже 18 августа ее войска освободили Змиев. В тот же день началось наступление Южного фронта на р. Миус во взаимодействии с 3-й гвардейской армией Юго-Западного фронта, которой командовал генерал Г. И. Хетагуров.

Перешедшая в атаку 16 августа ударная группировка Р. Я. Малиновского продвигалась медленно. Она слишком многим угрожала врагу, чтобы он сдал позиции, не используя всех возможностей: наикратчайшим путем выводила к Днепру и отрезала донбасскую группировку немецко-фашистских войск". Поэтому в конце первого же дня фашисты ввели в сражение 23-ю танковую дивизию из резерва. В танковых боях участвовали сотни машин. В район прорыва стягивались свежие силы: гитлеровцы ввели четыре

пехотные дивизии и подтягивали моторизованную. Для усиления ударов по врагу Малиновский ввел в сражение из-за правого крыла фронта 46-ю армию. После пополнения вступила в бой на главном направлении 8-я гвардейская армия. Остановить наступление советских войск было невозможно. Обозначился прорыв оперативной глубины обороны противника, тем более что в это время с севера на Харьков продвигались войска Степного фронта, а в приморской полосе войска Южного фронта прорвали укрепленные позиции на р. Миус. Назревал новый Сталинград.

Родион Яковлевич оцепил обстановку и пришел к выводу, что гитлеровцы, над которыми нависла угроза окружения, скоро начнут отход из Донбасса. Ввиду этого задача заключалась в том, чтобы своевременно обнаружить начало отступления, особенно на флангах, где было мало сил (фронта).

Исходя из таких предпосылок, Родион Яковлевич на Военном совете фронта принял решение: 23-й танковый корпус Е. Г. Пушкина и 1-й гвардейский механизированный корпус И. Н. Руссиянова, действовавшие на барвенковском направлении, как можно быстрее перебросить на левое крыло фронта и использовать для выхода во фланг отходящего противника, с тем чтобы захватить Красноармейское, Синельниково и перерезать пути отхода гитлеровцев к днепропетровским и запорожским переправам. 33-й стрелковый корпус из 6-й армии передать куда же в полосу 3-й гвардейской армии под командованием Д. Д. Лелюшенко, который только что сменил Г. И. Хетагурова. 46-й армии было приказано решительным продвижением на юг создать угрозу окружения противника западнее и южнее Балаклеи, изолировать донбасскую группировку противника от харьковской, обеспечив правое крыло фронта. Командующим армиями главного удара необходимо было усилить натиск, чтобы не была заметна рокировка войск к флангам.

В ночь на 2 сентября в штаб фронта в Верхне-Соленое, возле Боровой, с флангов поступили сообщения, что начался отход противника. Перегруппировка корпусов опаздывала.

Ждать было нельзя. И Малиновский отдал распоряжение приступить к преследованию врага.

На фланги срочно выехали А. С. Желтов и Ф. К. Корженевич. Весь штаб был поднят на ноги для ускорения выдвижения корпусов в исходные районы, шел сбор информации, особенно с флангов, и оценивалась обстановка для принятия новых решений.

Д. Д. Лелюшенко немедленно перешел в наступление наличными силами. Преследуя фашистов и сбивая арьергарды, он в тот же день овладел Лисичанском.

Подвижные силы фронта — корпуса Е. Г. Пушкина и И. Н. Руссиянова — были брошены в преследование врага утром 6 сентября. За ними успешно продвигались части Д. Д. Лелюшенко. К 8 сентября советскими войсками были освобождены Артемовск, Краматорск, Констаптиповка, Красноармейское. В этот день Москва салютовала войскам, участвовавшим в освобождении этих городов, 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

С освобождением Красноармейское и выходом подвижных войск Е. Г. Пушкина и И. П. Руссиянова во фланг главной барвенковской группировки нависла угроза над ее коммуникациями с юга. Для противника был потерян смысл обороны промежуточных тыловых рубежей, проходивших с запада на восток, для прикрытия Донбасса с севера, и он начал вынужденный отход на барвенковском направлении.

Родион Яковлевич требовал от главной группировки решительных действий по преследованию фашистов до Лозовой, чтобы затем повернуть на юго-запад и зажать донбасскую группировку противника, отсекая ее от днепровских переправ.

Гитлеровцы не знали остановок ни днём ни ночью. Их тылы были дезорганизованы, управление войсками потеряно. Враг нес большие потери, отступал не по плану, а лишь бы поскорее укрыться за Днепром. Его отход становился все более беспорядочным. Отступая, фашисты поджигали города и села, уничтожали фабрики и заводы, выводили из строя промышленное оборудование. В груды металла превращали сельскохозяйственный инвентарь. Затопляли шахты,

минировали дороги, взрывали мосты. Грабили и убивали местных жителей, в том числе детей и стариков. Их злодеяния вызывали у воинов еще большую ненависть к фашистским извергам.

11 сентября передовая бригада Е. Г. Пушкина достигла важнейшего узла коммуникаций Приднепровья — Синельниково. Противник встретил ее контратаками. В тот же день он контратаковал левый фланг войск Д. Д. Лелюшенко пехотной дивизией с 50 танками, желая отрезать пехоту от ушедших вперед подвижных соединений, задержать ее продвижение и тем спасти положение своих отходящих частей. Однако контратаковавшие части были разгромлены, и преследование продолжалось.

Наконец открылись подступы к Днепру. В штаб поступили данные, что гитлеровцы не намереваются сдавать Павлоград, Запорожье и другие приднепровские города. Повсюду чувствовалось, что по мере приближения к водному рубежу усиливается сопротивление противника.

Малиновский приказал А. И. Данилову, командующему 12-й армией, организовать ночной штурм Павлограда двумя стрелковыми дивизиями (333-й и 172-й), атакуя с севера и востока совместно с авиацией 17-й воздушной армии. Он понимал, что взаимодействие войск в ночном бою — основа успеха, поэтому лично принял участие в его разработке.

Появление советской пехоты и танков ночью на окраинах города оказалось совершенно неожиданным для противника. Оправившись от внезапных атак советских войск, фашисты оказали упорное сопротивление, но были разгромлены в уличных боях.

В журнале боевых действий 679-го немецкого пехотного полка была сделана такая запись: «... в 3 часа 30 минут 18 сентября произошло нападение сильной группы русских на штаб полка в Павлограде. Командир полка и его начальник штаба спаслись бегством через окно. В штабе брошены секретные документы».

К 15 сентября на южном крыле группы армий «Юг» в Донбассе образовалась огромная брешь, и немецко-фашистское командование распорядилось об отводе

прилежавших к ней войск за Днепр и Молочную, на Восточный вал.

Советские части были неудержимы в своем стремлении первыми выйти к Днепру. И наконец Днепр. Солдаты и офицеры прильнули запекшимися и потрескавшимися губами к холодной воде.

— Не задерживаться! Вперед, па ту сторону! Тащи лодки!.. Щиты давай... доски!.. — командовал лейтенант

С. П. Шпаковский, увлекаая за собой к берегу ночную группу разведчиков в районе Аулы, что северо-западнее Днепропетровска.

Вооружившись пулеметом и автоматами, двадцать воинов быстро погрузились в лодки и отплыли под грохот артиллерийских батарей. Над головами пролетали снаряды. Некоторые падали рядом, поднимая фонтаны воды. Фашисты стреляли наугад и освещали ракетами реку. Вдруг усилился ветер, и крайнюю лодку стало относить к вражескому стороже сому посту, который значился на карте лейтенанта. Застрочил пулемет. Кто-то приглушенно сказал:

— Назад! Нас заметили!

— Паша дорога только вперед! — решительно отрезал боец Зайцев и с еще большей силой навалился на весла.

— Огонь! — скомандовал Шпаковский, убедившись, что они обнаружены и что берег совсем рядом.

Гитлеровцы не ожидали столь дерзкой высадки и попятились назад под ливнем огня. Воспользовавшись их замешательством, молодой коммунист Гасрат Алиев, зайдя сбоку, прыгнул на пулеметчика, в рукопашной схватке овладел пулеметом и очередью срезал фашистов, бежавших из глубины. Небольшой участок берега оказался в руках советских воинов.

Последовал сигнал, и за группой смельчаков 496-й отдельной разведывательной роты 236-й стрелковой дивизии Героя Советского Союза полковника И. И. Фесина устремился ее 509-й стрелковый полк подполковника И. М. Орлова. Он сбил боевое охранение противника и закрепился.

Так воины Р. Я. Малиновского начали захват плацдарма на правом берегу Днепра, на который переправились все

части И. И. Фесина, а к 1 октября еще две дивизии 46-й армии генерала В. В. Глаголева. Многочисленные попытки противника сбросить войска армии в воду разбились о стойкость и мужество советских воинов.

Второй важный плацдарм был захвачен в ночь на 26 сентября в районе Войковское, южнее Днепропетровска. Здесь отличились части 25-й гвардейской стрелковой дивизии Г. А. Криволапова 6-й армии и 333-й стрелковой дивизии А. М. Голоско 12-й армии. Штаб фронта разместился в Богдановке — ближе к Днепру.

На этом и закончилась 75-дневная эпопея по освобождению Донбасса, выходу к Днепру и захвату плацдармов. Но предстояла еще длительная борьба за крупную водную магистраль и превращение ее в исходный рубеж для последующих ударов советских войск.

В результате побед, одержанных советскими войсками, Родине было возвращено 67 тыс. кв. км богатейшей земли, за которую особенно долго, упорно и жестоко бились противоборствующие стороны и на которой сотни тысяч фашистов постиг бесславный конец.

За освобождение Донбасса войсками Юго-Западного и Южного фронтов Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин были удостоены новой полководческой награды — ордена Кутузова I степени. А. С. Желтов был награжден орденом Ленина, а Ф. К. Корженевич — орденом Суворова II степени. Командование Юго-Западного фронта торжественно отметило победу и вручило награды большому числу солдат, офицеров и генералов. В трех дивизиях, захвативших плацдармы первыми, появилось 62 Героя Советского Союза.

Наступил октябрь 1943 г. Шла битва за Днепр, жестокая и решительная. Войска Малиновского очищали левобережье нижнего течения, расширяли и закрепляли плацдармы на правом берегу и готовились к дальнейшим действиям.

Большого напряжения сил потребовал запорожский плацдарм противника на левом берегу Днепра. Он образовался на стыке Юго-Западного и Южного фронтов. Вначале предполагали взять его с ходу. Однако войска не

смогли добиться успеха, так как на плацдарме были внешний и внутренний оборонительные обводы, промежуточный рубеж между ними и три рубежа с системой опорных пунктов и узлов сопротивления в самом городе. Обороняли город одна танковая и семь пехотных дивизий. Гитлер приказал любой ценой удержать плацдарм.

Ставка ВГК приказала освободить запорожский плацдарм и уничтожить противника. Командующий Юго-Запад-ным фронтом Р. Я. Малиновский и представитель Ставки

А. М. Василевский 2 октября прибыли в прославленную 8-ю гвардейскую армию, чтобы на месте разобраться в обстановке и ознакомиться с состоянием войск. На командном пункте в Михайлово-Лукашеве их встретил командующий армией В. И. Чуйков. После сталинградской оборонительной эпопеи и наступления па главном направлении в Донбасской операции командарм приобрел известность: его имя стало символом упорства и героизма. Представителю Ставки и комфронтом была знакома военная биография этого человека: боевое крещение на улицах Москвы во время подавления эсеровского мятежа в восемнадцатом году, командование полком в гражданскую войну, за что награжден двумя орденами Красного Знамени, участие в советско-финляндской войне. Потому они не сомневались в его способностях, намереваясь использовать армию В. И. Чуйкова опять на главном направлении.

В. И. Чуйков и вызванный командующий 3-й гвардейской армией Д. Д. Лелюшенко доложили о нехватке боеприпасов и других трудностях, которые они собирались устранить за несколько дней. Было решено приостановить наступление для пополнения частей боеприпасами и усиления войск запорожского направления: 12-ю армию А. И. Данилова — включить в состав ударной группировки, а две стрелковые дивизии 1-й гвардейской армии, которой командовал В. И. Кузнецов,— вывести в резерв фронта. 3 октября Ставка утвердила это решение.

Наступление началось 10 октября после 40-минутной артподготовки. Несмотря на яростное сопротивление

противника, атакующие войска подошли к внутреннему городскому обводу, но взять его с ходу не смогли.

Родион Яковлевич в ночь на 13 октября созвал расширенное заседание Военного совета. На наблюдательный пункт фронта, недалеко от Богдановки, были приглашены командующие родами войск фронта, армиями, командиры механизированного и танкового корпусов. Вопрос стоял один — как лучше и быстрее овладеть Запорожьем. Командующий фронтом терпеливо выслушивал различные варианты штурма, сравнивал точки зрения и искал наиболее оптимальное решение. Наконец он поднялся, сделал паузу и спокойно сказал:

— Ликвидация плацдарма является необходимым условием успешного наступления нашего и Южного фронтов. Пока он не будет очищен от немцев, они будут иметь возможность наносить удары во фланг и тыл нашим войскам. Полагаю штурмовать Запорожье ночью с таким расчетом, чтобы к рассвету овладеть городом и плотиной. Главный удар — в центре 8-й гвардейской армией, усиленной 1-м гвардейским механизированным и 23-м танковым корпусами. С севера — 12-я армия и с юга — 3-я гвардейская армия. 17-й воздушной наносить мощные бомбовые удары по переправочным средствам, не допуская какого бы то ни было маневра войск противника. Детали — в ходе подготовки. Какие будут принципиальные вопросы? ³

Воцарилась тишина. Р. Я. Малиновский ждал возражений против ночного штурма, потому что в те времена трудно было представить ночной штурм тремя армиями и двумя корпусами. Ночной штурм города таким большим количеством войск намечался впервые в Великой Отечественной войне. Поэтому Родион Яковлевич понимал беспокойство командующих 3-й гвардейской и 12-й армиями. Однако от них ему нужна была осознанная необходимость.

— Правильно! Возьмем Запорожье! — расколол тишину басистый голос В. И. Чуйкова.

Родион Яковлевич рассчитывал на сталинградский опыт В. И. Чуйкова, зная, как ему неоднократно приходилось выбивать гитлеровцев из захваченных домов и целых

кварталов, использовать артиллерию, организовывать взаимодействие в боях за город. Он полагался на его железную волю, умение быстро и уверенно ориентироваться в самой сложной обстановке и, наконец, на смелость и решительность. В. И. Чуйкова поддержали прославившиеся своей боевой дерзостью командиры подвижных корпусов. По лицу Р. Я. Малиновского пробежала легкая улыбка, означавшая, как ему дорого такое понимание.

Срочно была проведена кратковременная специальная подготовка к ночным действиям, к бесшумным и стремительным атакам с применением световых сигналов при движении, ракет и трассирующих пуль при определении направлений атак и огня. Особое внимание было уделено механизированному и танковому корпусам И. П. Руссиянова и Е. Г. Пушкина. Были сформированы танковые десанты и штурмовые группы для ночных уличных боев.

Наступление на 30-километровом фронте началось в 22 часа 13 октября. Вскоре внутренний оборонительный обвод противника был прорван, и войска фронта начали штурм непосредственно города. Ошеломленный внезапными действиями крупных сил ночью, враг не смог преодолеть страха, усиленного темнотой и неясностью обстановки, не сумел организовать сопротивление, дрогнул, начал бросать оружие и технику и в панике отступать.

К рассвету 14 октября войска фронта ворвались на окраины Запорожья с севера, востока и юга. Родион Яковлевич находился у В. И. Чуйкова на командном пункте из Камышевахе. Вместе с ним он решал трудные задачи, отсюда узнавал, что делается у Д. Д. Лелюшенко и А. И. Данилова, стремясь избежать недоразумений в сложной обстановке боев.

Завязались уличные бои в центре города. Блокируя и обходя отдельные пункты врага, к 13 часам войска армий овладели городом и вышли к левому берегу Днепра, покончив с запорожским плацдармом.

Так Р. Я. Малиновский совершенствовал искусство ночных атак, штурмов, боев. Он опрокинул широко бытовавшее представление о том, что ночные бои можно

вести подразделениями не более батальона и с ограниченной целью. Мастерство вождения войск ночью получило большое развитие в его полководческой деятельности.

В это время на правом крыле фронта 6-я армия И. Т. Шлемина, 1-я гвардейская В. И. Кузнецова и часть сил 12-й армии А. И. Данилова расширяли и закрепляли плацдармы севернее и южнее Днепропетровска, а также отражали многочисленные контратаки и удары противника, стремившегося сбросить советские войска в Днепр.

Затем 3-я гвардейская армия Д. Д. Лелюшенко вошла о состав Южного фронта, которым командовал Ф. И. Толбухин, а четыре стрелковые дивизии и корпус И. Н. Руссиянова — Степного фронта, командующим которым был И. С. Конев. С выходом войск на Днепр 20 октября Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский.

ГЛАВА VI

ОТ ДНЕПРА ДО ДНЕСТРА

После форсирования Днепра, освобождения Днепропетровска, Кривого Рога, Никополя, осуществления разгрома немецко-фашистских войск в Никопольско-Криворожской операции Ставка приказала командованию 3-го Украинского фронта подготовить в сжатые сроки и провести Березнеговато-Снигиревскую операцию на окружение противника. Хорошими предпосылками для разгрома 26 дивизий 6-й немецкой и 8 дивизий 3-й румынской армий на николаевском направлении с выходом на Южный Буг были захваченные войсками ингулецкие плацдармы. На этот раз ареной сражений предстояло стать междуречьям рек Ингулец, Ингул и Южный Буг, в том числе тому месту восточнее Николаева, где летом 1941 г. Родион Яковлевич, переправившись через Южный Буг у Николаева, вел ожесточенный бой перевернутым фронтом своего 48-го стрелкового корпуса в виду горевшего города. Это было время, о котором комфронтom вспоминал с приглушенной болью — ведь прошло около грех лет.

Малиновского не оставляла мысль о большом окружении гитлеровцев, он много думал об этом и

неоднократно делился своими мнениями с представителем Ставки маршалом Л. М. Василевским. Последний раз речь шла о том, почему не удалось окружить врага восточнее Днепра, как было задумано по плану Донбасской операции.

Сталинградская наступательная операция явилась уникальной по своим результатам и потому, что гитлеровцы, уверовав в свои силы, рвались за Волгу без оглядки, ослабив фланги. После Сталинграда, особенно с утратой стратегической инициативы, они действовали более осмотрительно. Известно, что к лету 1943 г. советские армии стали более техничными и маневренными, а военачальники — опытными. Казалось бы, увеличились возможности ведения операций на окружение. Но фашистские войска тоже совершенствовались в соответствии с новыми способами и средствами вооруженной борьбы, умело маневрируя на внутренних коммуникациях с целью усиления флангов и вывода главных сил из-под угрозы окружения. А опыта и сил у командующих войсками Юго-Западного и Южного фронтов оказалось маловато для окружения противника в Донбассе.

28 февраля Малиновский пригласил к себе члена Военного совета генерал-лейтенанта А. С. Желтова и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Ф. К. Корженевича:

— Вот что, дорогие товарищи! Срочно приступаем к подготовке новой операции на николаевском направлении.— И он напомнил им про бои сорок первого года восточнее Николаева: — Тогда у немцев окружения советских войск в этом районе не получилось. Может быть, мы сумеем окружить врага? — спросил Родион Яковлевич.

— Задача очень сложная, поскольку фронт не имеет серьезного превосходства над противником и не располагает мощными подвижными войсками,— сказал Ф. К. Корженевич.

— Плохое состояние дорог из-за дождей будет сильно сковывать маневр,— добавил А. С. Желтов.

Но Малиновский не хотел отказаться от своей идеи:

— Знаю. Но это явится помехой не только для нас. Совершим прорыв и введем в него конницу совместно с механизированными и мотострелковыми частями. Во главе

группы поставим опытного генерала Исса Александровича Плиева.

В конно-механизированную группу И. А. Плиева были включены 4-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский механизированный корпуса и 5-я мотострелковая бригада. Им надлежало войти в прорыв в полосе главного удара 8-й гвардейской армии, достигнуть глубины прорыва до Нового Буга и, резко повернув на юг вдоль железной дороги, обеспечить окружение противника к востоку от Николаева. Совместно с армией Чуйкова на правом заходящем крыле фронта предстояло нанести главный удар и 46-й армией

В. В. Глаголева. В ее полосе намечалось ввести 23-й танковый корпус Е. Г. Пушкина. На крайнем правом крыле фронта было приказано наступать 57-й армии Н. А. Гагена и 37-й армии М. Н. Шарохина с задачей обеспечить главный удар с севера и с выходом к Новой Одессе на Южном Буге создать внешний фронт окружения. Соответственно были продуманы задачи другим армиям, в том числе армиям левого крыла фронта. Таков в общих чертах был замысел Малиновского, который детально был разработан штабом фронта.

Подготовка операции проводилась прежде всего с учетом организации решительных действий конно-механизированной группы и танкового корпуса после ввода их в прорыв. Особенно тщательно отрабатывались вопросы взаимодействия их с пехотой, танками и авиацией, управлениям обеспечения флангов в глубоком тылу противника.

На рассвете 6 марта 1944 г. войска фронта начали наступление. Справа успешно продвигался в направлении Умани 2-й Украинский фронт, осуществляя Уманско-Ботошанскую операцию. Слева 4-й Украинский фронт готовился к Крымской операции. Родион Яковлевич находился на НП у

В. И. Чуйкова, наблюдал ожесточенное сопротивление гитлеровцев и медленное продвижение своих соединений, несмотря на умелое сосредоточение артиллерийского огня на участках прорыва. Во второй половине дня оно стало еще

более медленным. Войска прогрызли всего лишь 2—4 км обороны. Пошел сильный дождь.

— Что будем делать? — спросил Р. Я. Малиновский находившихся рядом Ф. К. Корженевича и В. И. Чуйкова.

— Пятнадцати минут артиллерийской подготовки оказалось недостаточно,— заявил Чуйков.

— К сожалению, это так,— согласился Малиновский.

Однако командующий фронтом нацелился на группу И. А. Плиева, хотя и понимал, что не следовало бы расходовать подвижную группу фронта для прорыва тактической обороны противника. Для этой цели обычно используют дивизионные, корпусные и, наконец, армейские резервы и вторые эшелоны, но они были уже израсходованы. Малиновский протянул руку к телефонной трубке:

— Товарищ Плиев! Надо выступать! К Вам прибудет товарищ Корженевич.— И, обратившись к начальнику штаба, сказал: — Срочно выезжайте и проследите за своевременным выходом Плиева к участку прорыва. Пусть при атаке танки имеет впереди, а конницу за ними.

Под проливным дождем войска И. А. Плиева незаметно подошли к линии фронта и вступили в бой. К исходу дня они вышли на оперативный простор, не встречая организованного сопротивления. «Подвижная группа,— докладывал А. М. Василевский И. В. Сталину,— разгромила 16-ю моторизованную и частично 3-ю горнопехотную дивизии противника и выполнила задачу дня благодаря исключительной энергии Плиева...»

Утром следующего дня войска Плиева были обнаружены вражескими бомбардировщиками, которые нанесли большие потери конскому составу. Малиновский приказал своей авиации уничтожать бомбардировщиков, а группе Плиева перейти к более решительным действиям и продолжать наступление ночью, имея задачей к утру 8 марта овладеть городом и станцией Новый Буг. К указанному времени город был взят. Одновременно пливцы перерезали железную дорогу Долинская — Николаев, захватив много пленных, 17 танков, 60 т горючего, 23 орудия, 150 исправных машин, элеватор с хлебом. Фронт 6-й немецкой армии оказался

разорванным, а на ее правом фланге были созданы условия для глубокого охвата. К образовавшейся брешке спешили немецкие резервы, которые имели задачу вернуть город. Плиев перешел к обороне. Получив такие данные, Родион Яковлевич вызвал на связь всех командующих армиями и командира конно-механизированной группы:

— Товарищ Глаголев! Введите Пушкина на Казанку и отвлеките силы от Плиева. Товарищ Плиев! До подхода Чуйкова обороняйтесь 5-й бригадой, остальные силы поверните па юг по плану. Вам, товарищ Чуйков, ускорить выход к Новому Бугу. Всем армиям усилить темп наступления, перейдя к активным действиям и в ночное время.

В то время, когда советские подвижные части громили тылы противника, перерезав дороги в районе Боштанка, Снигиревка, южная группировка противника в составе 14 дивизий продолжала оставаться на прежних рубежах, отражая атаки 6-й, 5-й ударной и 28-й армий, несмотря на угрозу полного окружения со стороны четырех армий правого крыла фронта Малиновского.

Наконец и здесь противник дрогнул. И марта начался его отход па запад. Малиновский переехал на КИТ в Кривой Рог, куда в начале третьей декады переместился весь штаб фронта, и приказал 6-й армии И. Т. Шлемина и 5-й ударной армии В. Д. Цветаева пойти на соединение с И. А. Плиевым в районе Снигиревки для завершения окружения. Плиевцы стояли на основных путях и дрались самоотверженно. Боевыми рейдами по вражеским тылам, смелыми налетами на их гарнизоны они сеяли смерть п панику среди фашистов, загоняя их в «канкан».

Гитлеровцы пытались пробиться через боевые порядки конно-механизированной группы на запад к р. Ингул. Первую попытку они осуществили пехотой в районе Боштанки. Танкисты Плиева ничего не могли сделать. Кончились боеприпасы, ожидался их подвоз. Вдруг один танк сорвался с места. Раздался возглас: «Делай, как я!»

Внезапно выскочивший из укрытия танк помчался вперед. За ним — другие: целый взвод с автоматчиками на

броню. Старший сержант Ф. Лученок первым достиг головы вражеской колонны и на большой скорости врезался в пехоту. Уцелевшие фашисты разбежались. Многих настигли нули автоматчиков лейтенанта Г. Антошина, подоспевших к месту боя. Вражеская колонна была рассеяна и перестала существовать как боевая единица, а группа Плиева пошла дальше на юг, чтобы соединиться со своим передовым отрядом в Снигиревке и перерезать основной путь отхода противника на Николаев. За ней наступал 23-й танковый корпус, прославившийся исключительно смелыми и решительными действиями. Его командир генерал-лейтенант танковых войск Е. Г. Пушкин только что погиб во время вражеской бомбежки. Весть о его гибели немедленно разнеслась по всему фронту. Скорбя, танкисты с еще большей яростью обрушились на врага, а тело Пушкина было с почестями похоронено в Днепропетровске.

С утра 12 марта противник перешел в наступление в северо-западном направлении, на Новый Буг, для соединения со своей северной группировкой. Силы здесь оказались немалые: остатки четырех пехотных и двух танковых дивизий с 35—40 танками и штурмовыми орудиями. Советские части даже несколько отошли, но прорваться гитлеровцам не дали. Войска В. И. Чуйкова обескровили противника упорным сопротивлением совместно с 23-м танковым корпусом, который Малиновским был повернут в полосу 8-й гвардейской армии из района Боштанки. Во второй половине дня армия перешла в наступление и отбросила врага.

13 марта немецко-фашистские войска предприняли последнюю попытку вырваться из кольца примерно в тех же районах. В результате противник оставил на поле боя до 5 тыс. убитыми, ранеными и пленными. Нехватка боеприпасов в передовых частях фронта, а в некоторых подразделениях отсутствие их приводили к частым рукопашным схваткам, которых фашисты не выдерживали. Противник уничтожался в нескольких местах окружения, а в это время войска правого крыла фронта выходили на р. Южный Буг. Одновременно 5-я ударная армия В. Д. Цветаева и 28-я армия А. А. Гречкина наступали на Николаев с востока и юго-востока.

Итак, позади были еще 150 км родной земли и сотни освобожденных населенных пунктов. Перед 3-м Украинским фронтом отступала обескровленная 6-я немецкая армия. Генерал-полковнику Холлидту больше не пришлось ею командовать. Гитлер не простил поражения, в результате которого немецко-фашистские войска потеряли 30 тыс. убитыми и 11,6 тыс. пленными. В окружении оказались восемь пехотных и одна танковая дивизии. Советскими войсками было захвачено 500 орудий, 72 танка, свыше 4 тыс. автомашин, 49 бронемашин, 600 пулеметов, 2,8 тыс. повозок. Однако многим фашистам удалось прорваться к своим. Несмотря на это, Березнеговато-Снигиревская операция закончилась с неплохими результатами. Ее итогами, как и тем, что войска И. С. Конева приблизились к рубежу Бельцы, Балта, Первомайск, где нависли над междуречьем рек Южный Буг и Днестр с севера, остался доволен Верховный Главнокомандующий.

Боевая деятельность Р. Я. Малиновского восточнее Николаева была отмечена высокой правительственной наградой. По представлению А. М. Василевского он получил 19 марта второй орден Суворова I степени, А. С. Шелтов — орден Кутузова I степени. Командующий 4-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин был удостоен ордена Ленина за успешное выполнение задач войсками фронта в Крымской наступательной операции. Награждены были все члены военных советов фронтов, многие командармы, генералы, офицеры и солдаты.

Планирование Одесской операции штабом 3-го Украинского фронта осуществлялось в ходе наступления войск левого крыла на Николаев. Родион Яковлевич согласился с Военным советом фронта, что нанесение главного удара на юге после освобождения Николаева не имеет смысла, хотя и выводит соединения кратчайшим путем к Одессе. Враг вытеснялся бы на запад вдоль морского побережья. Нужно же было его окружить и прижать к морю. Тем более что войска 2-го Украинского фронта, разбив гитлеровцев под Уманью и с ходу форсировав Южный Буг, вышли правым крылом к Днестру южнее Могилев-

Подольского, а центром нанесли удар в южном направлении на Балту, Дубоссары с целью глубокого охвата первомайско-вознесенской группировки противника и содействия 3-му Украинскому фронту в преодолении Южного Буга.

Исходя из этого, Малиновский поначалу решил продолжить главный удар в центре фронта теми же 46-й и 8-й гвардейской армиями с конно-механизированной группой и 23-м танковым корпусом. Общее направление — на Раздельную в обход Одессы с северо-запада. На правом крыле должны были оставаться 57-я и 37-я армии и наступать на Тирасполь, а левофланговые 6-я, 5-я ударная и 28-я армии — вдоль Черноморского побережья на Одессу.

Подготовка операции проходила в исключительно трудных условиях: во-первых, шло наступление, что усложняло отработку вопросов взаимодействия войск по месту и времени; во-вторых, труднопроходимость дорог из-за дождей и грязи ограничила передвижение войск и обеспечение их боеприпасами и материалами. Военные советы фронта и армий принимали энергичные меры для преодоления трудностей. Были мобилизованы тракторы, вездеходы, произведено доукомплектование войск людьми, боевой техникой, материалами. В результате 3-й Украинский фронт добился перевеса над противником в силах и средствах. Противник не сумел восполнить потери и перебросил часть своих войск на кишиневское направление против 2-го Украинского фронта.

Обстановка к 20 марта, началу операции 3-го Украинского фронта, улучшилась. Убедившись в успешном форсировании Южного Буга 5-й гвардейской армией 2-го Украинского фронта севернее Первомайска, Ставка приказала И. С. Коневу переправить там же 7-ю гвардейскую армию, а затем, повернув ее на юг, «свернуть» вражескую оборону вдоль правого берега реки для облегчения форсирования ее армиями правого крыла 3-го Украинского фронта. Одновременно Ставка сообщила о своем решении А. М. Василевскому, продолжавшему координировать действия 3-го и 4-го Украинских фронтов.

57-я и 37-я армии 3-го Украинского фронта, воспользовавшись успехом соседа, переправились через

Южный Буг, прорвали оборону противника на 45-километровом фронте и на третий день продвинулись на 25 км. Как только наметился их успех, Родион Яковлевич приступил к переброске конно-механизированной группы и танкового корпуса на правое крыло фронта с задачей: наступая в общем направлении на Раздельную, прижать гитлеровцев к морю, загнать их в межлиманье прибрежной полосы и там уничтожить.

Ведущая роль снова отводилась И. А. Плиеву. Ему надлежало войти в прорыв севернее Вознесенска, нанести стремительный удар на Березовку, расположенную на р. Тилигул, захватить там переправу, удержать ее до подхода пехоты, затем основными силами вырваться вперед и захватить важный узел коммуникаций на подступах к Одессе и Днестру — Раздельную. В дальнейшем следовало повернуть на юг и выйти в район западнее Одессы. 23-му танковому корпусу было приказано обеспечить войска фронта справа и выйти в конечном итоге на переправы через р. Днестр в районе Тирасполя и севернее.

...28 марта ночным штурмом был взят Николаев. Наступление фронта успешно продолжалось. Ему не могли помешать ни вражеские контратаки, ни возобновившиеся ливневые дожди, ни распутица.

На главном направлении впереди общевойсковых армий отлично действовала подвижная группа И. А. Плиева, а несколько севернее — 23-й танковый корпус А. О. Ахманова. Уже 31 марта войска Плиева захватили Березовку и устремились на Раздельную, став главной опасностью для гитлеровцев. Фашистское командование бросило против его мастей авиацию, которую самолеты 17-й воздушной армии под командованием В. А. Судца рассеивали смелыми атаками. Однако некоторым самолетам противника удавалось прорываться и наносить потери советской подвижной группе. Тогда Плиев изменил тактику: скрывал лошадей в сараях и даже в хатах деревень, в садах маскировал танки и автомашины, а ночью бесстрашно устремлялся вперед, громя на своем пути тылы и части, сея страх и панику в стане врага.

Прошли еще три дня наступления, и группа Плиева, введенная на правом крыле фронта в полосе 37-й армии, овладела Раздельной — крупным населенным пунктом и железнодорожным узлом северо-западнее Одессы. В результате обстановка резко изменилась. Была перерезана последняя железная дорога, соединявшая вражеские войска в Одессе с их тылами. Остались лишь две грейдерные дороги, и то на короткое время. Вражеская группировка оказалась разрезанной надвое: на одесскую и тираспольскую. Попав в западню, гитлеровцы собрали в кулак значительные силы и ударили вдоль железной дороги Одесса — Тирасполь, чтобы вырваться из окружения. Около 3 тыс. фашистов с несколькими десятками танков напирали на пливцев у Раздельной, однако они были отброшены с большими потерями. Тогда последовала более мощная контратака, но и она захлебнулась, наткнувшись на мощный заслон. По приказу Родиона Яковлевича войска Плиева ударили по левому флангу группировки противника, а пехотные части — по правому, и гитлеровские войска попали в малый мешок. В течение последующих трех дней они оставили на поле боя более 7 тыс. убитыми и около 3 тыс. пленными. После этого группа Плиева перешла в дальнейшее наступление из района Раздельной. Был прорван одесский оборонительный обвод противника: северная часть группировки отступала на Тирасполь, а южная — на Одессу. Стали успешнее продвигаться и части левого крыла фронта. Об обстановке было доложено Сталину.

— Утверждаю решение товарища Малиновского на захват Тирасполя и Бендер войсками Гагена и Шарохна совместно с группой Ахманова. Согласен, чтобы с утра 5 апреля войска Плиева повернуть в сторону Одессы для атаки ее совместно с армиями Глаголева, Чуйкова, Шлемина. Желаю успехов, — закончил разговор по ВЧ И. В. Сталин с А. М. Василевским.

— Вновь обязан доложить об отличной работе Плиева. Войска его группы, действуя изолированно в тылу врага, за 7 апреля полностью выполнили поставленные перед ними задачи, выйдя в район Маяков западнее Одессы. Быстрое

движение войск Плиева по основным коммуникациям противника, обороняющего Одесский район, и выход па сегодня в указанный район полностью деморализовали врага. Последние пленные говорят о наступившей у них панике, о наличии приказов на отход за Днестр и об отсутствии указаний командования о том, куда и как отходить, — докладывал А. М. Василевский И. В. Сталину.

Однако войска 6-й армии И. Т. Шлемина и 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова застряли на переправах через реки Большой и Малый Куяльник. В связи с этим Родион Яковлевич направил И. А. Плиева западнее Одессы для атаки его войсками города совместно с частями 5-й ударной армии В. Д. Цветаева, которая вырвалась вперед на левом крыле фронта и повела наступление в направлении Одессы с северо-востока. В то время как дивизии 37-й армии М. Н. Шарохина и группы И. А. Плиева отражали контрудары у Раздельной, 5-я ударная армия преодолела Тилигульский лиман, овладела несколькими населенными пунктами и неудержимо устремилась к Одессе. По мере приближения советских войск к городу из катакомб и укрытий выходили партизаны и подпольщики и включались в открытую борьбу с ненавистным врагом, помогая частям Советской Армии. 10 апреля жители города радовались своему освобождению, чувствуя воинов 3-го Украинского фронта во главе с командующим — уроженцем Одессы — Р. Я. Малиновским. На общегородском митинге в торжественной обстановке было зачитано приветствие Военного совета фронта войскам 5-й ударной армии в связи с освобождением Одессы.

Р. Я. Малиновскому потребовалась еще неделя, чтобы завершить операцию и уничтожить гитлеровцев в трех очагах окружения: Плоское, восточнее Раздельной, Фестерово с выходом к Днестру и захватом ряда плацдармов. Базируясь на Одессу, фронт получил возможность контролировать морскую коммуникацию противника из Крыма в Констанцу — румынский порт. Враг был лишен военно-морских баз на Черном море.

Группа армий «Юг», которой до сих пор управлял «самый лучший оперативный ум», но не раз уже битый генерал-фельдмаршал Манштейн, на этот раз потеряла 25,6

тыс. убитыми и 10,6 тыс. пленными. Было уничтожено и захвачено 367 танков, 946 орудий, 1,5 тыс. пулеметов, 1 тыс. автомашин, 370 минометов, 6,8 тыс. повозок, 3,3 тыс. лошадей и много другого имущества.

Под ударами Советских Вооруженных Сил гитлеровская военная машина зашаталась на глазах у всего мира. Но чтобы окончательно ее разрушить, нужны были еще более мощные удары.

Советская Армия была готова к этому. Совершенствовалось полководческое искусство военачальников, в том числе и Р. Я. Малиновского. Для него две последние операции явились генеральной репетицией на окружение врага, подобное сталинградскому. Такого пока в чистом виде не удавалось. В Березнеговато-Снигиревской операции войска 3-го Украинского фронта под командованием Р. Я. Малиновского окружили противника в двух небольших районах, а в Одесской — в трех, несколько больших.

А в это время Малиновский и Василевский разрабатывали новую операцию — на этот раз по выходу на реки Крут и Дунай.

— Прошу рассмотреть и утвердить представленный Малиновским план операции. Я вернусь к нему незамедлительно по окончании Крымской операции — докладывал И. В. Сталину А. М. Василевский 13 апреля из штаба 3-го Украинского фронта в Сталино (Катаржино).

ГЛАВА VII

ЯССКО-КИШИНЕВСКИЕ КАННЫ

Они не виделись около трех лет, хотя изредка перезванивались и обменивались поздравительными телеграммами. А последние одиннадцать месяцев, после того как М. В. Захаров стал начальником штаба Степного фронта, Родион Яковлевич постоянно чувствовал его локоть. С тех пор их фронты шли рядом и тесно взаимодействовали на Украине. Суровые будни войны закалили их характеры, отточили мастерство вождения крупных войсковых объединений: одного — в роли командующего, другого — в роли оператора большого масштаба.

Встречал Матвей Васильевич нового командующего, хотя и близкого боевого друга, взволнованно.

Штаб 2-го Украинского фронта разместился в Балане, ныне Малиновский, в 10 км южнее Рышкан — районного центра Молдавской ССР. Село раскинулось на возвышенности перед огромной ложиной, по ту сторону которой виднелись очертания гор. В селе стояла церквушка с оборудованным наблюдательным пунктом на колокольне. Отсюда докладывали обо всех передвижениях в районе штаба. 22 мая 1944 г. было доложено и о прибытии нового командующего фронтом.

Родион Яковлевич прилетел из Сталино. Курс его самолета пролегал вдоль линии обоих фронтов. Оставленные им войска 3-го Украинского фронта стояли на Днестре, захватив крупный плацдарм южнее Тирасполя. Передний край войск 2-го Украинского фронта вытянулся на сотни километров с востока на запад, перерезав реки Днестр и Реут на левом крыле у Дубоссар, Прут — севернее Ясс, Бахлуй — севернее Тыргу-Фрумуса, Сирет — у Пашкан, Молдова — восточнее Тыргу-Няму и далее по этой реке с поворотом на северо-запад через Гура-Гумору к Виков-Верхнему, что западнее г. Сирет на правом крыле. Таким образом, фронт первым вышел на государственную границу, врезался в северо-восточную часть Румынии, навис над Кишиневом, Яссами и Романом в междуречьях Днестра, Прута и Сирета. Треугольник Яссы, Кишинев, Хуши оказался в огромной полудуге, образованной двумя фронтами. Попытки 2-го Украинского фронта овладеть Яссами и проникнуть в нефтяные районы Румынии не увенчались успехом...

Через два дня командующий 2-м Украинским фронтом И. С. Конев передал войска Р. Я. Малиновскому. В этот период менялись и другие командующие фронтами. Это было вызвано благоприятной обстановкой, в которой 4-й Украинский фронт выполнил свою роль по разгрому врага и, закончив боевые действия в Крыму, перестал существовать, а его войска были зачислены в резерв Ставки и влились во фронты западного стратегического направления. Ставка решила срочно освободить Г. К. Жукова от забот по

руководству 1-м Украинским фронтом, которым он стал командовать после гибели Н. Ф. Ватутина, и использовать его на главном стратегическом направлении советско-германского фронта. В результате Ф. И. Толбухин, бывший командующий войсками 4-го Украинского фронта, сменил Р. Я. Малиновского, Родион Яковлевич — И. С. Конева, а И. С. Конев — Г. К. Жукова на 1-м Украинском фронте.

2-й и 3-й Украинские фронты находились в обороне на выгодных рубежах и приступили к подготовке нового, на этот раз совместного удара. Вступив в должность, Родион Яковлевич решил сразу же вместе с начальником штаба фронта М. В. Захаровым выехать на передний край, на самый горячий участок фронта, где оборонялась 52-я армия генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, для ознакомления с состоянием войск и их обороной.

— Узнаешь места? — спросил Захаров по пути в Бельцы, откуда намечалась поездка в район Ясс.

— Такое не забывается: когда-то ездил и ходил здесь, — ответил Малиновский.

— Где теперь Александр Михайлович который все время опекал 3-й и 4-й Украинские фронты? — спросил Захаров.

— Убыл координировать действия Прибалтийских фронтов.

— Значит, судя по всему, мы будем в обороне?

— Пока да... — сказал Малиновский.

Как только они въехали в полосу обороны 52-й армии, М. В. Захаров доложил обстановку:

— Сейчас идут бои на рубеже Тыргу-Фрумос, Яссы. Здесь немцы пытаются всеми силами сбить части с господствующих высот и отбросить в долину Прута.

— Им, как и нам, хочется иметь господствующие позиции. Владея ими, всегда чувствуешь себя увереннее, — заметил Родион Яковлевич.

— Товарищ командующий фронтом! — обратился К. А. Коротеев. — По армии систематически наносятся чувствительные удары. Войска сильно растянуты по фронту. Держаться трудно. Прошу подбросить одну-две дивизии.

— В сорок первом нам с Вами было не легче. Кажется, мы воевали рядом.

— Помню, товарищ командующий фронтом.

— От 52-й все время поступают тревожные сведения. Дело может дойти до того, что мы будем поставлены в очень невыгодные оперативные и особенно тактические условия, — вмешался Захаров,

— Этого не должно случиться. Наберитесь терпения, товарищ Коротеев, а мы подумаем, как помочь, — закончил Малиновский.

Обратно ехали молча. Малиновский думал о разговоре с командармом.

Обстановка складывалась так, что нужно было дать такой отпор противнику, чтобы он не пытался сбросить войска Коротеева с господствующих высот. Фронт располагал крупными резервами, и для контрударов можно было выдвинуть две дивизии или корпус. Но командующему фронтом не хотелось принимать такого решения, тем более что он не был сторонником использования этих высот в качестве плацдарма для нанесения главного удара. В то же время он считал необходимым сохранить их за собой для того, чтобы ввести противника в заблуждение, будто с этих высот советские войска будут наносить главный удар. Следовательно, необходимо было убедить гитлеровцев в том, что отсюда начнут развиваться основные события, а самим тем временем готовить сражение на другом направлении, где нет плацдармов.

«Значит, нужно помочь 52-й резервом», — думал Р. Я. Малиновский. Он знал, что такого же мнения придерживались М. В. Захаров и другие члены Военного совета фронта. Родион Яковлевич решил посоветоваться с Верховным Главнокомандующим. Доложил обстановку. Тот внимательно выслушал и спросил:

— Что вы, товарищ Малиновский, намереваетесь предпринять?

— Немцы надоели контратаками.

— Это я уже слышал.

— Неуверенное положение 52-й армии внушает опасение за потерю высот, поэтому я намереваюсь ввести в бой две дивизии из фронтового резерва и отбить охоту у противника на высоты.

Сталин сделал затяжную паузу и сказал:

— А я Вам не рекомендую этим заниматься.

— Почему? Ведь у нас много резервов.

— Вот именно потому, что у Вас много резервов, я и не рекомендую. Знаете, сегодня Вы введете в бой одну или две дивизии, завтра противник тоже добавит дивизии на этом направлении. Потом Вы еще подбросите, коль так много резервов, и завяжутся тяжелые и упорные бои, а это не в наших интересах. Так что я Вам не советую и не разрешаю вводить резервы фронта

— Все понял, товарищ Сталин.

— Учтите, что мы сейчас будем забирать у Вас войска па новое направление, где готовим наступление. С идеей плана от 25 мая — обойти Яссы с запада, а главный удар нанести еще западнее, то есть на Тыргу-Фрумос, — в принципе согласен. Все. Желая успеха, товарищ Малиновский! ⁴

Из разговора с Верховным Главнокомандующим Родион Яковлевич четче уяснил положение фронта в цепи готовившихся Ставкой событий.

И действительно, директива пришла незамедлительно. Фронт скрытно погрузил в эшелоны и отправил в резерв Ставки 5-ю гвардейскую общевойсковую, 5-ю гвардейскую и 2-ю танковые армии и еще до десятка дивизий. Несмотря на принятые меры, полностью скрыть отток войск не удалось.

У противника сложилось представление, будто у Р. Я. Малиновского, да и у Ф. И. Толбухина, после того как ушла 8-я гвардейская армия, а также многие танковые и артиллерийские части, войска стали ослабленными. И гитлеровцы смело начали перебрасывать свои части тоже на север, особенно с началом Белорусской операции, для спасения групп армий «Северная Украина» и «Центр», которые оказались в тяжелом положении. С этих пор гитлеровцы успокоились под Яссами, перестали атаковать войска Р. Я. Малиновского, расценивая южный участок как

слабый, пассивный. Фашистские генералы в августе 1944 г. писали: «Положение противника на участке группы армий «Южная Украина» с начала летних операций характеризуется оттягиванием своих крупных сил для операции против групп армий «Северная Украина» и «Центр»... Поэтому наступательная операция крупного масштаба с широкими оперативными целями против группы армий «Южная Украина» продолжает быть маловероятной...»⁵

Так оценивало обстановку там, на Пруте, за Днестром, фашистское командование во главе с новым командующим группой армий генерал-полковником Г. Фриснером, прибывшим с прибалтийского направления, чтобы стабилизировать положение, не допустить прорыва советских войск вдоль Дуная, сохранить за собой Балканы.

А здесь на картах в штабах фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина уже были выведены стрелы на фланги 6-й немецкой армии. План вместе с картой 2 августа был доставлен в Генштаб первому заместителю начальника оперативного управления генерал-лейтенанту А. А. Грызлову начальником оперативного управления 2-го Украинского фронта генерал-майором Н. О. Павловским после утверждения его в Ставке в присутствии командующих фронтами. Согласно плану мощные ударные группировки были нацелены из района северо-западнее Ясс и с плацдарма южнее Тирасполя по сходящимся к Хуши направлениям. Цель — окружить противника и уничтожить, освободить Советскую Молдавию, вывести из фашистского блока Румынию, открыть путь к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую равнину. Ведущая роль принадлежала 2-му Украинскому фронту.

Для осуществления операции во фронте остались еще довольно сильные резервы. Кроме того, каждая армия имела свои резервы. В первом эшелоне фронта справа налево располагались 40-я, 7-я гвардейская, 27, 52, 4-я гвардейская армии. 53-я армия выводилась во второй эшелон. За ними — 6-я Танковая армия, три стрелковых, 5-й гвардейский кавалерийский, 18-й и 23-й танковые корпуса. Поддерживала 5-я воздушная армия.

Во время подготовки операции уточнялась обстановка, фронт пополнился людскими ресурсами из освобожденных районов, получил материальную часть, доукомплектовал войска танками, самоходками, пушками и другими средствами, создал запасы снарядов и горючего, пополнил 5-ю воздушную армию, наметил ряд мероприятий для перегруппировки войск, готовил колонные пути, подвижные переправы, подводные мосты на реках.

Родион Яковлевич считал подводные мосты хорошим средством переправы, особенно в мутных реках. Однажды он выступил перед руководством инженерными войсками армий и фронта на занятиях, которые проводил генерал-майор инженерных войск А. Д. Цирлин, и сказал: «...противник такие мосты не видит. Они находятся под водой на глубине 50—60 сантиметров с поплавочными обозначениями на поверхности воды для ориентировки войск при форсировании реки. Такие переправы противнику трудно обнаружить, особенно когда на реке сооружены надводные мосты. Значит, обязательно надо иметь и надводные мосты, которые бы привлекли к себе внимание авиаразведки противника. Но главный упор надо делать на подводные мосты» ⁶.

Много внимания Малиновский уделил использованию танков. Командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта был генерал-полковник А. В. Куркин. Решался вопрос непосредственной поддержки пехоты во время атаки. Количество имевшихся в армиях танков и самоходок не позволяло надежно сопровождать атаку бойцов первой линии. Выделить для этой цели больше — значило ослабить танковую армию и танковые корпуса как средства командующего фронтом для развития успеха из тактического в оперативный. И все же Малиновский решился на такой шаг. Им было выделено по 40—50 единиц на дивизию главного удара.

Вместе с тем Малиновский потребовал от командармов, командиров корпусов и дивизий массированного применения танков и самоходок с использованием всех выделенных дивизиям танков для атаки важных опорных пунктов, которые невозможно обойти. Малиновский запретил распределять танки по полкам и батальонам.

По распоряжению Родиона Яковлевича на практические занятия были собраны артиллерийские военачальники и штабные командиры фронта и армий, корпусов и дивизий войск главного удара. Возглавлял группу командующий артиллерией фронта генерал-полковник артиллерии Н. С. Фомин, большой знаток артиллерии. В этом убедился Родион Яковлевич после того, как, прибыв во фронт, изучил его письменный доклад об использовании артиллерии при прорыве обороны противника.

Все собравшиеся понимали, что, как и прежде, в предстоящей операции самым трудным будет прорыв, пробивание артиллерией бреши в обороне противника. Составленный на основе конкретной обстановки артиллерийский график и многие другие вопросы докладывались Н. С. Фоминым.

Отработка вопросов производилась на рельефной карте — полигоне. Резюмируя итоги занятий, Родион Яковлевич всецело опирался на решение Ставки. Он рассказал о пребывании с Н. С. Фоминым в Ставке, где намечался план прорыва на 22-километровом фронте с расчетом 220 орудий на один километр. Во время доклада И. В. Сталин заметил:

— Маловато получается — 220 орудий, надо больше.

— Больше нет, товарищ Сталин, — сказал Родион Яковлевич.

— И мы ничего не можем прибавить к тому, что дали. Давайте будем атаковать, скажем, на 16-километровом фронте. Сколько тогда получится?

— 250—260 орудий, — ответил Р. Я. Малиновский.

— Вот это хорошо.

По пути во фронт Родион Яковлевич, учитывая ширину, установленного участка прорыва, предложил Н. С. Фомину привлечь на решающее направление 6—6,5 тыс. из 10 тыс. орудий и минометов, в том числе всю реактивную артиллерию.

Н. С. Фомин быстро прикинул по своим расчетам и сообщил, что 27-й армии, в полосе которой будет вводиться в прорыв танковая армия, можно выделить 2,4 тыс. орудий, что составит 296 единиц, а 52-й армии — 2 тыс., что даст 252

орудия на один километр фронта соответственно. Потом высказал детальные соображения по армиям и корпусам, с которыми Родион Яковлевич в принципе согласился. Так была определена плотность артиллерии на главном направлении фронта. На самом ответственном участке — в стыке правого фланга 52-й и левого 27-й армий — она доходила до 280 орудий.

...Теперь шел разговор об окончательной расстановке артиллерийских сил и их задачах. Сообщив исходные данные и осудив практику распределения артиллерии по целям, Родион Яковлевич сказал:

— Можете представить, что произойдет, если огонь всех 280 орудий направить на первую траншею в течение двух минут? Это будет большой удар по противнику. А потом возьмите все эти 280 орудий и направьте их огонь на артиллерийские позиции. Их наберется три-четыре. От них за три минуты ничего не останется. Если вы хотите взяться за командно-наблюдательные пункты, также бейте всеми 280 пушками. Еще лучше, если все 280 орудий с километра фронта ударят не по всему километру фронта, а по опорному пункту, который, допустим, занимает площадь 300 на 300 метров. Да если с переносом огня на другие цели на этот пункт ринется сразу 40—50 танков, будет обеспечен полный успех '.

Изучался вопрос о вводе в прорыв механизированных и танковых соединений. Учитывая опыт действий конно-механизированной группы И. А. Плиева, Родион Яковлевич считал основным преимуществом подвижных войск их возможность действовать на большую глубину. «Это означает, — говорил он танкистам, — что мы их будем отпускать от себя на предельную дальность, не оглядываясь, что остается справа и слева. В сражении они должны быть одержимы одной идеей — достигнуть конечных целей, которые ставятся перед подвижными группами и танковыми армиями» ⁷.

И. А. Плиеву дважды удалось проделать это на 3-м Украинском фронте: в Березнеговато-Снигиревской операции — восточнее Николаева и в Одесской операции — западнее Одессы. Именно благодаря его смелым рейдам войска Р. Я.

Малиновского имели там успех, а И. А. Плиев по представлению Родиона Яковлевича и А. М. Василевского стал Героем Советского Союза.

— Буду надеяться, что вы тоже не подведете, — сказал Р. Я. Малиновский, обращаясь к танкистам.

— Можете быть уверены, товарищ командующий фронтом!— ответил за всех командующий 6-й танковой армией генерал-лейтенант танковых войск А. Г. Кравченко. Его поддержали член Военного совета армии генерал Г. Л. Туманян и начальник штаба генерал Д. И. Заев.

Малиновский уже знал от Захарова, что Кравченко — храбрый и уважаемый всеми танкист, целеустремленный и твердый человек, что данное им слово не расходится с делом.

Однажды Родион Яковлевич, прибыв на командный пункт Кравченко, увидел его в подавленном состоянии. Получив сообщение о гибели на фронте сына-офицера, Андрей Григорьевич тяжело переживал утрату. Узнав об этом, Малиновский выразил соболезнование и незаметно перешел на деловой разговор.

— Армии предстоит развить операцию. Но как поступить, если обстановка для этого сложится раньше запланированного времени? — спросил Малиновский.

— Все может быть, товарищ командующий фронтом, особенно если вражеская оборона не выдержит первого удара.

— Поэтому подготовьте армию так, чтобы она могла в любую минуту двинуться по сигналу, для чего примите предбоевой порядок, закопайте танки в землю и замаскируйте их, — приказал Малиновский.

— Будет выполнено, товарищ генерал армии, — заверил Кравченко.

На всех занятиях присутствовали общевойсковые начальники. На рельефных картах были обозначены разграничительные линии дивизий. Объекты демонстрировались с помощью подсвечивания. С точки зрения атаки и огневого воздействия были рассмотрены

каждая балка, траншея, позиция, каждый оборонительный узел противника.

Подготовка войск к операции проходила во всех звеньях. Производилась перспективная съемка маршрутов и дорог для движения танков. Танкисты изучали местность у переднего края, маршруты ввода в бой механизированных и танковых частей. Саперы и инженеры строили переправы через болотистую пойму р. Бахлуй, которая была не очень глубокой, но илистой, с топкими берегами, изготавливали элементы для настилов гати и для мостов на реке.

В назначенные сроки все было готово к удару. Штаб фронта переместился на юг, в Рэденив, который располагался между Прутом и его правым притоком — р. Жижия, в 30 км северо-западнее Ясс. На наблюдательном пункте с Родионом Яковлевичем находились представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко, оперативная группа во главе с начальником оперативного управления фронта генерал-майором Н. О. Павловским, артиллерийские, танковые и авиационные начальники. Впереди в 400 м были оборудованы наблюдательные пункты командармов. Еще ближе к войскам выдвинулись наблюдательные пункты командиров корпусов и дивизий. В целом управление войсками расположилось очень близко к передовой линии.

По ту сторону обоих фронтов находились вражеские дивизии группы армий «Южная Украина» под командованием генерала Фриснера с 7600 орудиями и минометами, 404 танками и штурмовыми орудиями, 810 самолетами. 20 дивизий располагались в первом эшелоне. Выла усилена охрана, повышена бдительность. Командующий группой 18 августа привел войска в полную боевую готовность, хотя считал, что атаки на фронте Ф. И. Толбухина возможны лишь местного значения, а на фронте Р. Я. Малиновского, по его мнению, было недостаточно сил для наступления большого оперативного масштаба⁸. Однако Фриснер не отрицал, что на участке Тыргу-Фрумос, Яссы следует ожидать крупных атак, выходящих за пределы местного значения. Командование 6-й немецкой армии допускало возможность наступления русских лишь с целью сковать ее силы. И только 18 и 19 августа оно обнаружило, что у Тирасполя тоже можно ожидать большого

наступления русских. Но за два-три дня уже ничего нельзя было изменить.

Рассветало. Все ждали команду. «Начали», — тихо сказал Родион Яковлевич, и первые залпы потрясли ночную тишину. В грозном артиллерийском хоре выделялись мощные орудия. Это били 280-миллиметровые калибры артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. Тысячи орудий поливали передний край. Сплошной гул заполнил пространство. Представитель Ставки был приглашен к аппарату:

— Как у вас там, товарищ Тимошенко?

— Ведем артподготовку, все идет по плану, товарищ Сталин.

— Передайте товарищу Малиновскому — пусть немцев побьет покрепче. Позвоните, как пойдет атака. Желаю успехов.

Вскоре ближние разрывы исчезли, и вдали появились узлы бледных сполохов. Огонь был переброшен на вражеские батареи, затем на командные пункты и узлы связи, а потом опять на передний край. В грохот орудийных выстрелов вплелись звуки «катюш». От их залпов на огневых позициях поднимались клубы пыли, из которых вылетали огненные ракеты.

А в это время отдавались последние распоряжения в 27, 52, 53, 6-й танковой армиях и в 18-м танковом корпусе, предназначенных для нанесения главного удара в 16-километровой полосе между Тыргу-Фрумосским и Яским укрепленными районами, по стыку 4-й румынской и 8-й немецкой армий. Задача состояла в том, чтобы глубоким проникновением на юг в междуречье Сирета и Прута захватить Фокшанские ворота и отрезать силы противника от 6-й армии, расположенной в кишиневском выступе.

7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа (5-й гвардейский кавалерийский и 23-й танковый корпуса) изготовились для нанесения вспомогательного удара на романском направлении со стороны Карпат, из-за правого фланга 27-й армии, с целью овладения Тыргу-Фрумосским

укрепленным районом с юго-востока и оказания содействия наступлению главной ударной группировка войск фронта.

4-я гвардейская армия нацелилась перейти в наступление вдоль восточного берега Прута на Унгены после овладения Яссами 52-й армией. Задача — отрезать отход противника к Пруту.

40-й армии предстояло перейти в наступление на Тупилацы, Пятра после выхода 7-й гвардейской в район Тыргу-Фрумаса.

Ближайшая задача фронта — выйти на рубеж Бакэу, Хуши, захватить переправы на Пруте у Хуши, Фэльчиу, соединиться силами 4-й гвардейской, 52-й армий и 18-го танкового корпуса с войсками Ф. И. Толбухина и завершить окружение кишиневской группировки. Затем уничтожить ее и развивать наступление главными силами на Фокшаны.

К концу полуторачасовой артиллерийской подготовки Малиновскому было доложено, что из шестидесяти батарей, подвергшихся подавлению на участке прорыва, «заработали» только три, и то на флангах. Не выдержав столь мощного артиллерийского огня, фашисты сдавались в плен.

— Ваше время, — сказал Родион Яковлевич командующему 5-й воздушной армией генерал-полковнику авиации С. К. Горюнову.

И вот появились советские штурмовики, истребители, бомбардировщики.

Атака! И раздалось громкое традиционное «ура!». Атакующая лавина войск неудержимо устремилаь вперед.

Артиллерийская и авиационная подготовка была настолько эффективной, что и танкисты, и пехотинцы безостановочно преодолевали оборонительные позиции. Местность была буквально перепахана снарядами. Вместо блиндажей чернели ямы, из них торчали бревна, металлические рельсы и прутья. Были вырваны из земли бронеколпаки, опрокинуты сгоревшие танки, изуродованы пушки, пулеметы.

Саперные подразделения фронта двинулись в болотистую долину р. Бахлуй, и около полудня начальник инженерных войск генерал-майор А. Д. Цирлин доложил:

— Товарищ командующий фронтом! Мосты готовы.

— Это хорошо! — радостно произнес Малиновский и распорядился, обращаясь к начальнику штаба фронта Захарову: — Матвей Васильевич, срочно проверь и доложи.

Факт подтвердился. Последовал сигнал по радио и ракетами — и в 12 часов 6-я танковая армия устремилась в прорыв. Ввод ее был неожиданностью для противника.

— Товарищ Сталин! В прорыв введена 6-я армия Кравченко, все идет нормально, — доложил Р. Я. Малиновский, связавшись со Ставкой.

— Хорошо, товарищ Малиновский, я уверен в Вашем успехе. Знаете, в резерве Ставки есть конно-механизированная группа Плиева. Может быть, Вы ее возьмете к себе? Все отказываются. Конницу, что ли, никто не любит?..

— Вместо Кравченко, товарищ Сталин?

— Я Вам этого не сказал.

— С удовольствием возьму, товарищ Сталин.

— Она Вам пригодится, когда будете вести бой в районе Галаца.

Конечно же никому до Р. Я. Малиновского конно-механизированная группа И. А. Плиева не предлагалась. Командующие фронтами слишком хорошо знали героев-плиевцев, чтобы отказываться от них. Слова И. В. Сталина Родион Яковлевич расценил как намек на то, чему Ставка будет уделять главное внимание в ближайшее время.

Не совсем удачно складывалась обстановка в 52-й армии генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, которая тоже наступала на главном направлении своим правым флангом. Тем не менее она взяла Яссы и на второй день ввела 18-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В. И. Полозкова. Планировалось бросить его в прорыв в первый день, но обстановка не позволила.

Подводя итоги первого дня сражений, Фриснер признал: «...предпринятое советским командованием крупное наступление 20 августа подвергло неслыханному испытанию немецкие соединения, расположенные на румынской территории; 6-я и 8-я немецкие армии с самого начала

поставлены в исключительно тяжелое положение; к вечеру, несмотря на ввод большого количества резервных частей, удалось лишь частично задержать наступление русских; они глубоко прорвали фронт и добились большого успеха на обоих участках; в течение 24 часов пять румынских дивизий оказались полностью уничтоженными, и вряд ли следует предполагать возможность использования танковой дивизии «Великая Румыния».

На второй день войска А. Г. Кравченко овладели горным хребтом Маре за р. Бахлуй, по ту сторону Ясс, и операция стала развиваться в более стремительном темпе. Наступая с севера на юг вдоль левого берега Прута, 4-я гвардейская армия генерала И. В. Галанина отрезала противнику пути отхода через реку на запад.

К полудню 23 августа танковая армия Кравченко прошла Бырлад, а танковый корпус Полозкова захватил Хуши. К этому времени подвижные войска 3-го Украинского фронта достигли р. Прут на севере у Леушен и на юге у Сарато-Розеш, восточнее Хуши, захватив плацдармы и отрезав противнику пути отхода. Это означало, что было создано оперативное окружение кишиневской группировки.

Вместе с тем обстановка сложилась так, что Родион Яковлевич решил лично убедиться, не препятствует ли 4-я гвардейская армия действиям войск 3-го Украинского фронта. Для этой цели 23 августа в воздух поднялись два самолета По-2 и низко летели под прикрытием истребителей. На первом находился заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В. Д. Иванов, прибывший во фронт по заданию Ставки, чтобы выявить истинное положение этой армии и разрешить вопрос, где ей лучше быть: на восточном берегу Прута, как планировалось, или переправиться на западный берег.

Во втором самолете за пилотом сидел Родион Яковлевич и внимательно рассматривал местность в районе Хуши, усыпанную техникой и людьми: внизу шел яростный бой. Он отчетливо видел, как фашисты вели огонь по их самолетам. Вдруг Родион Яковлевич почувствовал, как чем-то обожгло спину и теплая струйка потекла вниз, к пояснице. Он сделал глубокий вдох-выдох. «Дышится нормально,

значит, легкие целы. Что делать? Сказать летчику или нет? — пронеслось в голове. — Если сказать, может перепугаться и что-то не так сделать. Лучше не говорить», — решил маршал и, слегка коснувшись плеча летчика, дал понять, что нужно набрать высоту и идти на посадку. Сели в Рэдений, в 52 км юго-западнее Бельцев, где размещался штаб фронта. Осмотрев самолет, В. Д. Иванов сказал:

— Родион Яковлевич, в моем самолете двенадцать пробоин.

— Сколько в моем, Владимир Дмитриевич, я не знаю, но, кажется, в спине одна есть, — ответил Р. Я. Малиновский.

Последовали обработка раны, доставка в кишиневский госпиталь для просвечивания, и опять Родион Яковлевич в автомобиле ехал по фронтовым дорогам, бередя забинтованную рану и часто ее перевязывая. Известие о ранении Малиновского дошло до И. В. Сталина.

— Как Вы себя чувствуете, товарищ Малиновский? — спросил Верховный Главнокомандующий.

— Хорошо, товарищ Сталин.

— Если нужен госпиталь, не стесняйтесь.

— Позвольте закончить операцию, а там будет видно, товарищ Сталин.

— Не возражаю.

К исходу дня кольцо окружения замкнулось. В нем оказалось 18 вражеских дивизий. Вопрос же о 4-й гвардейской армии отпал сам по себе.

Оценивая обстановку за 23 августа, штаб Фриснера донес Гитлеру: «Продвижение механизированных соединений противника до переправы через Прут у Леушены (северо-восточнее Хуши), в связи с прорывом его на фронте армейской группы, говорит о широком замысле противника — в результате двойного охвата с северо-запада и юго-востока окружить соединения 6-й армии восточнее Прута и путем захвата мостов отрезать нашим войскам возможность переправы через Прут. Необыкновенно высокая подвижность неприятельских соединений в районах вторжения по фронту 6-й и 8-й армий создает серьезную опасность в первую очередь для соединений, сражающихся восточнее Прута, а

затем и для корпусной группы Мит, подчиненной с сегодняшнего дня командованию 6-й армии. Продолжать бои на стороне немецких войск не выражает желания ни один румынский генерал, а также и командир танковой дивизии «Великая Румыния» генерал Корне, на которого возлагали надежду».

Чтобы не дать противнику опомниться, войска Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина приступили к уничтожению окруженных гитлеровцев, после того как они отказались капитулировать. Группами по 25—30 тыс. человек фашисты пытались вырваться из окружения. Они предпринимали таран за тараном, не считаясь с потерями. Ураганный огонь советской пехоты и артиллерии обрушивался на гитлеровцев, их материальную часть и обозы. Если им и удавалось прорваться, то их уничтожали другие части советских войск, в том числе артиллеристы, связисты и тыловые подразделения. Среди пленных было восемь командиров дивизий. А командиры 7-го и 52-го армейских корпусов попали в плен после того, как они бросили войска и бежали за р. Прут, пытаясь в одиночку выбраться из окружения.

27 августа с окруженными было покончено. Прилетавший к ним накануне Фриснер понял, что положение 6-й армии катастрофическое, что все ее дивизии окружены и вряд ли есть надежда прорваться. Тем не менее он еще десять дней не хотел признавать гибели армии, отгонял подобную мысль, невзирая на то что первый офицер генерального штаба при группе сообщил в Берлин Гудериану 30 августа, что из всех соединений 6-й армии ни одно не пробилось. «В связи с этим, — доносил офицер, — группа армий располагает лишь двумя корпусами с четырьмя нетронутыми дивизиями и большим количеством людей из обозных команд».

Ночью 2 сентября Фриснер дал телефонограмму в адрес 6-й и 8-й немецких и 2-й венгерской армий, в которой излагался пространный приказ о будущем порядке ведения боев. Лишь 5 сентября он заявил, что окруженные корпуса и дивизии 6-й армии окончательно должны рассматриваться как потерянные. «Никакой надежды более нет, — говорил он, — что какие-либо окруженные соединения вырвутся. Это

представляет собой самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий...»³

Об этом Фриснер доложил в Берлин. Специального траура не было, хотя руководство группы армий «Южная Украина» рассматривало свое поражение так, что с «военной точки зрения перед этим ударом судьбы меркнут все остальные сопутствующие обстоятельства, даже отпадение Румынии и объявление ею 23 августа войны Германии, к которому нельзя, конечно, относиться легко ни с политической, ни с экономической стороны. Между этим событием и судьбой 6-й армии существует, бесспорно, тесная взаимосвязь».

Быстрое окружение и столь же быстрый разгром противника — выдающийся образец военного искусства Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина. За десять дней наступления их войска уничтожили и пленили 300 тыс. фашистов, освободили Советскую Молдавию, лишили вражескую коалицию ее союзников — Румынии и Болгарии, открыли путь в Венгрию, Югославию и Чехословакию.

Родион Яковлевич был счастлив достигнутым успехом и радовался многочисленным поздравлениям. Первое было от Александра Михайловича Василевского, которому Р. Я. Малиновский не раз высказывал свои намерения провести операцию на окружение с одновременным уничтожением противника. Особую теплоту за осуществленную операцию Малиновский ощутил в Москве 13 сентября, куда был вызван для подписания перемирия с Румынией. В этот же день утверждался план операции 1-го Белорусского фронта. Сталин советовал К. К. Рокоссовскому:

— Только Вы действуйте крепко, наступайте в быстром темпе, так, как они действовали ⁹, — и он протянул руку с дымящейся трубкой в сторону Малиновского и Толбухина.

ГЛАВА VIII

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНГРИИ, АВСТРИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ

Шла последняя военная осень. Обычными стали победы советских войск. Уже никто не сомневался в скором поражении Германии.

Наряду с продвижением советских войск в Прибалтике началось наступление трех фронтов на южном крыле советско-германского фронта. 2-й Украинский фронт маршала Р. Я. Малиновского продвигался к Венгрии с юго-востока. Правее, обтекая карпатский выступ противника с трех сторон, действовали войска 4-го Украинского фронта генерала армии И. Е. Петрова, а южнее, на территории Югославии, сражался 3-й Украинский фронт маршала Ф. И. Толбухина. Были созданы условия для охвата противника в Венгрии и Северной Трансильвании. Ближе всех к Будапешту находились войска Р. Я. Малиновского, и им отводилась главная роль в освобождении Венгрии.

Гитлеровская клика стремилась сохранить за собой последнего сателлита Германии, чтобы преградить советским войскам путь в Австрию и Южную Германию, а также прикрыть коммуникации своих войск, действовавших в Югославии и Греции. Она рассматривала Венгрию как крупный промышленный и сельскохозяйственный придаток Германии. Гитлеровское командование поспешно создавало укрепления вдоль юго-восточных границ Венгрии, перебросив сюда с запада дополнительные силы. Оно готовило войска к контрударам из районов Дебрецена и Турды для захвата и удержания выходов из Трансильванских Альп, полагая, что советские фронты не смогут одновременно и наступать, и отражать сильные контрудары.

Гитлеровская ставка противопоставила фронту Р. Я. Малиновского группу армий «Юг» под командованием Фриснера, включив в нее 8-ю и 6-ю немецкие, 2-ю и 3-ю венгерские армии — всего 29 дивизий и 5 бригад, и 3 дивизии группы армий «Ф» — 3500 орудий и минометов, 300 танков и около 550 самолетов из 4-го воздушного флота

Однако остановить советские фронты уже ничто не могло. По решению Ставки ВГК они осуществили на юго-западном стратегическом направлении серию наступательных и оборонительных, малых и больших операций. Первой из них была упредившая вражеские контрудары Дебреценская наступательная операция 2-го Украинского фронта, который после усиления его Ставкой к началу октября имел 7-ю гвардейскую, 27, 40, 46, 53-ю

общеармейские и 6-ю гвардейскую танковую армии, 18-й танковый корпус, конно-механизированные группы И. А. Плиева и С. И. Горшкова, 5-ю воздушную армию, а также румынскую добровольческую дивизию имени Тудора Владимиреску — всего 40 стрелковых дивизий, 3 танковых, 2 механизированных и 3 кавалерийских корпуса с 10 200 орудиями и минометами, 750 танками и самоходно-артиллерийскими установками, 1100 самолетами. Кроме того, фронту подчинялись 1-я и 4-я румынские армии ¹⁰.

Родион Яковлевич решил нанести главный удар из района Орадя в направлении на Дебрецен и вспомогательный — войсками правого крыла фронта с целью овладения районом Клуж, Сату-Маре и Карей, содействуя 4-му Украинскому фронту в проведении Карпатско-Ужгородской операции. На левом крыле предусматривался разгром врага на восточном берегу р. Тиса для обеспечения левого фланга главной ударной группировки фронта.

Характерной особенностью в планировании операции является необычное использование танковых войск. Учтя слабую, очаговую оборону противника, наличие подавляющего превосходства в силах и средствах над ним, Р. Я. Малиновский приказал 6-й гвардейской танковой армии А. Г. Кравченко и конно-механизированной группе И. А. Плиева наступать в первом эшелоне ударной группировки для прорыва тактической зоны обороны врага и развития успеха в оперативной глубине. По расчетам командующего, такой вариант использования подвижных войск приведет к мощному первоначальному удару по противнику, не успевшему создать прочную оборону. И он не ошибся.

Несмотря на сильное противодействие противника в районе Орадя вводом в сражение крупных резервов, продвижение войск Малиновского осуществлялось по всему фронту, а танковая армия А. Г. Кравченко совместно с группами И. А. Плиева и С. И. Горшкова ударом по сходящимся направлениям овладела Дебреценом — важным узлом вражеской обороны. К концу операции — 28 октября — войска фронта за 23 дня освободили восточные и северо-восточные районы Венгрии, вышли на Тису от Чопа до Сольнока, продвинулись на 130—275 км, разгромив 10

вражеских дивизий, пленив 42 тыс. солдат и офицеров и уничтожив большое количество военной техники противника, помогли 4-му Украинскому фронту преодолеть Карпаты и овладеть Ужгородом, Мукачево.

Командный и политический состав фронта готовил операцию в условиях непрекращающихся боевых действий и в ходе ее обогатился новым опытом боев в горно-лесистой местности, приобрел умение быстро и правильно оценивать сложную обстановку и производить перегруппировку сил и средств. В ней ярко проявилось военное мастерство командования фронта, которое гибко управляло войсками в боях и сражениях, умело организовало и успешно осуществило стратегическое взаимодействие с 4-м Украинским фронтом.

Войска 2-го Украинского фронта вступили на территорию Венгрии под знаменем интернационализма. В конце октября Военный совет фронта обратился с воззванием к венгерскому народу, в котором подчеркивалось, что Советская Армия вошла в Венгрию не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига, что она не имеет других намерений, кроме разгрома германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработанных ею странах. Обращение легло в основу партийно-политической работы в войсках, явилось призывом для установления взаимопонимания между советскими воинами и трудящимися освобождаемых стран.

Фронт Р. Я. Малиновского продвигался к Будапешту. Все яростнее становилось сопротивление немецких и венгерских фашистов. Гитлер и его клика пустили в ход крайние средства борьбы и политической обработки своих войск. Генерал-полковник Фриснер, ставший командующим группой армий «Юг», образованной на базе группы армий «Южная Украина», в конце октября издал приказ: «...чем больше мы приближаемся к нашей родине, тем фанатичнее должна быть борьба, ибо теперь дело идет о собственном доме. Слышали ли вы зов немецкого фольксштурма? Для нас, закаленных в боях фронтовиков, это — святейшая обязанность. Кто не осознает ее, кто не отдается всецело борьбе, где бы это ни

было, — недостойн быть немцем и попирает свою честь. Смотрите друг на друга, солдаты, и следите, чтобы малодушные и трусливые не сохраняли права на жизнь в нашем боевом содружестве за честь и свободу нашего отечества. Наша армейская группа — самый отдаленный от родины вал против большевистского натиска. Требуется всеми средствами уничтожить врага в предполье, пока он еще не достиг наших границ и мы еще обладаем свободой передвижений. Этим мы окажем лучшую помощь нашим союзникам, которых тоже касаются наши задачи... Так что все к борьбе, вплоть до ножей!..» ¹¹

В ответ на это Военный совет 2-го Украинского фронта распорядился забросить в расположение противника листовки, в которых разъяснялась немецкому солдату неизбежность поражения фашистской Германии, говорилось о том, что у них имеется только один выход — безоговорочная капитуляция.

После Дебреценской операции Верховный Главнокомандующий приказал 2-му Украинскому фронту перейти в наступление 29 октября на венгерскую столицу. Оно вызывалось политическими соображениями (окончательно развалить немецко-фашистский блок и упредить англо-американские войска в выходе на Балканы) и обеспечивалось возможностями советских войск, которые превосходили врага в 2 раза по пехоте, в 4,5 — по орудиям и минометам, в 1,9 — по танкам и самоходно-артиллерийским установкам, в 2,6 — по самолетам. Значительный перевес 2-го Украинского фронта в силах и средствах являлся предпосылкой для разгрома главных сил группы армий «Юг» на северо-восточных подступах к Будапешту. Однако Ставка приказала Малиновскому осуществить прорыв к Будапешту с юго-востока силами 46-й армии с двумя гвардейскими механизированными корпусами. При выработке такого решения она исходила из слабости обороны юго-восточных подступов к столице Венгрии.

Армия перешла в атаку днем 29 октября после короткой, но мощной артиллерийской подготовки, и оборона противника была прорвана. На рассвете 30 октября Малиновский ввел в прорыв 2-й гвардейский

механизированный корпус. 2 ноября войска левого крыла фронта вышли с юга на подступы к Будапешту. Гитлеровцы вынуждены были из района Мишкольца, вдоль своей обороны по Тисе, перебросить сюда на помощь три танковые и одну механизированную дивизии, которые не позволили советским войскам ворваться в город с ходу. Тем самым противник значительно ослабил защиту Будапешта на северо-востоке — на дальних подступах к городу.

Родион Яковлевич доложил об этом Ставке ВГК. Последовал приказ нанести удар войсками правого крыла фронта, перед которыми гитлеровцы оказались ослабленными. Родион Яковлевич решил как можно быстрее преодолеть Тису в районе Мишкольца и юго-западнее, а чтобы обезопасить левое крыло со стороны Сольнока — не позднее 7 ноября ударить конно-механизированной группой Плиева из района того же Сольнока на север, разрезать вражеские войска перед центром фронта и свернуть их оборону по Тисе на северо-восток, чем оказать содействие дивизиям правого крыла фронта в форсировании реки. Все это должно было происходить во взаимодействии с активными боевыми действиями войск левого крыла. Наступление планировалось по всему фронту.

Военный совет 2-го Украинского фронта приложил максимум усилий, чтобы в трудных условиях многодневных боев, несмотря на усталость войск, сильную растянутость их коммуникаций, несвоевременный подвоз боеприпасов, выполнить поставленные задачи. В результате войска фронта за полмесяца наступления, начавшегося 11 ноября, продвинулись на 100 км в северо-западном направлении и подошли к внешнему обводу обороны Будапешта.

Убедившись по докладу Военного совета 2-го Украинского фронта, что наступление широким фронтом в дальнейшем нецелесообразно, Ставка приказала Р. Я. Малиновскому создать решительное превосходство над противником в полосе 7-й гвардейской армии, введя 6-ю гвардейскую танковую армию и вслед за ней группу И. А. Плиева, а также сосредоточив здесь не менее двух артиллерийских дивизий прорыва для выхода севернее

Будапешта. Наступление предлагалось возобновить не позднее 2—3 декабря 1944 г.

Проводились усиленная подготовка войск и накопление материальных запасов. Члены военных советов фронта и армий, командиры и политорганы работали непосредственно в войсках. Большое внимание уделялось внедрению передового опыта борьбы с врагом в артиллерийских частях, прибывших из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

В результате последовавшего наступления войска фронта вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта, отрезав противнику пути отхода на север. На левом крыле фронта 46-я армия форсировала Дунай и устремилась вперед с целью обхода Будапешта с юго-запада; затем, встретив сильное сопротивление противника, перешла к обороне и 12 декабря вошла в состав войск 3-го Украинского фронта, которые перерезали коммуникации противника западнее Будапешта.

После этого Ставка поставила задачу — 3-му Украинскому фронту из района озера Веленце и войскам Р. Я. Малиновского из района Шаги повести встречное наступление на Эстергом с целью окружения и уничтожения будапештской группировки. Этот замысел был выполнен полностью. Советские войска на юге вновь окружили крупную вражескую группировку. В будапештский котел попали 7 пехотных, 2 танковые, моторизованная, 2 кавалерийские дивизии, 3 артиллерийские бригады, 30 отдельных полков, батальонов, разных боевых групп общей численностью 188 тыс. человек.

Гитлер и немецкое военное командование призывали окруженные войска удерживать Будапешт до последнего солдата. «Мы перенесли тяжелые бои. Нам предстоит пережить суровые дни. Мы пересилим их прочным содружеством оружия, товариществом, взаимной выручкой. Мы сумеем сковать большие силы противника, чтобы остановить натиск Востока на нашу родину. Фюрер при этом нас не забудет. Каждое подразделение, каждый солдат должны любой ценой держаться, чтобы наше кольцо не было разорвано... Я уверен, что каждый офицер, унтер-офицер и

солдат будапештского гарнизона будут фанатично сражаться, верные присяге. Все для свободы Германии и Венгрии!» — говорилось в приказе командира 9-го армейского горнострелкового корпуса СС Пфедфер-Вильденбруха на третий день окружения.

В действительности же у гитлеровцев уже давно не было «содружества» и «товарищества», так как под ударами фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина венгерские войска переходили на советскую сторону. Немецкое командование предпринимало контрмеры. После того как 16 октября командующий 1-й венгерской армией Б. Миклош с частью штаба перешел на сторону советских войск, отношение немцев к венграм круто изменилось. Против них издавались секретные приказы, подобно приказу командующего 6-й немецкой армией Фреттер-Пико. «Учащающиеся случаи перехода целых венгерских соединений на сторону врага заставляют меня прийти к убеждению... Я приказываю: при установлении попытки перехода венгерских солдат или соединений на сторону врага надлежит немедленно открывать сосредоточенный огонь всех видов оружия по предательским ордам. Каждый должен знать: кто слишком труслив, чтобы умереть с честью, тот погибнет позорной смертью!» ¹² — писал фашистский генерал. Располагая венгерские части попеременно с немецкими, гитлеровское командование надеялось повысить их устойчивость в бою.

Эти и другие факты, а также намерение гитлеровского руководства оборонять Будапешт Военный совет 2-го Украинского фронта при оценке политико-морального состояния противника учитывал в своей работе. Он решил включать подобного рода вражеские приказы в текст советских листовок, которые разбрасывались над венгерскими войсками. Политорганами фронта печатались и распространялись обращения и воззвания к венгерскому народу, листовки, плакаты, изобличавшие звериный облик немецкой военщины. Издавалась ежедневная фронтовая газета на венгерском языке «Мадяр уйшаг». Войска проводили встречи с освобожденным населением, митинги, на которых выступавшие рассказывали о том, что Советская

Армия идет исполинской, непреборимой силой па фашизм, неся свет и свободу измученному человечеству...

Родион Яковлевич находился на наблюдательном пункте фронта в Тиссафельдваре. К нему принесли план города со всеми деталями: бульварами в три кольца, которые пересекались радиально расходящимися от центра улицами; фабриками и заводами, располагавшимися в южной половине левобережной части города; правительственными и военными учреждениями и иностранными представительствами; вокзалами и многочисленными рынками; парками, дворцами, памятниками культуры и искусства; анфиладой мостов па 15-километровом протяжении Дуная через город: их было семь, в том числе два железнодорожных, которые славились своей красотой. В Буда на горном рельефе, возвышающемся над всей левобережной частью города, виднелись виллы с Баконским лесом.

Кварталов в Пеште было очень много. Топографы насчитали около 5 тыс. По данным разведки, основу обороны левобережной части Будапешта составляли узлы сопротивления из нескольких кварталов и опорные пункты в них из одного и более зданий. Полукольцевые оборонительные линии упирались своими флангами в Дунай. Отсечные позиции проходили по радиальным улицам.

Перед войсками левого крыла 2-го Украинского фронта находился внешний городской обвод Пешта, возведенный по линии Дунакеси, Гёдёлле, Ишасег, Иллё, Ракоцилигет, Сигетсентмиклош. Перед центром и правым крылом фронта противник оборонял восточную часть города, далее — правый берег р. Грон до Турина. 6-я гвардейская танковая армия была сосредоточена в тылу фронта. Основные силы 3-го Украинского фронта образовали внешний, а его 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом — внутренний фронт окружения противника в западной части Будапешта.

На рассвете Малиновский на самолете поднялся в воздух, чтобы рассмотреть Будапешт и окрестности, лучше изучить местность и передний край своих войск и противника. Родион Яковлевич внимательно разглядывал бескрайние

просторы с черными лесами, городами без единого огонька и синими реками. Вдоль переднего края, удаляясь и приближаясь к нему, а местами и пересекая его, тянулись темные узкие ленты рокадных железных и шоссейных дорог. Вспыхивали и гасли огоньки ружейно-пулеметной перестрелки. Осветительных ракет становилось меньше. А вот и Будапешт. Малиновский увидел поблескивавшие позолотой куполов и шпилей соборы, которые возвышались над неславшим городом...

Желая избежать больших жертв мирного населения, разрушений жилых зданий и исторических памятников, советское командование предложило гитлеровским войскам сложить оружие. Но фашисты отвергли это предложение и, надеясь на деблокаду, злодейски убили парламентариев. И тогда 1 января 1945 г. советские войска начали уничтожение окруженной группировки.

Чтобы поднять дух окруженных и увеличить надежду на вызволение, гитлеровцы в ночь на 2 января нанесли первый деблокирующий контрудар по внешнему фронту войск Ф. И. Толбухина со стороны Комарно на Бичке, Будапешт с одновременным встречным ударом окруженной группировки по 46-й армии. Бои приняли исключительно ожесточенный характер. Ставка ВГК внимательно следила за ними. Она приказала Р. Я. Малиновскому сорвать вражеский контрудар. Родион Яковлевич решил выйти в тыл контрударной группировке войсками 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий, которые в ночь на 6 января внезапной атакой без артиллерийской подготовки прорвали оборону противника на р. Грон и устремились к Комарно с северо-востока. Гитлеровцы вынуждены были ослабить контрударную группировку, повернув значительную часть ее сил против 2-го Украинского фронта.

Два последующих контрудара по войскам Ф. И. Толбухина — внешнему фронту окружения — тоже не спасли окруженных. Однако в результате третьего контрудара в 20-х числах января для 3-го Украинского фронта сложилось тяжелое положение. Он оказался расколотым пополам, и враг рвался к Будапешту с юга, через коридор между озером Веленце и Дунаем. Благодаря привлечению части сил из 2-го

Украинского фронта, особенно авиации, и другим мерам к 27 января удалось восстановить прежнее положение войск 3-го Украинского фронта с выходом на озера Веленце, Балатон. В этих условиях Ставка поручила маршалу С. К. Тимошенко координацию действий 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Будапешта.

Вражеские контрудары не принесли желаемых результатов. Однако борьба за Будапешт затянулась, и 18 января Ставка возложила ликвидацию окруженной группировки на 2-й Украинский фронт Р. Я. Малиновского, передав ему 46-ю армию.

Противника в Пеште штурмовала созданная Р. Я. Малиновским будапештская группа войск 2-го Украинского фронта в составе 30-го стрелкового корпуса генерала Г. С. Лазько, 7-го румынского армейского корпуса, 18-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. М. Афонина и девяти артиллерийских бригад. Вначале она действовала частью сил в подчинении 7-й гвардейской армии, а второй частью, то есть корпусом И. М. Афонина, — в подчинении фронта. С 11 января группой стал руководить сам Малиновский с командного пункта штаба фронта в Хевеше (32 км южнее Эгера), куда он переместился после окружения будапештской группировки.

В ход были пущены штурмовые группы — от взвода до роты пехоты с подрывниками, самоходками, танками, орудиями и минометами. Групп было много. Каждая действовала в своем направлении от здания (опорного пункта) к зданию, от квартала (узла сопротивления) к кварталу, снабженная планами для ориентирования.

Враг ожесточенно сопротивлялся. Он применял все виды оружия и техники, использовал стены домов, окна, этажи, чердаки, крыши, подъезды, ворота, баррикады — все, что можно было уничтожить и разрушить лишь стрельбой из орудий прямой наводки.

Обычно штурмовая группа перебежала к атакуемому зданию после подавления артиллерией видимых целей, проникала внутрь через окна или пробитую подрывниками брешь, завязывала бой и теснила противника от подвала до

чердака и крыши, затаскивая на этажи легкие пушки и даже реактивные снаряды для уничтожения огневых средств в соседних строениях. Артподготовки не было, были стрельба минометов навесным огнем для окаймления объектов да удары орудий всех систем прямой наводкой. Был массовый а личный героизм советских воинов. Пестрая картина уличных боев представляла сумму многочисленных малых и больших атак, быстрых перебежек от дома к дому, рукопашных схваток внутри зданий.

Родион Яковлевич уточнял направление главных ударов, обеспечивал их необходимыми силами и средствами и внимательно следил за сохранением тесного взаимодействия между объединениями, в том числе между 40, 27 и 53-й армиями и конно-механизированной группой И. А. Плиева, которые наступали по чехословацкой территории.

Так затягивалась петля все туже и туже. Настало время, когда самолеты противника уже не могли сбрасывать осажденным боеприпасы и продовольствие — их сбивали советские зенитчики, и часто их контейнеры падали в расположение штурмовавших город войск.

С окруженным противником в Пеште было покончено через восемь дней после рассечения его 17 января на три части и пленения уцелевших войск. Затем Р. Я. Малиновский перебросил группу западнее столицы для овладения Будой совместно с поступившими в его распоряжение двумя стрелковыми корпусами 3-го Украинского фронта. В связи с ранением генерала И. М. Афонина командовать группой начал командующий 53-й армией генерал И. М. Манагаров, имевший опыт боев за крупные города. Штаб группы войск был оборудован на базе штаба 18-го гвардейского стрелкового корпуса возле Будакеши — западного пригорода Буда, Здесь было самое узкое место между внешним и внутренним фронтами окружения. Фашисты стремились сюда извне, чтобы, овладев высотой со штабом советских войск, ударить по внутреннему фронту и выручить окруженных. Поэтому у командования не было уверенности, что штаб не будет атакован с тыла, со стороны Бичке.

По заданию Родиона Яковлевича на самый горячий участок огромного Будапешта пробрался И. С. Фомин с

группой офицеров и совместно с И. М. Манагаровым организовал артиллерийскую поддержку боя. Он взял в свои руки артиллерию нескольких корпусов, действовавших на западном берегу, и войск, находившихся в Пеште, для координации огня по противнику в Буде.

Сюда же, в Будапеште, через опасные переправы, в обход пригородов прибыл маршал с группой генералов и офицеров, чтобы ускорить разгром врага и в этой части города. Увидев выставленные пулеметы для самообороны, Малиновский заметил: «Вы тут сами, как в осаде». Меньше всего маршал думал о собственной безопасности. Вот и на этот раз он подвергал себя большому риску, поехав в этот узкий коридор: никто не мог дать гарантии, что фашисты не прорвут его.

Час за часом, день за днем приближался конец борьбы и в Будапеште. Фашисты не хотели сдаваться. Даже пытались использовать подземные коммуникации, чтобы через смотровые колодцы, расположенные за передовой линией боя, выйти из окружения. В ночь на 12 февраля гитлеровцы лишились последних надежд на спасение и прекратили сопротивление. Сто с лишним тысяч человек сдались в плен.

13 февраля 1945 г. Будапешт был очищен от противника. Он являл собой удручающее зрелище — сплошные разрушения. Улицы были забиты военной техникой. Всюду торчали черные остовы сгоревших домов. Не было света, не работал транспорт. Из подвалов выходили голодные и измученные жители столицы. На помощь населению пришли военные советы 2-го и 3-го Украинских фронтов. Она началась с разминирования столицы, возведения мостов через Дунай и снабжения населения продовольствием.

После Будапештской операции и отражения 3-м Украинским фронтом контрнаступления противника в районе озера Балатон 2-й Украинский фронт под командованием Малиновского развернул широкое и решительное наступление на венском направлении и в Чехословакии. Одновременное освобождение войсками фронта территории ряда стран (Чехословакии, Венгрии, Австрии) накладывало отпечаток на работу политорганов соединений и объединений, вызывало множество форм и методов их

деятельности с учетом традиционно-национальных и географических особенностей государств. Об этом докладывал начальник политуправления фронта генерал-лейтенант А. Н. Тевченков на совещании Героев Советского Союза, которое состоялось 23—24 февраля по указанию Военного совета. На нем выступил Р. Я. Малиновский с речью, в которой подвел итоги боевого опыта и призвал воинов, прибывших из Будапешта, Чехословакии и из-за Дуная, передать его молодежи.

Это были дни затишья после ожесточенных оборонительных боев 7-й гвардейской армии на тройском плацдарме у Дуная. Несмотря на мужество и беспредельную храбрость пехотинцев, артиллеристов и танкистов, частей и соединений, войска армии оставили его в силу ряда имевшихся крупных недостатков: армейская разведка не обнаружила сосредоточения против плацдарма пяти пехотных и двух танковых вражеских дивизий; осталось незамеченным, что танки 1-го танкового корпуса 6-й танковой армии СС вооружены приборами ночного видения, позволявшими противнику успешно вести ночные бои; было нарушено тактическое взаимодействие между корпусами. Свои замечания и неудовлетворение по этому поводу Родион Яковлевич высказал на совещании руководящего состава армии неизменно спокойным тоном и потребовал покончить с благодушием и самоуспокоенностью, появившимися у некоторой части комнач-состава в связи с непрерывным победоносным наступлением.

В марте 1945 г. войска правого крыла фронта освободили от немецких захватчиков чехословацкие города Банска-Штьявница, Зволен и вышли на р. Грон. Затем, содействуя 4-му Украинскому фронту в осуществлении Моравско-Оставской операции, наступавшие в горах Словакии 40-я и 4-я румынская армии 25 марта освободили Банска-Бистрицу и развили успех на Тренчин. Войска южного крыла фронта участвовали в наступлении 3-го Украинского фронта на венском направлении, завершая первый этап Венской операции.

Одновременно с этим (25 марта) 2-й Украинский фронт начал Братиславско-Брновскую операцию вдоль левого

берега Дуная. Она готовилась свыше месяца в условиях непрекращавшихся боевых действий на флангах фронта. Соединения пополнились людьми, оружием и боевой техникой, были созданы запасы горючего, боеприпасов, продовольствия и вещевого имущества.

В наступлении частям предстояло преодолеть четыре водные преграды: Грон с главной полосой обороны по западному берегу большой крутизны, Нитру, Ваг и Мораву со второй полосой и тыловыми рубежами. Разлившиеся реки способствовали вражеской обороне и являлись серьезными препятствиями на 120-километровом пути предстоящего наступления центральной группировки фронта (53-й, 7-й гвардейской армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы) к Братиславе.

В связи с этим Родион Яковлевич потребовал от начальника инженерных войск генерала А. Д. Цирлина тщательной и скрытной подготовки понтонных частей и переправочных средств, разработки плана выдвижения их к водным рубежам, а от общевойсковых командиров — отработки в штабах всех вопросов форсирования рек. Решению этих задач способствовал лес на восточном берегу р. Грон.

Штабом фронта был спланирован и осуществлен контроль за подготовкой войск к операции, в том числе за форсированием р. Грон вне направления главного удара накануне начала операции с целью введения противника в заблуждение в отношении истинного намерения Малиновского. К началу операции распоряжением начальника штаба фронта генерал-полковника М. В. Захарова на одной из высот у Грона был оборудован передовой командный и наблюдательный пункт командующего фронтом, куда прибыл маршал Малиновский. Здесь уже находилась группа командиров во главе с начальником оперативного управления штаба фронта генералом Н. О. Павловским. Сюда прибыли также командующий артиллерией фронта генерал Н. С. Фомин, начальник инженерных войск генерал А. Д. Цирлин и начальник войск связи генерал А. И. Леонов для наблюдения

и руководства войсками в ходе сражения при форсировании реки и прорыве ими главной полосы обороны противника.

Главный удар наносился войсками смежных флангов 7-й гвардейской, 53-й армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы в центре оперативного построения войск фронта в направлении Братислава, Малацки, Брно во взаимодействии с Дунайской военной флотилией. Действия главной ударной группировки фронта поддерживала 5-я воздушная армия, в состав которой входил румынский отдельный авиационный корпус.

Форсирование р. Грон началось в ночь на 25 марта. Родион Яковлевич в это время находился на наблюдательном пункте командира 27-го гвардейского стрелкового корпуса и вместе с командующим 7-й гвардейской армией генерал-полковником М. С. Шумиловым непрерывно следил за действиями разведотрядов. Убедившись в том, что они зацепились за противоположный берег реки, а понтонеры навели несколько мостов, Малиновский приказал начать наступление в 6 часов утра передовыми батальонами, за ними — главными силами первого эшелона, а начальнику инженерных войск фронта — начать наводку мостов для обеспечения ввода в прорыв 1-й гвардейской конно-механизированной группы И. А. Плиева, Прорыву обороны предшествовали мощные удары по врагу артиллерии и авиации.

Будучи введенной в сражение на второй день наступления, группа Плиева форсировала с ходу р. Нитра, помогла армиям главного удара расширить прорыв до 135 км по фронту и 40 км в глубину и к 29 марта освободила город Нове-Замки, открыв кратчайший путь к Братиславе.

К этому времени обстановка сложилась таким образом, что 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным и 23-м танковым корпусами, проводившая с 16 марта совместно с 3-м Украинским фронтом Венскую наступательную операцию, продвинулась далеко на запад вдоль южного берега Дуная и 28 марта овладела венгерским городом Комаром на границе с Чехословакией, тогда как от чехословацкого города Комарно, раскинувшегося на противоположном берегу Дуная, 7-я гвардейская армия находилась еще далеко. Поэтому

противник имел возможность обороняться фронтом на юг по северному берегу реки. Но выход войск Плиева в район Нове-Замки, а 46-й армии — в Комаром поставил фашистов под угрозу окружения на северном берегу Дуная.

В этой ситуации проявилась еще одна яркая черта полководческого искусства Малиновского. Он решил увеличить размах операции, для чего приказал командующему 46-й армией генерал-лейтенанту А. В. Петрушевскому повернуть 23-й стрелковый корпус на север, форсировать им Дунай западнее Комарно и выйти в тыл противника с фланга и во взаимодействии с 25-м гвардейским стрелковым корпусом 7-й гвардейской армии, наступавшим с фронта, устремиться на Братиславу. Маневр был выполнен неожиданно для противника и привел к большим боевым успехам. Одновременно корабли Дунайской военной флотилии по приказу Родиона Яковлевича совершили 70-километровый ночной бросок по Дунаю и десантировали западнее Комарно подразделения 83-й отдельной бригады морской пехоты, которые участвовали в овладении городом.

Увлекая за собой общевойсковые армии, подвижная группа Плиева 30 марта преодолела р. Ваг. Действуя вне дорог, гвардейцы выходили на тылы вражеских войск, захватывали технику и уничтожали живую силу.

Родион Яковлевич 2 апреля переместил штаб фронта из северо-восточного пригорода Будапешта во Двори (6 км восточнее Нове-Замки), откуда поставил задачу 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова овладеть Братиславой не позднее 5-6 апреля, 1-й гвардейской конно-механизированной группе И. А. Плиева — наступать в общем направлении на Брно, а 46-й армии с 23-м танковым и 2-м гвардейским механизированным корпусами — наступать на Вену во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта. Между фронтами была установлена новая разгранлиния, которая нацеливала войска Р. Я. Малиновского на продолжение наступления в северо-западном направлении — на Брно.

В ходе операции было разведано, что Братислава тщательно подготовлена к обороне и овладение ею штурмом

привело бы к большим разрушениям. Чтобы этого не случилось, Родион Яковлевич приказал 7-й гвардейской армии М. С. Шумилова обойти город с северо-запада и предупредил об этом С. К. Горюнова — командующего 5-й воздушной армией и Г. Н. Холостякова — командующего Дунайской военной флотилией, которые содействовали освобождению города.

Приказ Р. Я. Малиновского был выполнен. После освобождения Братиславы, несмотря на дальнейшее сопротивление противника, армии подошли 7—12 апреля к р. Морава, форсировали ее на ряде участков и вступили на территорию Австрии.

8 апреля Военный совет 2-го Украинского фронта обратился к населению Австрии с заявлением о том, что Советская Армия вошла в ее пределы для полного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецко-фашистской зависимости, что она будет содействовать восстановлению порядка, существовавшего в стране до 15 марта 1938 г. — дня вторжения гитлеровцев в Австрию. Советское командование гарантировало австрийскому народу спокойствие, мирный труд и нормальную жизнь. Вместе с тем оно призывало к помощи в борьбе с врагом с целью быстрее изгнания фашистов и ускорения восстановления свободной и независимой Австрии.

Тем временем главная ударная группировка фронта продвигалась в направлении второго по величине города Чехословакии, важного промышленного центра — Брно. На своем пути войска форсировали р. Морава и овладели Годонином — важным узлом дорог и сильным опорным пунктом противника на западном берегу реки. В честь их победы 13 апреля Москва салютовала двенадцатью артиллерийскими залпами.

В тот день отгремел московский салют и в честь войск 3-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина, которые при содействии левого крыла 2-го Украинского фронта овладели столицей Австрии Веной — стратегически важным узлом обороны гитлеровцев, прикрывавшим пути к южным районам Германии.

13 апреля Родион Яковлевич переехал со штабом в Модру (24 км северо-восточнее Братиславы) для организации наступления на Брно — столицу Моравии, чтобы дальнейшим разгромом противника открыть войскам путь на Прагу. Для этой цели он вновь получил 6-ю гвардейскую танковую армию А. Г. Кравченко из 3-го Украинского фронта, которая совместно с 53-й армией И. М. Манагарова и с 1-й гвардейской конно-механизированной группой И. А. Плиева была использована на главном направлении. Правда, до этого она три дня наступала левее ударной группировки. Малиновский убедился, что по условиям местности не достигается массированного применения танков и желаемого темпа продвижения (15—20 км за три дня), а на правом фланге ударной группировки войска наступали успешно. Туда-то он и решил перегруппировать танковую армию. 21 апреля армия скрытно вышла из боя и в течение двух ночей так же скрытно перегруппировалась в полосу наступления 53-й армии, готовившей решающий удар на Брно. Танкисты получили задачу охватить Брно с юго-запада и совместно с конниками Плиева, имевшими задачу обойти город с юго-востока, овладеть им. Ввод в сражение танковой армии Малиновский наметил в полосе 18-го гвардейского и 49-го стрелковых корпусов 53-й армии, куда 23 апреля прибыл с группой генералов, чтобы на месте помочь командованию армии ввести танки в сражение. Генерал Кравченко обладал незаурядными организаторскими способностями, и все обошлось благополучно.

Город Брно оборонялся двумя танковыми и моторизованной, кавалерийской и несколькими пехотными дивизиями противника. Это были внушительные силы против уставших войск фронта. Тем не менее окрыленные успехами на всех фронтах войска 23 апреля возобновили наступление после недельной передышки. Разыгралось большое сражение в районе исторических Праценских высот, где в 1805 г. русское оружие скрестилось с наполеоновским. Бои шли днем и ночью. Советские войска упорно продвигались вперед. Наконец они подошли к городу с нескольких направлений.

25 апреля, накануне штурма Брно, Малиновский вручил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» 44 солдатам, сержантам и офицерам, удостоенным звания Героя Советского Союза за отвагу и мужество, проявленные в боях на территории Румынии и Венгрии. Награжденные заверили командование и Военный совет фронта в том, что умножат славу Советской Армии. Командующий фронтом призвал Героев вести за собой воинов в завершающих боях с врагом.

Войска приступили к штурму Брно и к исходу 26 апреля овладели им.

Этим был закончен разгром немецко-фашистских войск в Западных Карпатах, полностью освобождены Словакия и часть Моравии совместно с войсками 4-го Украинского фронта, который сыграл главную роль в Моравско-Оставской наступательной операции.

Падение Братиславы, Моравска-Оставы, Брно, Вены в системе немецко-фашистской обороны под непрерывными ударами трех фронтов привело к полному крушению всего южного крыла вражеского фронта. В результате этих операций гитлеровское командование недосчиталось многих дивизий — было уничтожено и взято в плен 428 тыс. солдат и офицеров. Перед советскими фронтами открылись пути в Центральную Чехословакию и к южным районам Германии для охвата группы армий «Центр» с трех сторон.

После успешного завершения Берлинской операции войска 1-го Украинского фронта нависли над районом Праги с севера. Наступая на оломоуцко-пражском направлении, 4-й Украинский фронт находился в 250—300 км восточнее столицы Чехословакии, а фронт Р. Я. Малиновского — в 160—200 км от нее с юго-востока. Три фронта, с учетом польских, румынских и чехословацких войск, имели 2 028 тыс. человек, 30 452 орудия и миномета, 1960 танков и САУ, 3014 боевых самолетов против соответственно 900 тыс., 9700, 1900, 1000 в немецко-фашистских войсках.

Оценив военно-политическую обстановку вооруженной борьбы, выгодное соотношение сил и конфигурацию положения советских войск в районе Праги, Ставка ВГК уже в первых числах мая выработала четкий замысел Пражской

операции, избрав наиболее решительную и эффективную форму наступления. Суть стратегического замысла заключалась в том, чтобы нанести два мощных удара по обоим флангам группы армий «Центр» с последующим развитием их по сходящимся направлениям на Прагу. Цель — окружить, рассечь и разгромить вражеские войска в Центральной Чехословакии, не допустив отхода их в Южную Германию, и освободить Прагу.

1-му Украинскому фронту предстояло нанести главный удар из района Дрездена и одновременно наступать центром и левым крылом; 4-му Украинскому — всеми силами; правым крылом 2-го Украинского — из района Брно в направлении Йилгава, Прага и частью сил на Оломоуц. Начало операции было намечено на 7 мая.

Р. Я. Малиновскому и командующему 1-м Украинским фронтом И. С. Коневу необходимо было за трое-четыре суток, которые отводились на подготовку операции, осуществить крупные перегруппировки сил и средств. Родиону Яковлевичу требовалось вывести из боя 6-ю гвардейскую танковую армию и 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу и сосредоточить их на пражском направлении для ввода в сражение. Необходимо было также принять в состав войск 9-ю гвардейскую армию и выдвинуть ее в первый эшелон фронта. Перемещение войск осуществлялось в соответствии с решением иметь в центре главного удара 7-ю гвардейскую общевойсковую и 6-ю гвардейскую танковую армии, правее — 53-ю армию с корпусами 1-й румынской армии и 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу, левее — 9-ю гвардейскую армию. Продвижением 40-й армии совместно с 4-й румынской армией на Оломоуц противник загонялся в мешок перед 4-м Украинским фронтом. Левое крыло 2-го Украинского фронта обеспечивалось наступлением его 46-й армии.

Выполнению смелого замысла способствовала большая партийно-политическая работа по преодолению самоуспокоенности в связи с падением Берлина, психологического барьера в связи с близким окончанием войны, а также по укреплению боевого содружества с воинами братских армий.

5 мая было получено по радио известие о вспыхнувшем в Праге вооруженном восстании. Оно побудило советское командование начать операцию, не дожидаясь завершения перегруппировки войск. Первым обрушил мощный удар 1-й Украинский фронт, начавший перегруппировку и занявший исходное положение на два дня раньше, чем фронт маршала Малиновского, который перешел в наступление 7 мая. К исходу дня соединения 2-го Украинского фронта прорвали тактическую зону вражеской обороны, и Родион Яковлевич ввел в сражение танковую армию. В небе беспрерывно висели самолеты 5-й воздушной армии С. К. Горюнова. Сюда была привлечена и авиация 17-й воздушной армии 3-го Украинского фронта, которой командовал В. А. Судец.

Утром 9 мая после танковых армий и подвижных групп 1-го и 4-го Украинских фронтов с юга в Прагу вступили 6-я гвардейская танковая армия А. Г. Кравченко и 1-я гвардейская конно-механизированная группа И. А. Плиева. Эти генералы сражались вместе с Родионом Яковлевичем почти на всем его боевом пути. Их войска использовались в оперативной глубине противника на решающих направлениях. Особенно отличился своими ошеломляющими рейдами по вражеским тылам Исса Александрович Плиев. Генерал Плиев одним из первых понял возможности конницы, соединенной с танками, и сыграл большую роль в наступательных операциях, придав им высокую мобильность, динамичность и результативность. Одна из прекрасных черт полководческой деятельности Родиона Яковлевича и состояла в том, что он умело использовал военный талант таких командующих, как И. А. Плиев, А. Г. Кравченко, В. И. Чуйков, И. М. Манагаров и другие, и опирался на них и их войска в решении самых сложных задач.

Когда Великая Отечественная война подходила к концу и войска 2-го Украинского фронта ломали сопротивление противника в Чехословакии, партия и Советское правительство удостоили Родиона Яковлевича высшего военного ордена — «Победа».

ГЛАВА XI

В ПОСЛЕДНЕЙ КАМПАНИИ

23 июня 1945 г. был принят Закон Верховного Совета СССР о демобилизации первой очереди военнослужащих сержантского и рядового состава старших возрастов. Первые эшелоны с демобилизованными воинами отправились в путь 5 июля, и с каждой пятидневкой их количество увеличивалось. Данное общегосударственное мероприятие носило исключительно торжественный характер и вылилось в праздник советского народа.

Ставка ВГК еще действовала и использовала движение эшелонов с демобилизованными воинами для оперативно-стратегической маскировки переброски на восток своих ударных сил. На Дальнем Востоке и Тихом океане еще продолжалась война. Боевые действия между Японией и США велись вблизи границ СССР, где Советское правительство вынуждено было четыре года держать не менее 40 дивизий, готовых к отражению японской агрессии. Верный союзническому долгу, Советский Союз готовился к выступлению против Японии, чтобы ликвидировать второй очаг мировой войны и обезопасить свои дальневосточные границы. Для разгрома Квантунской армии милитаристской Японии в мае — июле с запада на Дальний Восток перебрасывалось дополнительное количество войск, в числе которых были два полевых управления фронта, три общевойсковые и одна танковая армии, два механизированных и один танковый корпуса.

В одном из эшелонов для Забайкальского фронта следовало полевое управление бывшего 2-го Украинского фронта во главе с маршалом Малиновским, который был в погонах генерал-полковника и под фамилией Морозова. Рядом с ним находились его начальник штаба генерал армии Захаров — тоже в звании генерал-полковника и под фамилией Золотова и другие военачальники фронта. Большинство из них имели вымышленные фамилии и звания.

Перед отправкой в Читу Родион Яковлевич побывал в Москве. Остановливался там с оперативной группой. После предварительного пятидневного изучения материалов в Генеральном штабе он докладывал в Кремле обстановку и предложения по планированию операции Забайкальского фронта, куда был назначен командующим. В ходе

планировании были определены направления главного и вспомогательных ударов, состав сил и средств и их задачи, решен вопрос с назначением командующих, начальников родов войск и служб и их дублеров.

Главную роль в операции предстояло выполнять Забайкальскому фронту, поэтому он больше других усиливался соединениями и частями западных фронтов, особенно бывшего 2-го Украинского, обогатившимися опытом действий в горных условиях. Из 2-го Украинского фронта прибывали 53-я и 6-я гвардейская танковая и из резерва Ставки ВГК 39-я армии.

Ставка намечала широчайший размах кампании. Фронту предстояло за 20—25 дней продвинуться на 600—800 км. Исходные позиции вдоль границы, с учетом ее изломов и изгибов, предполагалось растянуть до 2000 км по фронту ¹³; основную массу войск — сосредоточить на территории Монгольской Народной Республики. Левое крыло фронта упиралось в северные отроги Большого Хингана, покрытые не проходимой тайгой. Применение противником значительных сил отсюда исключалось. Правое крыло фронта намечалось разместить на безлюдной и безводной пустынной местности

Монголии и Китая. Никаких других войск правее фронта не предвиделось. Общее направление наступления фронта — на юго-восток, навстречу 1-му и 2-му Дальневосточным фронтам, которым предстояло наносить удар соответственно с востока и севера. Ставка планировала концентрическим ударом трех фронтов рассеять Квантунскую армию и уничтожить ее, если она откажется сложить оружие.

Вслед за прибытием руководства в Читу поступила директива Ставки от 5 июля для Забайкальского фронта за подписью И. В. Сталина и А. И. Антонова. В ней определялась цель операции — стремительное вторжение в Центральную Маньчжурию 39, 53, 17-й общевойсковыми и 6-й гвардейской танковой армиями для разгрома основных сил Квантунской армии и выхода главных сил фронта на рубеж Чифын, Мукден, Чанчунь, Чжалантунь. Предписывалось операцию построить на внезапности удара и использовании подвижных соединений фронта, в первую очередь 6-й

гвардейской танковой армии, иметь главную ударную группировку в центре фронта для наступления в общем направлении на Чанчунь через Солунь, предварительно преодолев Большой Хинган; не дожидаясь полного сосредоточения войск 53-й армии, к 25 июля провести и закончить все подготовительные мероприятия по группировке войск, боевому и материально-техническому обеспечению, управлению войсками и быть готовыми к действию.

В Забайкалье Малиновский начал свои действия с рекогносцировки операционных направлений. Рекогносцировочные группы пользовались самолетами. Первым взору Родиона Яковлевича открылось калганское направление вдоль тракта Улан-Батор — Бейпин (Пекин); левее — направление на Долоннор, Жэхэ и еще левее — на Чифын. Все они допускали свободный маневр войск, кратчайшим путем выводили к Ляодунскому заливу и рассматривались Малиновским как одно операционное направление, которое вмещало усиленное армейское объединение. Поэтому казалось возможным нанести на этом направлении сильный танковый удар для выхода к морю. Однако Малиновский отказался от этой мысли из-за отсутствия поблизости железных дорог, населенных пунктов, водоемов и наличия сплошных песков и солончаков. Здесь должна была действовать конно-механизированная группа советско-монгольских войск во главе с генерал-полковником И. А. Плиевым и левее ее — 17-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. И. Данилова.

Вторым рассматривалось направление, которое проходило вдоль Тамцак-Булакского выступа на Таонань. Оно способствовало скрытному сосредоточению войск и допускало одновременное действие двух-трех корпусов. В этой части горы хребта Большой Хинган пологие, по все же они ограничивали маневр войск, особенно механизированных. На пути не было железных и шоссейных дорог, имелись также труднопроходимые перевалы.

Наиболее удачным командующий Забайкальским фронтом считал операционное направление от Тамцак-Булакского выступа на Солунь. Государственная граница здесь ближе подходит к хребту Большой Хинган, и ширина

его до Ванъемяо не превышает 200 км. На нем нет крупных рек и трудных перевалов. Направление кратчайшим путем выводило па Маньчжурскую равнину и на коммуникации солуньской группировки противника и отрезало пути отхода халун-аршанскому гарнизону. Кроме того, левее выступа, из района плацдарма на р. Халхин-Гол через Халун-Аршан на Солунь, проходили железная и шоссейная дороги. Они пролегли меж высоких и крутых гор и являлись вспомогательным направлением. С Тамцак-Булакского выступа Родион Яковлевич наметил нанести главный удар фронта 6-й гвардейской танковой, 39-й и 53-й армиями под командованием генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко, генерал-полковника И. И. Людникова, генерал-полковника И. М. Мапагарова.

Рекогносцировка закончилась на четвертом операционном направлении — Хайлар, Цицикар, Харбин — ось Китайско-Воеточной железной дороги. Направление это очень заманчивое, но хребет Большой Хинган здесь непроходим вне дорог, а они были заперты Маньчжурско-Чжалайнорским и Хайларским укрепленными районами. Серьезным препятствием являлась р. Аргунь (80—120 м шириной и до 1,7 м глубиной). По емкости направление позволяло действия до одной армии, и Малиновский решил использовать на нем 36-ю армию генерал-лейтенанта А. А. Лучинского.

Посоветовавшись с начальником штаба фронта генералом армии М. В. Захаровым по окончательным итогам рекогносцировки, Р. Я. Малиновский на второй день собрал совещание командующих армиями, на котором объявил районы сосредоточения войск, а также подчеркнул, что со всех точек зрения самым обещающим операционным направлением является солуньское с прилегающей к нему с юга полосой местности шириной до 200 км. Он сообщил, что 17-я армия входит в группировку главного удара фронта. Подключение 17-й армии к составу ударной группировки фронта в то время, когда она находилась в большом отрыве от ядра этой группировки, было для некоторых неожиданным. Сам командующий 17-й армией был удивлен, когда на армейском плане операции, в котором действия армии

рассматривались как вспомогательные, Малиновский написал: «Именно действует на фланге главной группировки войск фронта. А вот правее Вас Плиев будет действовать на вспомогательном направлении». Позже Родион Яковлевич объяснил: «Таким решением я придавал активность 17-й армии, гарантию прикрытия солуньского направления с юго-запада, обеспеченность огромного пространства войсками»
[14](#).

В директиве Ставки был опущен вопрос, по которому не было достигнуто договоренности в Москве: где иметь танковую армию на первом этапе операции — в первом эшелоне главной ударной группировки или во втором? Это означало, что вопрос об использовании танковой армии надо решать во фронте.

Дело в том, что Р. Я. Малиновский в Москве доложил И. В. Сталину о целесообразности вести танковую армию во втором эшелоне, чтобы противник не выбил танки на Большом Хингане. Последовало возражение со стороны Генерального штаба. Все понимали, что оно имеет смысл, если к началу операции противник не выдвинет своих сил на хребет. И та и другая позиции не являлись доказуемыми из-за отсутствия данных о намерениях противника. Тогда Верховный Главнокомандующий поручил Р. Я. Малиновскому разобраться на месте и принять решение под личную ответственность.

В результате ряда мероприятий разведывательного характера было подтверждено, что противник по-прежнему располагает главные силы в центральных районах Маньчжурии и не отмечается никаких признаков выдвижения войск к Большому Хингану.

И все же Малиновский не сразу принял решение. Его беспокоило то обстоятельство, что к началу наступления фронта, дата которого не была установлена, японцы могут перегруппироваться. Предусмотрев на этот случай выдвижение вперед мотострелковых соединений, Малиновский принял решение вести танковую армию через Большой Хинган и первом эшелоне главной ударной группировки. Это увеличивало темп наступления и обеспечивало выполнение ближайшей задачи фронта на 5—

10 дней раньше установленного срока для общевойсковых армий.

На случай выдвижения противника к Большому Хингану Родион Яковлевич увеличил состав танковой армии: к двум механизированным и одному танковому корпусам прибавил две мотострелковые дивизии, длительное время находившиеся на Дальнем Востоке и хорошо подготовленные для действий в условиях пустынной и горной местности; две самоходно-артиллерийские бригады и четыре отдельных танковых батальона (всего 1019 танков и САУ, 118 бронемашин, 945 полевых орудий и минометов, 165 зенитных орудий, 6489 автомашин и 948 мотоциклов).

Таким образом, с учетом использования 39-й армии также в первом эшелоне и 53-й во втором в ударную группировку было включено больше половины сил и средств фронта. По расчетам командующего, они должны были на первом этапе операции преодолеть полосу пустынь и гор на глубину 400 км, на втором — достичь района Чанчунь, Мукден, пройдя еще 300—400 км.

Для этого 19 дивизий, 2 механизированных и танковый корпус заняли выгодное исходное положение в восточном выступе территории Монгольской Народной Республики в готовности к действиям по наикратчайшему расстоянию до перевалов через суровый и грозный Большой Хинган и до центральных районов Маньчжурии.

На правом крыле фронта (калганское направление) изготовились конно-механизированная группа советско-монгольских войск и 17-я общевойсковая армия для действий вдоль дорог (по наиболее доступной местности), которые выводили к жизненно важным центрам Внутренней Монголии и Маньчжурии; при этом конно-механизированная группа нацеливалась на Долоннор, Жэхэ, а 17-я общевойсковая армия — для действий вдоль дороги на Чифын между конно-механизированной группой и главной ударной группировкой фронта, фактически являясь ее составной частью.

На левом крыле фронта (хайларское направление) была развернута 36-я армия. Ее главные силы заняли исходное положение в районе Староцурухайтуй, р. Урулюнгуй, то есть

на направлении, наиболее выгодном для форсирования р. Аргунь и выводящем к городу Хайлар в обход Маньчжурско-Чжалайнорского укрепленного района с востока.

В целом Забайкальский фронт ударной группировкой должен был соединиться с главными силами 1-го Дальневосточного фронта в районе Чанчунь, Мукден с задачей совместно со 2-м Дальневосточным фронтом окружить и уничтожить главные силы Квантунской армии.

Наступление 36-й армии на хайларском и конно-механизированной группы на калганском направлениях имело задачей прочно обеспечить фланги ударной группировки фронта, а 17-я армия в свою очередь должна была составить ее правый фланг.

В Москву было послано донесение. Ставка ВГК и Генеральный штаб согласились с решением Малиновского. В соответствии с ним командование фронта приступило к сосредоточению войск, их боевому и материально-техническому обеспечению.

Переброска 39-й армии генерала И. И. Людникова из района Кенигсберга, 53-й армии генерала И. М. Мангарова и 6-й гвардейской танковой армии генерала А. Г. Кравченко из под Праги осуществлялась на расстояние 9—12 тыс. км по единственной, Транссибирской железнодорожной магистрали. Ежедневно на железную дорогу восточнее Байкала подавалось в среднем до 30 поездов в июне и до 22 поездов в июле, следовавших на восток. Такого количества эшелонам не позволяла пропускная способность дороги. Участок базирования Забайкальского фронта от Карымской до Чойбалсана пропускал не более 8 пар поездов в сутки. Чтобы уложиться в запланированные сроки по сосредоточению и развертыванию войск, в Иркутск и Карымскую были высланы специальные группы офицеров, которые определяли, какие части должны следовать до Чойбалсана по железной дороге, а какие — выгружаться между Читой и Карымской для следования своим ходом (моторизованные части и артиллерия на мехтяге). В Чойбалсане те и другие соединились и выдвигались на рубежи развертывания. Передвигавшиеся своим ходом войска покрывали 600—900 км по безводным забайкальским

и монгольским степям, что вызывало большой перерасход горючего. Но другого выхода не было. Решение было оправдано, сроки сосредоточения выдержаны.

Насколько серьезен был вопрос материального обеспечения войск, свидетельствует личная тетрадь командующего Родион Яковлевич с 30 июля по 20 августа ежедневно учитывал количество прибывших грузов во фронт и убывших в армии напрямую или из фронтовых складов. Учет велся в эшелонах, вагонах, платформах, цистернах, машинах, самолетах, тоннах и штуках — в зависимости от характера грузов. Например, за 31 июля 1945 г. записано: «План — 20 эш. I. Всего прибыло — 21. Из них: оперативных — 9, снабженческих — 6 (374 вагона), смешанных — 6. II. Отправлено: по узкоколейке: всего — 155 вагонов, пз них: а) Кравченко: боеприпасов — 39 вагонов, продовольствия — 20, горючего — 36; б) Худякову: боеприпасов — 20 вагонов... По грунту: ... в) Людникову (своим автотранспортом): продфураж — 172 автомашины, горючее — 56 автомашин...».

Судя по записям, Родиона Яковлевича весьма тревожило обеспечение войск, особенно танковой армии, горюче-смазочными материалами. Так, уже в ходе боев для 6-й гвардейской танковой армии 12 августа 1945 г. «отправлено: самолетами: автобензина 35 т, дизтоплива 32 т, масла 10 т; автотранспортом: автобензина 158 т, дизтоплива 102 т, масла 107 т...». Из записей видно, что с 16 августа горюче-смазочные материалы в далеко ушедшие боевые войска доставлялись только по воздуху.

Командование беспокоил вопрос обеспечения скрытности перегруппировки, но сохранить от японцев в полной тайне переброску огромного количества войск и материалов через всю Сибирь по одной железной дороге, пусть даже под видом передвижения демобилизованных воинов и перегруппировки танковой армии без танков, было невозможно. Тем более что в Чите находилось японское консульство, которое наблюдало движение воинских эшелонов и транспортов к границе, а в пограничном советско-маньчжурском районе были установлены мощные подзорные трубы, в которые специальные команды наблюдали за

советской стороной. Число таких постов на севере и против Внешней Монголии достигало 40.

Но от противника можно и нужно было сохранить в тайно группировку советских войск и направление главного удара. С этой целью Родион Яковлевич подписал ряд приказов, в результате чего были осуществлены следующие мероприятия: отселено все гражданское монгольское население из приграничной полосы в глубь республики; радиостанции не работали; заранее произведены командирские рекогносцировки; взяты под охрану и оборону фронтовые и армейские коммуникации. В самом начале планирования операции Родион Яковлевич приказал начальнику штаба фронта строго выполнять директиву Ставки ВГК, которая допускала к разработке плана операции в полном объеме только Военный совет и начальника оперативного управления. Начальники родов войск и служб допускались к разработке специальных разделов плана без ознакомления с общими задачами Фронта. Малиновский ставил задачи командующим армиями лично, без вручения письменных директив. Порядок допуска к разработке планов операций армий устанавливался такой же, как для фронта. Вся документация по планированию за фронт хранилась в сейфе Малиновского, а планы армейских операций — в сейфах командующих армиями. Переписка и переговоры с начальником Генерального штаба по вопросам, связанным с планом операции, велись только через Малиновского.

Принятые меры дали положительные результаты. «Японцам так и не удалось получить ценной информации, достаточной для представления о передвижениях Красной Армии на Дальнем Востоке» — констатировал военнопленный японский генерал Мацумура.

Примерно в это время в штабе Квантунской армии было проведено секретное совещание при усиленной охране и патрулировании чанчуньских улиц и вокзалов. В нем принимали участие командующие 3-м фронтом Усироку и 44-й армией Хонго из Мукдена, 4-й отдельной армией Чэмура из Цицикара, 30-й и 2-й воздушной армиями из Чанчуня.

На совещании говорилось, что, по данным генштаба японской армии и японского консульства в Чите, русские накапливают силы под прикрытием передвижения демобилизованных советских воинов. Информирова об этом, командующий Квантунской армией Ямада требовал от имени императора драться до последнего солдата в случае военных действий Советской Армии против Японии. Далее он сообщил о необходимости уточнения оперативного плана, разработанного японской ставкой весной 1945 г. Выступивший на совещании начальник штаба Квантунской армии генерал Хата заявил, что вероятным направлением главного удара советских войск он считал направление со стороны Монгольской Народной Республики — от Тамцак-Булакского выступа, так как оно создавало открытые подступы к Чанчуню. По его мнению, через южные отроги Большого Хингана также возможно главное направление удара, так как они представляли собой невысокие и легко проходимые возвышенности.

Основные силы западного сектора Квантунской армии были сосредоточены в Маньчжурской равнине, что соответствовало новому оперативному плану ставки. А именно: войска 3-го фронта (30-я, 44-я армии и отдельные соединения) занимали районы Чанчуна, Мукдена фронтом на запад и северо-запад, а 4-я отдельная армия — впереди них фронтом на северо-запад.

Задачи: главной группе войск — прикрыть подступы к железной дороге Чанчунь — Дайрен, не допустить выхода Советской Армии в этот район и Корею и находиться в готовности к нанесению мощного контрудара именно из этих районов; войскам 4-й отдельной армии — остановить противника по линии хребтов Малый и Большой Хинган, а в случае отступления — увеличить плотность войск района основного сопротивления.

Границу предстояло оборонять заслонами 4-й отдельной армии и 10-го военного округа Маньчжурской армии, разместившимися в старых укрепленных районах. Наиболее мощным по силам и средствам обороны являлся Хайларский укрепленный район, снабженный подземными галереями и представлявший собой неприступную крепость. Войскам

здесь было приказано стоять насмерть. Командующий 10-м военным округом Маньчжурской армии генерал Гоу Венлин на это совещание не приглашался. Вся опора была на японские войска и их генерала Чэмуру.

Суть замысла ставки сводилась к тому, чтобы упорным сопротивлением японских частей в приграничных районах задержать советские войска на восточных отрогах Большого Хингана. И только в случае усиления натиска и большого превосходства сил — отступить на линию Тумынь, Чанчунь, Дайрен, охраняя территорию Кореи от проникновения противника, и одновременно готовиться к военным операциям большого масштаба по плану ставки.

Располагать силы западнее было невыгодно, так как не имелось заранее подготовленных оборонительных рубежей. Подготовка маньчжурского театра по новому плану началась весной 1945 г. и к этому времени не закончилась. Предполагалось закончить осенью. Проводилось строительство оборонительного рубежа Сахалян, Бухэду, Учагоу, Ваньмяо, Таонань, Тунляо и Жэхэ. По плану предусматривалось строительство дополнительных укрепленных районов внутри Маньчжурии, но к строительству этой, второй, очереди укреплений японцы еще не приступили. По их мнению, линия Тумынь, Чанчунь, Дайрен в укреплениях не нуждалась, поскольку проходила по горно-лесистой местности.

— Всего этого недостаточно, — заметил Усироку.

— Что Вы можете предложить, господин Усироку? — спросил Ямада.

— Пожалуй, ничего. По-видимому, уже поздно. Тем не менее я считаю, что главный наш конек — Большой Хинган, а мы его оставляем фактически открытым и собираемся дать решающий бой на равнине. Это создает опасность, особенно если русские будут применять тяжелые танки.

— Ставка оценивает силы советских войск на Дальнем Востоке в 30—40 дивизий, преимущественно стрелковых, что не дает перевеса над Квантунской армией¹⁵, — сказал Ямада.

Разъехались далеко не удовлетворенными тем, что не получили ясности о противнике и его намерениях. Не совсем понятен был план действий, не хватало уверенности в победе. На словах верило в нее только руководство Квантунской армии. Командующие армиями не высказали своего отношения.

И как далеки они были от реального положения вещей. Советская Армия готовила японским милитаристам удар мощной силы. Дальневосточные фронты вместе с военноморским флотом насчитывали 1 747 465 воинов, 5250 танков и самоходно-артиллерийских установок, 29 835 орудий и минометов, 5171 самолет против 1 млн. человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 самолетов противника.

Только Забайкальский фронт приготовил к наступлению 3!) дивизий, 45 бригад и 54 отдельных полка основных родов сухопутных войск, 582 тыс. воинов, 2,4 тыс. танков, 9,0 тыс. орудий и минометов, 1,33 тыс. самолетов.

Против него за сопками и Большим Хинганом имелось 2А дивизии, 407 тыс. солдат, 385 танков, 1,15 тыс. орудий, 130 самолетов противника.

К исходу 3 августа 1945 г. войска 39-й армии И. И. Людникова и 53-й армии И. М. Манагарова совершили выдвижение в намеченные районы сосредоточения, с тем чтобы мороз сутки вместе с остальными войсками Забайкальского фронта быть в 50—60 км от границы и принять команду к началу действий. Для окончательной подготовки войск к наступлению и подвода их к государственной границе требовалось трое — пятеро суток. Докладывая об этом лично И. П. Сталину и А. И. Антонову, маршал А. М. Василевский просил не позднее 5 августа установить дату начала войны, поскольку к тому времени будет обеспечена полная подготовка войск к боевым действиям. Задержка войск на месте будет нежелательной с точки зрения обеспечения внешности. Лучшим сроком начала действий главком предлагал 9—10 августа вместо ранее намеченного 11 августа.

7 августа Забайкальский фронт получил приказ Д. М. Василевского о начале действий против Японии: передовыми отрядами перейти границу 8 августа в 24 часа по забайкальскому времени, или в 18 часов по московскому. Главные силы должны были пересечь границу не позднее 4 часов 30 минут 9 августа по забайкальскому времени

Штаб фронта переместился на главное направление в Матат-Сомон, а накануне боевых действий Родион Яковлевич с оперативной группой расположились еще ближе к границе — в Тамцак-Булаке.

Поздним вечером Малиновский вышел на прогулку. К нему подошел Матвей Васильевич.

— Что по ту сторону? — спросил Родион Яковлевич.

— Никаких движений, как будто бы знают и ждут...

— Вполне возможно. Как насчет светомаскировки?

— Подготовили директиву. Александр Николаевич ее уже подписал, — ответил М. В. Захаров.

Речь шла о генерале А. Н. Тевченкове. Во 2-м Украинском фронте он занимал должность начальника политического управления, с марта 1945 г. стал членом Военного совета фронта. В этой же должности прибыл на восток вместе с Родионом Яковлевичем. Александр Николаевич обладал большим опытом партийно-политической работы, приобретенным в боевых условиях на западе.

Подготовленная директива гласила, что с 12 часов по местному времени 9 августа вводится военное положение на всей территории Читинской области, согласно которому от населения и органов местной власти требуется соблюдать спокойствие, дисциплину, порядок, светомаскировку, оказывать помощь и содействие военному командованию в использовании местных сил и средств для нужд обороны и в обеспечении общественного порядка и безопасности.

Родион Яковлевич подписал директиву и приказал передать текст в 23 часа по забайкальскому времени.

Командующий и начальник штаба уже знали, что через несколько минут Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов примет японского посла Сато и сделает ему от

имени Советского правительства заявление, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Миопией

Утром 9 августа весь мир был оповещён по радио о заявлении Советского Союза. Его читали на первых полосах газет и ждали вестей с фронта. А тем временем советские воины уже шли по Маньчжурии, начав свой исторический поход в 00 часов 10 минут по читинскому времени передовыми отрядами и в 4 часа 30 минут — главными силами.

Наступление началось без артиллерийской и авиационной подготовки. Лавина техники и людей смяла японско-маньчжурские заслоны на всех направлениях и устремилась вперед.

Передовые части 6-й гвардейской танковой армии 11—12 августа преодолели Большой Хинган и заняли город Лубэй у восточного подножия Хинганского хребта. 14 августа передовой отряд левой колонны, несколько отставший при преодолении Большого Хингана, вступил в Таонань, расположенный также на восточной стороне хребта.

Находясь со своим подвижным командно-наблюдательным пунктом в танковой армии, Родион Яковлевич с радостью узнал, что танкисты вышли на противоположные скаты Большого Хингана раньше установленного срока, создав условия для прохождения горной полосы войсками 53-й армии. Первыми он встретил 227-ю и 317-ю стрелковые дивизии под командованием полковников С. З. Петрова и М. И. Добровольского, которые доложили о состоянии части и их задачах.

Из района Лубэй, Таонань танковая армия двинулась в сторону Чанчуня и Мукдена. Правая колонна в составе 5-го танкового и 9-го механизированного гвардейских корпусов у Кайлу вступила в район, где вследствие прошедших дождей дороги превратились в сплошное болото. Произошла заминка. Дошло до командующего армией, и предприимчивый генерал Кравченко принял решение, которое одобрил Малиновский: танки шли 120 км по полотну железной дороги. От сильной тряски выходили из строя

радиостанции, танки разрушали железнодорожное полотно, но другого выхода не было. 19 августа передовые части колонны главных сил находились в 100—120 км от Чанчуня.

39-я армия с исходного положения выступила тремя колоннами. 113-й стрелковый корпус, имея впереди 61-ю танковую дивизию, составил правую колонну и двигался в нескольких десятках километров южнее центральной колонны в обход Солуня и Ванъемяо с юга. 5-й гвардейский стрелковый корпус наступал в центре, в направлении Солунь, Ванъемяо. В левой колонне находился 94-й стрелковый корпус, наступавший на Халун-Аршан и далее на Хайлар. В боях до перевалов через Большой Хинган армия разгромила 107-го японскую пехотную дивизию, затем преодолела хребет и вышла в тыл солуньской группировки вражеских войск. К 19 августа главные силы завершили преодоление полосы гор и вступили на Маньчжурскую равнину. И здесь из-за отсутствия удобных дорог для движения использовалось полотно железной дороги Солунь — Таонань.

Правофланговая группировка советских войск — конно-механизированная группа и 36-я армия на левом крыле фронта успешно продвигались вперед главными силами. На калганском направлении войска вошли в оперативное взаимодействие с Народно-революционной армией Китая, наступавшей в Северном Китае частью сил на Калган и по берегу Ляодунского залива.

Таким образом, за короткое время фронт разгромил калганскую, солуньскую и хайларскую группировки вражеских войск, овладев Чжанбэйским, Учагоуским, Халун-Аршанским, Маньчжурско-Чжалайнорским и Хайларским укрепленными районами, форсировал приграничную пустынно-гористую полосу и, оставив в тылу часть соединений для блокирования и пленения противника в отдельных узлах сопротивления, успешно продвигался главными силами в глубь Маньчжурии.

На второй день наступления советских войск в штаб фронта начали поступать сообщения о решении японского правительства принять условия капитуляции.

Вскоре в войска фронта был передан приказ командующего следующего содержания: «Не обращать

внимания на радиосообщение о возможной капитуляции Японии, а продолжать выполнение поставленных задач, не снижая темпов наступления. Получение подтвердить. 10.8.45 г. 24.00».

Верховное командование Квантунской армии не случайно не доверяло командующему маньчжурскими войсками. Он подозревался в стремлении к национальной независимости. Утром 11 августа командующий принял решение расправиться с японскими офицерами, препятствовавшими капитуляции. После этого он послал в части Советской Армии парламентариев и сдался в плен с большой группой солдат и офицеров в 40 км юго-западнее Хайлара, в районе Шинхэна ¹⁶.

В этот день фронтовая газета «Суворовский натиск» опубликовала экстренное сообщение ТАСС: «Вчера, 10 августа, у советского посла в Японии Я. А. Малика состоялась встреча с японским министром иностранных дел господином Того». Последний сделал следующее заявление: «Японское правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось Советское правительство. Японское правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии. Японское правительство просит определенного уведомления по этому поводу». Господин Того также сообщил, что аналогичное заявление передано правительствам США, Англии и Китая через Швецию.

Английское радио сообщило, что в Японии имеется оппозиция такому решению: военный министр возражает против капитуляции и от имени императора призывает все вооруженные силы Японии продолжать войну¹⁷.

Тем временем армии Р. Я. Малиновского стремительно продвигались в глубь Маньчжурии, захватывая много пленных и трофеев, подтягивая и закрепляя тылы, а также уничтожая узлы сопротивления оставленными для этих целей частями.

14 августа правительство США получило через Швецию сообщение из Японии: «...его величество император издал

императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской декларации... готов санкционировать и обеспечить подписание необходимых условий... готов дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий Союзных вооруженных сил в целях осуществления вышеуказанных условий» ¹⁸.

На этот раз Родион Яковлевич счел целесообразным, не ослабляя наступления, лично связаться с Генеральным штабом и запросить общеполитическую обстановку. По-видимому, такие же запросы последовали и от других командующих фронтами.

Начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов разъяснил: «Сделанное японским императором от 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией. Приказ о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Капитуляцию можно будет считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться. Ввиду изложенного, Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

И наступление продолжалось. Тщательно отлаженная военная машина действовала безукоризненно. Нарезались все новые и новые разграничительные линии между армиями. Одно за другим посылались в войска боевые распоряжения, уточнявшие направления и задачи продвижения вперед.

6-я гвардейская танковая армия А. Г. Кравченко подходила к Чанчуню и Мукдену — основным стратегическим центрам врага. Конно-механизированная группа И. А. Плиева и действовавшие юго-восточнее ее части 8-й НРА перерезали сообщения между Маньчжурией и Северным Китаем, изолировав таким образом Квантунскую армию от

группировки японских войск в Китае. Квантунская армия разваливалась. В плен сдавались большие партии японских и маньчжурских солдат и офицеров. Стала очевидной гибель некогда грозной армии.

В 18 часов 05 минут 17 августа по радио был перехвачен приказ Ямады о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия советским войскам. Авиаразведка отмечала движение железнодорожных эшелонов из Центральной Маньчжурии на юг и юго-восток. Японцы пытались спасти имущество и награбленные ценности. Перерезать пути могла только 17-я армия: она ближе всех находилась к морю. Родион Яковлевич принял решение выделить от каждого корпуса армии подвижный отряд. Состав: самоходный артдивизион, истребительно-противотанковый артиллерийский полк, стрелковый батальон на автомашинах. Задача: к утру 20 августа выйти в район Чифына, ближе к морю.

Утром 18 августа началась массовая сдача в плен вражеских войск. Капитулировал гарнизон Хайларского укрепленного района во главе с генералом Номурой. Колебания японского императора были сломлены, сопротивление войск падало.

Во фронт поступил приказ из Москвы. Маршал Р. Я. Малиновский немедленно, то есть в 12 часов, довел его до командиров полков включительно: «Советская Ставка Верховного Главнокомандования требует прекратить боевые действия на тех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен...» ¹⁹

Однако Ямада по указанию из Токио не шел на безоговорочную капитуляцию, желая переговорами затянуть время и спасти от полного разгрома основную военную силу Японии.

Курс Советского Верховного Главнокомандования был один — никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция. 19 августа в воздух поднялся самолет с десантом на борту и взял курс на Чанчунь. Одновременно генералу Ямаде была послана предупредительная радиogramма следующего содержания: «Сегодня 19 августа в

8 часов парламентарская группа в составе пяти офицеров и шести рядовых, возглавляемая уполномоченным командующего Забайкальским фронтом полковником Артеменко И. Т., самолетом СИ-47 в сопровождении девяти истребителей отправлена в штаб Квантунской армии с ультиматумом о безоговорочной капитуляции и прекращении сопротивления. В последний раз требую обеспечить и подтвердить гарантию на перелет. В случае нарушения международных правил вся ответственность ляжет на Вас лично» ²⁰.

Ямада негодовал от злобы и собственного бессилия. В его штабе началась суматоха. Но деваться было некуда, и он согласился обеспечить безопасность парламентаров.

В 12 часов 125 десантников сводного отряда 30-й мехбригады приземлились в Чанчуне на транспортных самолетах вместе с группой парламентаров. Через 75 минут в Мукдене высадился советский десант численностью 225 человек во главе с генерал-майором А. Д. Притулой.

Командующему Квантунской армией в Чанчуне генералу Ямаде и почти одновременно начальнику мукденского гарнизона (он же командующий 44-й армией) генералу Хонго было вручено требование маршала Р. Я. Малиновского о полной капитуляции. После некоторых проволочек, но видя иного выхода, генерал Ямада и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзинхуэй, оказавшийся в Мукдене, вынуждены были подписать акт о безоговорочной капитуляции.

— Родион Яковлевич! Получен сигнал, что с десантами все в порядке, — доложил по телефону Матвей Васильевич.

— Кажется, все, — сказал Малиновский находившемуся рядом А. Н. Тевченкову. Оба с нетерпением ожидали исхода: слишком памятен был будапештский пример.

— Поздравляю, Матвей Васильевич! Немедленно отправляй комендантов, как договорились, — распорядился Малиновский.

М. В. Захаров отдал последние распоряжения, и в воздух на Чанчунь поднялся самолет, в салоне которого находился генерал-майор Ф. С. Карлов с отрядом в 19

человек, а на Мукден — генерал-майор А. И. Ковтун-Станкевич с группой советских солдат и офицеров.

Коменданты приземлились на военных аэродромах, которые находились уже в руках советских воинов. За ними последовали очередные службы, а затем сухопутные отряды 7-го мехкорпуса и полностью 210-я стрелковая дивизия.

Город Чанчунь издавна привлекал внимание японских захватчиков выгодным географическим положением: он являлся узлом железных дорог, крупным торговым и промышленным пунктом, административным центром провинции Цзилинь (Гирин) и располагался на р. Итунхэ Сунгарийского водного бассейна. Около 14 лет город склонял голову перед японским оружием и служил столицей японского марионеточного государства Маньчжоу-Го. В нем имелось пять высших XI десять средних учебных заведений и много мрачных казарм и военных складов. Сейчас в городе жизнь замерла. Японские чиновники, руководители учреждений и предприятий бежали. В крупнейшем здании города размещался деморализованный штаб «великой» армии. В казармах ждали распоряжений части 148-й и 117-й японских пехотных дивизий, жандармские и другие специальные подразделения японцев. Среди них был маньчжурский отряд войск численностью до 3 тыс. человек под командованием полковника Чо. Кругом — долговременные сооружения, незаконченное строительство противотанковых рвов, баррикады и надолбы на улицах. По всему было видно, что город готовился к длительному сопротивлению. Радиоузел, телефонная станция, электростанция и банк Маньчжоу-Го уже охранялись советскими солдатами из первой группы.

Быстро уточнив обстановку на месте через И. Т. Артеменко, комендант прибыл к Ямаде и предложил отдать приказ войскам о выполнении условий капитуляции. В этот же день японские части вышли за город в указанные пункты и сложили оружие, которое доставлялось на склады и первое время охранялось японцами. Для этой цели Ямада выделил 1500 солдат из армии и 500 человек из жандармерии. С прибытием полка советской стрелковой дивизии в ночь на 23 августа была заменена часть японских караулов, а утром 24 августа, когда в город вошла вся дивизия, — остальная часть.

Оборонительные сооружения разрушались силами местного населения. Постепенно восстанавливалась городская жизнь.

Тем временем советские войска продвигались к намеченным пунктам, разрушая японские оборонительные точки, восстанавливая железнодорожные пути на освобожденной территории, разоружая капитулировавшие штабы и войска.

Однако на пути к цели Забайкальский фронт испытывал немалые трудности из-за большого перерасхода горючего, вызванного динамичностью действий войск, большими расстояниями и климатическими условиями. Военный совет фронта непрерывно просил вышестоящие органы об увеличении лимита. И вот по этому поводу к исходу 24 августа состоялся разговор по прямому проводу:

— У аппарата маршал Василевский.

— Я Вас слушаю, Александр Михайлович.

— Звонили из Ставки. Выразили недовольство тем, что Вы безмерно расходуете горючее и просьбам нет конца.

— Тут какое-то недоразумение. Надо настаивать.

— И все же хотелось бы просить Вас, Родион Яковлевич, принять более энергичные меры по экономии горючего.

— Александр Михайлович! Фронт за 14 суток продвинулся на тысячу километров, базируясь только на автотранспорт. 75 процентов автотранспорта стоит без горючего на бездорожье в диких степях Внешней и Внутренней Монголии, где хватает одной заправки только на 80—100 километров. Так как же быть дальше?

— Продолжайте настойчиво ходатайствовать, я буду поддерживать. К тому же, возможно, все скоро закончится. Доверительно сообщаю, что завтра, в час ночи по местному времени, вылетит в город Манилу наш генерал Деревянко для подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Маршал А. М. Василевский сдержал слово. По его ходатайству правительство увеличило лимит расхода горючесмазочных материалов до конца месяца в связи с быстрым продвижением войск Забайкальского фронта, плохим состоянием дорог и удлинением коммуникаций

подвоза. Фронт дополнительно к плану получил 10 тыс. тонн горючего всех видов. Вместе с тем главком издал приказ об экономии горючего и ввел систему контроля за его расходом.

За операцию фронта в Маньчжурии Родиону Яковлевичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Вместе с ним орденов были удостоены видные военачальники фронта, генералы, офицеры и солдаты, героическими действиями которых был ускорен финал восточной кампании Великой Отечественной, а с ней и всей второй мировой войны.

ГЛАВА X

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

После разгрома Квантунской армии и подписания 3 сентября 1945 г. акта о капитуляции Японии на Дальнем Востоке заметно оживилась деятельность США по завоеванию утраченных японскими империалистами позиций в Азии и бассейне Тихого океана: готовили заключение сепаратного мирного договора с Японией, игнорировали решения Потсдамской конференции по демилитаризации и демократизации Японии.

В этой обстановке Коммунистическая партия и Советское правительство приняли меры по защите дальневосточных границ. В сентябре — октябре 1945 г. на базе Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов были образованы Забайкальско-Амурский, Приморский и Дальневосточный военные округа. Командующим войсками Забайкальско-Амурского военного округа был назначен Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-лейтенант А. П. Тевченков, начальником штаба — генерал-лейтенант Е. Г. Троценко.

Одновременно была определена временная дислокация войск в прежних районах Маньчжурии и поставлена задача обеспечения выполнения условий советско-китайского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., по которому официально признавалось гоминьдановское правительство и советское командование разрешало вступление национальной армии в Маньчжурию.

Размещение штаба округа предусматривалось в Хабаровске, и Родион Яковлевич приступил к передислокации туда управлений командующих родами войск. Оперативная группа штаба округа с командованием продолжала оставаться в Чанчуне.

В конце 1945 г. — начале 1946 г. работа Военного совета округа и его командующего определялась практической деятельностью по обеспечению вывода советских войск из Маньчжурии, организацией обучения войск по программе боевой и политической подготовки на зимний период. Своеобразное положение войск округа, когда одна их часть дислоцировалась на территории СССР, а другая — в Маньчжурии с непрерывным передвижением подразделений и тыловых учреждений в сторону советско-маньчжурской границы, требовало от Родиона Яковлевича огромного физического напряжения и особой предусмотрительности.

Большую работу штаб округа в это время проводил по оказанию помощи в нормализации жизни в Маньчжурии, где активно действовали различные террористические банды. Местные подпольные вооруженные отряды и отряды смертников бесчинствовали, совершая преступления не только против мирного населения, но и советских военнослужащих и команд, оказавшихся в отрыве от гарнизонов. Так, в ноябре 1945 г. бандиты зверски расправились с советской районной комендатурой в Чанчуне.

Необходимость окончательной ликвидации террористических банд вызывалась еще и тем, что требовалось обезопасить тылы советских войск и расчистить маршруты и прилегающую к ним местность в связи с выводом советских войск из Маньчжурии.

В этих целях маршал Малиновский приказал создать сильные подвижные отряды, предусмотреть взаимодействие между ними и штабами армий, наметить полосы прочесывания, отработать безупречную связь и организовать разведку; банды разоружать, а в случае сопротивления — уничтожать.

Операция трех отрядов началась 18 февраля в районах Цицикара, Харбина, Чанчуня, Цзямусов и закончилась 9

марта 1946 г. В результате боевых действий против бандитских групп на территории Маньчжурии за это время было разгромлено 26 банд общей численностью до 10 тыс. человек.

Значительную работу Военный совет округа проводил по подготовке первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР. Деятельность политорганов, партийных и комсомольских организаций была тесно связана с системой политзанятий в соответствии с требованиями Главного политического управления. Партийные и комсомольские собрания, периодическая печать подводили итоги и ставили новые задачи навстречу выборам. Все это вызывало большой политический подъем среди бойцов и командиров, заявлявших о готовности отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

4 января 1946 г. в танковом соединении округа состоялось выдвижение кандидатуры Р. Я. Малиновского в депутаты Верховного Совета СССР. Один из ораторов говорил: «Маршал Малиновский водил нас в бой, с ним ходили мы в атаки, его мы видели в боях и сражениях. Мы знали, что нами командует испытанный полководец, мы верили в него, и он всегда оправдывал наше доверие».

Огромной любовью и глубоким уважением пользовался Родион Яковлевич среди солдат и офицеров. И в последующие годы он не раз избирался депутатом местных и центральных органов государственной власти. В декабре 1947 г. окружная газета «Суворовский натиск» писала о нем как о кандидате в депутаты местного совета: «...и, как в былые дни, на фронте, маршал все свои силы и свой богатейший военный опыт отдает делу укрепления Советских Вооруженных Сил. Он по-прежнему большую часть своего времени проводит в войсках».

Непосредственная связь с народом, воинами была характерна для маршала Малиновского до последних дней его жизни.

В Начале апреля 1946 г. начался окончательный вывод советских войск из Маньчжурии, завершить который намечалось в конце апреля.

7 апреля воины округа покинули Чанчунь. Их провожало 250 тыс. горожан. В городском парке на митинге было зачитано приветственное письмо на имя генералиссимуса И. В. Сталина в знак признательности Советскому Союзу. Оно написано на огромном куске шелковой ткани и подписано 130 тыс. жителей Чанчуня. В письме отмечалась историческая заслуга Советской Армии в освобождении 45-миллионного населения Маньчжурии от японского гнета и выражалась благодарность ее воинам. Мэр города вручил три знамени и три «кубка победителя» — маршалу Р. Я. Малиновскому, начальнику гарнизона и коменданту города.

Торжественные проводы советских войск в Харбине 22 апреля 1946 г. вылились в мощную демонстрацию солидарности с Советской Армией, завершившей свою освободительную миссию.

В мае 1947 г. на базе Забайкальско-Амурского военного округа было сформировано управление главнокомандующего войсками Дальнего Востока с подчинением ему Приморского и Дальневосточного военных округов, которое просуществовало до конца апреля 1953 г. Главнокомандующим был назначен Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальником штаба — генерал армии М. А. Пуркаев.

В июне 1953 г. было создано управление одного военного округа на Дальнем Востоке — Дальневосточного. Командующим войсками округа был Р. Я. Малиновский, членом Военного совета — генерал-майор С. П. Васягин, начальником штаба — генерал-лейтенант Н. А. Ломов.

Деятельность Р. Я. Малиновского на посту главкома, а затем командующего округом была подчинена главной задаче — обеспечению надежной защиты советских рубежей, боевому совершенствованию войск в связи с развитием боевой техники и ростом технической оснащенности войск.

Учеба проводилась на основе опыта Великой Отечественной войны и боев в Маньчжурии. Малиновский ставил своей целью подготовить бойца, отделение, взвод и более крупные подразделения, а также части к решению

боевых задач во взаимодействии с другими родами войск в сложных условиях Забайкалья и Дальнего Востока. В зимней программе были заложены повышенные требования к тактической, огневой, строевой и физической подготовке солдат, сержантов и офицеров.

Родион Яковлевич рассматривал эти требования как требования войны и решительно выступал против всякого рода формализма и условностей. Он добивался и нацеливал работу политорганов, партийных и комсомольских организаций на то, чтобы в основу учебы было положено изучение уставов, наставлений и боевого опыта минувшей войны.

В июне и августе 1946 г. были введены в действие Дисциплинарный устав и Устав внутренней службы Вооруженных Сил СССР. В начале 1947 г. войска получили Строевой устав Вооруженных Сил СССР. Эти нормативные документы легли в основу дальнейшего воспитания и обучения войск, работы командиров и политработников по укреплению дисциплины и наведению уставного порядка в подразделениях.

Исключительно большое внимание в боевой подготовке войск и штабов Родион Яковлевич уделял обобщению и распространению передового опыта учебы путем проведения инспекторских проверок, учений, совещаний, соревнований и выступлений передовиков в периодической печати.

Инспекторская проверка частей и соединений, проведенная летом 1947 г., выявила положительные моменты в ночных действиях пехоты, в тактике ночной стрельбы артиллерии с танками, в маневре войск в ходе ночного боя и т. д. На осенних 1947 г. тактических учениях воины-дальневосточники совершенствовали тактику действий в горно-таежной местности, где оборона противника предполагалась очаговой на господствующих высотах с многоярусным огнем. В таких условиях наиболее способными совершить обход, охват, а затем окружение и уничтожение отдельных изолированных очагов сопротивления противника были рота, батальон. В этих боях исключительную роль приобретает пехотное оружие — минометы, пулеметы, карабины, автоматы, гранаты. Поэтому не случайно Родион

Яковлевич придавал большое значение совершенствованию меткой стрельбы. Он лично поощрял инициаторов скоростной стрельбы в округе, а летом 1948 г. по его инициативе было проведено второе стрелковое соревнование дальневосточной зоны по стрельбе из винтовки.

11 июня 1948 г. было проведено двухдневное совещание лучших старшин войск Дальнего Востока, на котором выступил главком. Он призвал участников совещания рассказать у себя о том, что нужно предпринять для дальнейшего повышения боеготовности частей, укрепления дисциплины и организованности в подразделениях в соответствии с требованиями уставов и других армейских законов, утвержденных Президиумом Верховного Совета СССР.

С целью совершенствования методического мастерства руководителей политзанятий при окружном Доме офицеров был создан лекторский актив. Лекции читались в частях и подразделениях. Это способствовало усилению агитационно-пропагандистской работы среди солдат, сержантов и офицеров, повышало политическую сознательность вооруженных защитников Родины.

Опыт работы передовых парторганизаций рот и батарей обобщался на гарнизонных совещаниях секретарей. Как правило, они организовывались и проводились оргинструкторским отделом политического управления округа совместно с редакцией газеты «Суворовский натиск», внесшей большой вклад в дело распространения всего передового в боевой деятельности фронта и жизни войск Дальнего Востока.

Родион Яковлевич внимательно следил и принимал непосредственное участие в военно-патриотическом воспитании воинов и гражданской общественности, выступая с докладами на партийных и комсомольских конференциях, различных юбилейных торжествах.

Так, в декабре 1953 г. маршал Малиновский выступил на краевой конференции ДОСААФ. Он призвал молодежь повысить военно-спортивное мастерство, учитывая

современную военно-техническую вооруженность войск и появление оружия массового уничтожения.

Подготовка войск на случай вооруженной защиты интересов Родины на Дальнем Востоке была тесно увязана с техническим перевооружением частей и соединений. Оно стало возможным в конце 40 — начале 50-х гг. благодаря быстрому развитию послевоенной экономики, успешному решению ряда научно-технических проблем. В сухопутные войска в эти годы поступили новое пехотное автоматическое оружие, новые образцы артиллерийских орудий, танков, бронетранспортеров и автомобилей. Военно-воздушные силы и Тихоокеанский флот оснащались реактивными самолетами и другой новой боевой техникой и вооружением. К началу 1954 г. в Дальневосточный военный округ стало поступать ядерное оружие различной мощности.

В связи с этим совершенствовались способы боевой деятельности войск, повышались нормативы в огневой и тактической подготовке, неотложной задачей явилось изучение боевой техники и атомного оружия, способов их применения и защиты от них. Потребовались большие усилия маршала Р. Я. Малиновского, членов Военного совета, партийно-политического аппарата, всех командиров и политработников по реорганизации управления военного округа, совершенствованию организации войск, расстановке кадров, программ обучения и воспитания воинов. Надо было помочь командному и политическому составу осознать и глубоко усвоить сущность революции в военном деле, ввести войска в новые условия ведения боя. Округ справился с этими задачами. Повысился уровень военно-технических знаний. Войска были обучены действиям в условиях использования атомного оружия, способам защиты от поражения радиоактивными веществами, умению проводить дезактивацию участков местности, дорог, позиций и техники.

С полным основанием Родион Яковлевич утверждал, принимая парад войск Хабаровского гарнизона в мае 1954 г., что «если империалисты, уповая на атомное оружие, решатся на безумие и захотят испытать силу и мощь Советского Союза, то можно не сомневаться, что агрессор будет подавлен тем же оружием и что подобная авантюра

неизбежно приведет к развалу капиталистической общественной системы».

¹ *Суворовский натиск, 1954, 1 мая.*

Таким образом, десятилетняя деятельность Р. Я. Малиновского во главе войск Дальнего Востока обогатила его опыт военачальника, военного мыслителя, крупного организатора. В условиях военно-технической революции в военном деле она особенно ярко свидетельствовала о таланте видного военного деятеля.

Партия, ее Центральный Комитет высоко оценили заслуги и выдающиеся способности маршала Р. Я. Малиновского. В марте 1956 г. он назначается главнокомандующим Сухопутными войсками и первым заместителем Министра обороны, а в октябре 1957 г. — Министром обороны СССР.

Став Министром обороны СССР, маршал Р. Я. Малиновский ничем внешне не изменился. Он, как всегда, оставался спокойным, но твердым в своих решениях, отдавал все силы работе, которая приобрела для него особое значение. С утра и часто до позднего вечера Родион Яковлевич занимался решением неотложных и порой сложнейших вопросов руководства Вооруженными Силами. Только в короткие вечерние часы он мог отвлечься от текущих дел.

Знаменательным событием в жизни Родиона Яковлевича явилось его шестидесятилетие со дня рождения. 23 ноября 1958 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось:

«В связи с шестидесятилетием со дня рождения Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Героя Советского Союза Малиновского Р. Я. и отмечая его заслуги перед Советским государством и Вооруженными Силами СССР, наградить тов. Малиновского Родиона Яковлевича второй медалью «Золотая Звезда», соорудить бронзовый бюст и установить его на постаменте на родине награжденного».

Сотни друзей и товарищей горячо поздравили Родиона Яковлевича с высокой правительственной наградой.

Военная и общественно-политическая деятельность Родиона Яковлевича в течение 10-летнего пребывания на посту Министра обороны СССР была богата крупными событиями внутреннего и внешнего плана. Это были годы научно-технической революции, когда происходили коренные изменения в военном деле, формах и способах ведения вооруженной борьбы. Во внешнеполитическом отношении это были годы борьбы за мир во всем мире, когда увеличивалась напряженность в международных отношениях, усиливался процесс гонки вооружения.

Недобитые гитлеровские генералы пытались снять вину с немецкого фашизма за развязывание второй мировой войны. Раздавались даже голоса о том, что «Гитлер не хотел второй мировой войны». Пропагандировалась «теория упущенных возможностей» и преподносились идеи о необходимости «переиграть войну». Заправила НАТО подогревали западногерманских реваншистов.

В условиях «холодной войны», которую проводили империалистические круги, Коммунистическая партия не могла ослаблять усилий по укреплению обороны нашей Родины и повышению боевой готовности Вооруженных Сил. Она учитывала, что силы реакции способны перейти от «холодной войны» к «горячей». Оборонная мощь Советского Союза должна была стать такой, чтобы сорвать преступные планы агрессора, а если война станет фактом — решительно разгромить любого противника.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели в росте экономического могущества страны, укреплении обороноспособности не только обеспечение безопасности СССР, но и моральную поддержку всех прогрессивных сил, боровшихся за мир, демократию, национальную независимость и социализм.

С самого начала своей деятельности на посту Министра обороны Родион Яковлевич по указанию Центрального Комитета партии занялся выработкой мероприятий по освоению и эксплуатации войсками новой техники и вооружения. В центре его внимания находился ракетный щит

нашей Родины — Ракетные войска стратегического назначения.

Для защиты основных политических, административных, экономических и транспортных центров от воздушного противника Родион Яковлевич принимал меры к созданию средств противовоздушной обороны.

Перевооружалась авиация Военно-Воздушных Сил, Противовоздушной обороны страны и Военно-Морского Флота. Фронтая, дальняя и ракетноносная авиация вооружалась истребителями-перехватчиками, истребителями-бомбардировщиками, истребителями со сверхзвуковой скоростью полета, с более современной пилотажно-навигационной аппаратурой.

В Сухопутных войсках в эти годы на базе артиллерийских частей создавались и укомплектовывались ракетные войска. Совершенствовались танковые войска, которые были для Малиновского предметом особого внимания. Родион Яковлевич был уверен, что организационно-штатное укрупнение и массирование танков в сражениях, маневренность танковых войск и качественное совершенствование бронетехники в годы войны не потеряли своего значения и в новых условиях. Чем большее массирование танков на поле боя, думал он, тем меньше потерь, тем вернее успех в бою и сражении.

По мнению Родиона Яковлевича, будущая война немислима без брони и человека в ней. Он стоял за предельное совершенствование танка. Р. Я. Малиновский глубоко понимал роль танковых войск в современной войне. «У нас нет никакого сомнения, — говорил он, — что у танковых войск впереди большое будущее, что им будет принадлежать важная роль в достижении победы...». Заботясь о подготовке высококвалифицированных офицерских кадров для танковых войск, маршал Малиновский уделил много внимания Военной академии бронетанковых войск, которая ныне носит его имя.

В бытность Р. Я. Малиновского Министром обороны СССР была введена единая организация мотострелковой, танковой, воздушно-десантной дивизий.

Много времени уделил Министр обороны вопросам противолодочной обороны Военно-Морского Флота и строительства в связи с этим баз для подводных лодок.

При его участии совершенствовались органы высшего военно-политического руководства. Военный совет при Совете обороны СССР в ноябре 1957 г. был переименован в Главный военный совет при Совете обороны СССР. Как и в прежние годы, Р. Я. Малиновский уделял большое внимание совершенствованию партийно-политической работы в Вооруженных Силах, повышению роли парторганизаций в армии и на флоте.

Важное место в деятельности Родиона Яковлевича занимала проблема управления войсками. Под его неослабным контролем разрабатывались и внедрялись автоматизированные системы управления в высшем звене руководства. Маршалам Малиновским были рассмотрены перспективы развития средств связи для тактического звена управления, введены в действие Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб, боевые уставы, а также методические пособия для войск.

Родион Яковлевич добивался усовершенствования программ боевой подготовки в направлении конкретизации их с учетом происшедших изменений в вооружении, способах ведения боевых действий, тактики и вооружения вероятных противников, а также в общеобразовательном цензе призываемого личного состава. Многообразная сфера управления Вооруженными Силами занимала главное место в служебной деятельности Родиона Яковлевича. Маршал Малиновский исходил из того, что в современных условиях боевых действий сторона, потерявшая управление войсками, обречена на поражение, поэтому он требовал от подчиненных инстанций стабильного управления, устойчивой и непрерывной связи в условиях, приближенных к боевым.

Малиновский подчеркивал, что в основе управления войсками в бою лежит решение командующего (командира), и во время подготовки войск и штабов признавал удачными те решения, которые требовали от войск мобильных и энергичных действий. В выработке решения у него был свой, очень интересный и только ему присущий метод. «Момент

принятия решения командующим — трудный момент, — говорил Малиновский профессорско-преподавательскому составу Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова в 1956 г. — Надо решиться на великое дело, надо отдать себя без остатка только одному, часто очень рискованному, но необходимому решению. В этих случаях мысль работает напряженно, она полна противоречий: одно — желаемое решение, встречает всякие расчетные возражения; другое — наталкивается на громадные трудности при его проведении в жизнь; третье — заманчивое, простое и нерискованное решение избавляет от всех тревог и юридической ответственности. Вот так переплетаются сомнения, трудности, искания. А принять решение обязательно надо. Это требует большой отваги и огромной силы воли. Это, конечно, не всем дано. Не всегда легко принять правильное решение. Бывает иногда, что и штаб со своим предложением довлеет над волей командующего».

Обладая большим политическим и военно-техническим кругозором, он был убежден, что в современных условиях боевой деятельности войск у командира и штаба не будет времени для продолжительных размышлений и всякого рода совещаний с подчиненными перед принятием решения на операцию. В своей деятельности он избегал термина «выработка решения», критиковал командиров дивизий и тех военачальников оперативного звена, которые ждали проектов решений от своих подчиненных и часто прибегали к таким оборотам речи, как «считал бы», «полагал бы», «возможно», «надо думать» и так далее. Командному языку, считал он, более свойственно повелительное наклонение, чем сослагательное. Надо, чтобы подчиненные поверили в него и прониклись желанием во что бы то ни стало выполнить задачу. Он призывал военачальников учиться умению быстро и обоснованно принимать решения, а также четко, ясно и целеустремленно их формулировать.

Родион Яковлевич запомнился военачальникам Советской Армии как активный сторонник оперативно-тактических летучек, которые он обычно неожиданно проводил с высшим комсоставом. Бывший начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант М. И.

Головнин рассказывал, как маршал Малиновский, прибыв в Группу советских войск в Германии, вызывал к себе руководящий состав Группы и без лишних слов вручал письменное задание на оперативно-тактическую тему из портфеля одного из офицеров Генштаба. Устанавливалось время, и генералы приступали к работе. Они обязаны были проанализировать обстановку, принять решение, поставить задачи подчиненным и оформить их на карте и письменно. По истечении времени Родион Яковлевич собирал материалы и увозил с собой для проверки.

Летучки нацеливали военачальников всех степеней лично изучать общевойсковые вопросы, всегда быть готовыми грамотно обеспечить операцию и заменить командующего (командира) в случае необходимости. При этом министр обязывал подчиненных исполнять штабные документы от руки, что нередко приходилось делать крупным военачальникам в годы войны по соображениям скрытого управления войсками.

Министр дорожил армейскими кадрами и много работал над повышением их роли и значения, вкладывал в решение вопросов кадровой политики нашей партии всю теплоту своей богатой души.

Родион Яковлевич систематически занимался вопросами подготовки младших командиров и специалистов, повышения роли сержантов в обучении и воспитании солдат, подбора, расстановки и воспитания офицерских кадров в военно-учебных заведениях Вооруженных Сил, проявлял заботу о начале служебной деятельности молодых офицеров, о сохранении боевых и революционных традиций соединений, частей и кораблей.

В то время некоторые военные специалисты были склонны отдать предпочтение технике перед человеком, тем более что мощное ракетно-ядерное оружие действительно стало главным средством вооруженной борьбы. Родион Яковлевич был против подобной постановки вопроса. «Такой односторонний подход к развитию военного дела таит в себе серьезные опасности, — говорил он. — Известно, что воюет не техника сама по себе, а люди, овладевшие техникой. Отсюда следует, что надо старательно изучать технику,

ценить ее, использовать все ее возможности и вместе с тем не допускать никакого ослабления внимания к воспитанию людей».

Родион Яковлевич внимательно относился к человеку-воину и строил свои отношения с ним одинаково ровно, независимо от его звания и должности. Но, понимая всю сложность отношений между людьми в процессе их трудовой деятельности, Малиновский требовал от подчиненных и сам строил отношения с ними продуманно. Ему было свойственно не выходить из себя, не распекать, не обижать. Его замечания, высказанные в неизменно спокойном тоне и вежливой форме, действовали сильнее любого окрика и воспринимались как наказание и как толчок к немедленному устранению оплошности. Родион Яковлевич не оставлял без внимания ни одной слабости, не допускал компромиссов или оттяжек в устранении недостатков. Несмотря на то что с виду он казался хмурым и суровым человеком, Родион Яковлевич любил юмор и шутки.

Однажды к нему поступило письмо одного полковника, который сетовал на то, что летом он ничем не отличается от старших офицеров ниже его по званию, в то время как зимой такое отличие делает папаха. На письме есть резолюция маршала Малиновского: «Товарищу Баграмяну И. Х. В порядке исключения можно разрешить этому полковнику носить папаху летом».

Министра обороны интересовал быт военнослужащих и их семей. Летом 1964 г. на заседании коллегии Министерства обороны с привлечением политических, хозяйственных, строительных органов и Главного управления торговли Министерства обороны рассматривался вопрос о состоянии и мерах по улучшению военной торговли, о ходе жилищного и культурно-бытового строительства в Вооруженных Силах СССР. Были разработаны планы жилищного и культурно-бытового строительства, а также планы перспективного развития торговой сети.

Р. Я. Малиновский твердо и последовательно претворял в жизнь политику Коммунистической партии в области военного строительства и обеспечения безопасности Советского государства. Под его руководством проводилась

многогранная работа по развитию видов Вооруженных Сил, оснащению их новейшими средствами борьбы, обучению и воспитанию советских воинов; разрабатывалась теория применения войск в сражениях современной войны; обогащалась история советского военного искусства. За десять лет руководства Министерством обороны Малиновский многое сделал и по укреплению боевого содружества стран Варшавского Договора, усовершенствовав взаимодействие войск братских армий на полях учений.

В решении вопросов военной теории Малиновский опирался на опыт Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., обобщению которого уделял большое внимание. Итогом раздумий маршала Малиновского является изданная в 1962 г. брошюра под названием «Бдительно стоять на страже мира». В ней Родион Яковлевич характеризует основные черты советской военной доктрины, показывает состояние Вооруженных Сил на современном этапе, касается проблем формирования нового человека и воспитания воинов. Его перу принадлежит много статей теоретического и военно-исторического характера. Под редакцией Малиновского и при его непосредственном участии изданы труды: «Ясско-Кишиневские Канны», «Будапешт — Вена — Прага», «Финал». Свидетельством литературных способностей Родиона Яковлевича является его автобиографическая книга «Солдаты России», которая была закончена незадолго до смерти.

Находясь на высоком посту, маршал Малиновский наносил визиты военно-политическому руководству стран социалистического содружества. Во главе военных либо в составе партийно-правительственных делегаций он посетил ряд иностранных государств, принимал военные делегации из социалистических стран, капиталистических и развивающихся государств. В своих выступлениях и беседах маршал умело передавал военный опыт, настойчиво проводил политику Советского Союза. Знание французского и испанского языков позволяло ему свободно общаться с людьми из-за рубежа.

Родион Яковлевич много времени отдавал общественно-политической деятельности. Он неоднократно избирался

кандидатом в члены и членом ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, выступал на партийных конференциях и перед своими избирателями.

В редкие часы досуга Родион Яковлевич любил заниматься рыбной ловлей на Рублевском водохранилище, в Гурзуфе, на Дунае в Венгрии. Он увлекался шахматами и играл в них в самолете, в поезде, дома — всюду, где позволяла обстановка.

Иногда он ходил на охоту и предпочитал делать это без сопровождения. Яловые сапоги, водонепроницаемые брюки, длинная куртка с меховым воротником да темный берет на голове придавали ему вид бывалого охотника. Находясь зимой 1960 г. в Карловых Варах, он сделал несколько карандашных зарисовок.

...Болезнь прогрессировала. Свой двадцатый и последний парад войск маршал Малиновский принимал на Красной площади в 1966 г., будучи уже тяжело больным.

Около пяти месяцев Родион Яковлевич был прикован к постели. Его мужеством был потрясен весь медицинский персонал. Пятница, которую он не любил, в больнице обострила отрицательные чувства к ней. В этот день он никого не принимал...

Настольный календарь больше не перелистывается. На листке, обозначающем 31 марта 1967 г., — запись: «Вот она — проклятая пятница. Ты ее не любил, и она тебя унесла...» Он умер в 15 часов 15 минут. Запись сделала жена Раиса Яковлевна Малиновская.

С тех пор на письменном столе все осталось, как при нем: простая лампа с зеленым абажуром; две миниатюрные фотографии супругов, обрамленные в самшитовые рамки; обыкновенная авторучка, которой он писал «Солдаты России». Каждая вещь в ящиках рабочего стола имеет свое место: блокноты, папка, тетради, записная книжка, готовальня, наборы чернил, специальные тряпочки для обтирания перьев...

Большой жизненный путь прошел Родион Яковлевич Малиновский: от солдата до Маршала Советского Союза —

выдающегося полководца. Его судьба неразрывно связана с армией, с борьбой партии и народа за укрепление могущества нашей Родины, с защитой завоеваний Великого Октября в годы гражданской войны, Великой Отечественной 1941— 1945 гг. и с послевоенным строительством Советских Вооруженных Сил.

Маршал Р. Я. Малиновский навсегда оставил в памяти народной доброе имя человека несгибаемой воли, терпения, выдержки. Душевный и отзывчивый военачальник, он до конца дней сохранил близость и любовь к солдатским и офицерским массам.

Родина высоко оценила ратные и трудовые подвиги Родиона Яковлевича. Он был дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден пятью орденами Ленина, орденом «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, многими советскими медалями и иностранными орденами и медалями.

Его имя присвоено Военной академии бронетанковых войск в Москве; гвардейской танковой дивизии; селу Балан, где размещался штаб 2-го Украинского фронта перед началом Яско-Кишиневской операции; одной из улиц г. Кишинева; одному из районов города Одессы. Бюст Р. Я. Малиновского, установленный на его родине — в городке-герое Одессе, воплотил облик мужественного и волевого полководца и военачальника, верного сына своего народа.

Командующий Дальневосточным военным округом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский среди генералов и офицеров штаба округа. Хабаровск, 1956 г.

Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский и К. А. Мерецков осматривают орудия защитников Порт-Артура. 1945 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. 1945 г.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский (в центре), Маршал МНР Х. Чойбалсан и посол СССР в МНР И. А. Иванов среди советских и монгольских военачальников. 1945 г.

Слева направо: Marshалы Советского Союза К. А. Мерецков, Р. Я. Малиновский и А. М. Василевский на аэродроме в Дайрене. Август 1945 г.

Выступление командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Р. Я. Малиновского перед летным составом 5-й воздушной армии. 1944 г.

Военный совет 2-го Украинского фронта. Слева направо: генерал-полковник И. З. Сусайков, Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, генерал-лейтенант М. М. Стахурский. 1944 г.

Р. Я. Малиновский во время приема Рауля Кастро. Октябрь 1965 г.

Посещение Р. Я. Малиновским танковой дивизии венгерской Народной армии. Апрель 1966 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава I. Суровое детство. Испытание юности.
Военная академия. Испания. Вновь военная академия
- Глава II. Командир корпуса. Накануне. Горечь отступления.
- Глава III. Командующий 6-й армией. На стыке фронтов. Во главе контрудара двух армий в Донбассе
- Глава IV. Командующий Южным фронтом. Наступление в Донбассе. Юго-восточнее Харькова. Оборона в выступе севернее реки Дон
- Глава V. Формирование 2-й гвардейской армии. Борьба с Манштейном. Вновь во главе фронта. Штурм Запорожья
- Глава VI. От Днепра до Днестра
- Глава VII. Яско-Кишипевские Канны
- Глава VIII. Освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии
- Глава IX. В последней кампании
- Глава X. После войны

Василий Селиверстович Голубович

«МАРШАЛ Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ»

Редактор Т. П. Крошкина

Художник Е. А. Михельсон

Редактор (литературный) А. Г. Кобозева

Художественный редактор Н. Б. Попова

Технический редактор А. А. Перескокова

Корректор Н. А. Киселева

ИБ № 2187

Сдано в набор 04.10.82. Подписано в печать 22.06.83. Г-62769. Формат 70x108/aa Бумага тип. № 1.

Гари обыкнов. новая. Печать высокая. Печ. л. 6³/₄. Уел. печ. л. 9,45-Б1 вкл. V* печ. л.; 0.70 уел. печ. л.;

Уел кр. отт. 10,33. Уч.-изд. л. 10,93. Тираж 150 тыс. экз. (1-й завод 1 —85 000 экз.— «Библиотечная серия»).

Изд. № 2/8626. Зак. 195. Цена 45 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160 1-я типография
Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом
3

КОММЕНТАРИИ

1

9-я армия была развернута из войск Одесского военного округа.

2

ЦАМО, ф. 16А, оп. 1024, д. 13, л. 38—39.

3

ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 2, л. 50.

8 В. С. Голубович, Библиотечная книга

4

Там же.

5

ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 2, л. 325.

6

Там же, л. 327.

7

* Там же, л. 336—337, 344.

8

ЦАМО, ф. 16А, оп. 983, д. 10, л. 8—11.

9

ЦАМО, ф. 19А, оп. 2714, д. 2, л. 314—345.

10

См. там же, с. 190, 191.

11

См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 9, с. 195.

12

Там же. л. 9—10.

13

ЦАМО, ф. 66А, оп. 178499, д. 8, л. 4.

14

ЦАМО, ф. 19А, оп. 1331, д. 182, л. 112—113.

15

См.: Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1959, с. 81.

16

Там же, л. 141, 142.

17

Там же, л. 34—35.

18

Там же, л. 55.

19

ЦАМО, ф. 16А, оп. 1022, д. 47, л. 64.

20

ЦАМО, ф. 48А, оп. 4, д. 101, л. 354.